

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2016. Vol. (17). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Vlaskina Nina – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000, Sochi, Russian Federation
Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 22.03.2016.
Format 21 × 29,7.

Typeface Georgia.
Accounting sheets 6,4.
Printing sheets 9.
Order № 17

© Russkaya Starina, 2016

Издается с 1870 г.
ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2016. № 1 (17). Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Джанжугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **Научная электронная библиотека** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 22.03.2016.
Формат 21 × 29,7

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 6,4. Усл. печ. л. 9.

Заказ № 17

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом «Исследователь»» –
Academic Publishing House *Researcher*

© Русская старина, 2016

CONTENTS

Column by Editor in Chief 4

Relevant Topic: The Herrnhuter Mission in Russia

Sarepta and the Russian Government from the Foundation of the Settlement
to the End of the 18th Century
Sergei N. Lositsky 5

Abolishment of the Moravian Community in Sarepta
Aleksandr E. Parfenov 19

Kalmyk Collections in German Museums: on the Issue of the Ethnic Tradition
Svetlana G. Batyreva 26

Articles and Statements

Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism”
(Based on Periodicals of the 1860s)
Alexey A. Volvenko 33

Soviet Youth Nonconformist Subculture in the Context of the International
Movement of Youth Protest (the End of the 1960s – 1970s)
Alexander A. Venkov 41

Reviews and Surveys

The Significance of Battles of 1941–1943 in the South of Russia
in the Victory in the Great Patriotic War
Evgeny F. Krinko 61

Kravtsov, A.E. etc. (eds.). *The Town of Hadyzhensk:
150 Years of History*. Hadyzhensk: Platonov, 2014
Igor O. Tyumentsev 69

Column by Editor in Chief

Журнал «Русская старина» имеет давнюю историю. В прошлом году миновало 145 лет с начала его выхода в 1870 г. и 5 лет с момента возрождения в 2010 г. Общий срок издания журнала за это время превысил 50 лет, было опубликовано почти 2000 статей свыше 2000 авторов. За полвека с лишним журнал возглавляли разные люди со своими представлениями о том, какой быть «Русской старине». Определяя современные направления редакционной политики, нужно помнить о предшественниках. Французский философ Бернар Шартрский не зря говорил о том, что «мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов; мы видим больше и дальше, чем они, не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли и увеличили наш рост собственным величием».

Основателем, первым издателем и редактором «Русской старины» был историк, журналист и общественный деятель Михаил Иванович Семевский. Находясь на государственной службе, он первоначально не мог быть официальным редактором, которым первые семь лет числился его троюродный брат Василий Арсеньевич Семевский. Тем не менее именно М.И. Семевский задал векторы развития журнала, основной целью которого стало содействие в разработке русской истории, преимущественно с эпохи Петра I, хотя в нем публиковались и исследования по более раннему периоду истории России, а также значительное количество документальных, мемуарных и эпистолярных материалов. После М.И. Семевского обязанности редактора временно и недолго выполнял его ближайший помощник Александр Семенович Лоцинский. Затем, с 1892 г. до революции 1917 г., журнал возглавляли военные историки – генералы Николай Карлович Шильдер, Николай Федорович Дубровин, Сергей Павлович Зыков и Павел Николаевич Воронов. В целом журнал сохранял свою направленность, став одним из самых ярких исторических периодических изданий дореволюционной России.

В 2010 г. издание «Русской старины» было возобновлено по инициативе руководителя научного издательского дома «Исследователь» Александра Арвелодовича Черкасова. А в 2014 г. главным редактором «Русской старины» стала Татьяна Павловна Хлынина, приход которой придал новый импульс журналу. К сожалению, в прошлом году Т.П. Хлыниной не стало. Члены редколлегии посчитали своим долгом довести выпуски журнала в 2015 г. по намеченным ею направлениям, не меняя ни предложенных рубрик, ни общей направленности издания.

Открывая 2016 г., мы хотим подчеркнуть свою преемственность с существующими традициями. Миссия нашего журнала заключается в представлении результатов современных исследований по истории и культуре России. Приоритетными направлениями являются исторические закономерности и цивилизационные особенности развития России как многонациональной страны с драматичной и противоречивой историей, уникальным историко-культурным наследием, а также традиции и обычаи населяющих ее народов, их опыт совместного проживания на протяжении длительного времени. Надеемся, что публикации по указанным направлениям вызовут интерес у наших читателей.

Главный редактор «Русской старины»,
д.и.н. **Е.Ф. Кринко**

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 5–18, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.5
www.ejournal15.com

Relevant Topic: The Herrnhuter Mission in Russia

UDC 94(470.4)

Sarepta and the Russian Government from the Foundation of the Settlement to the End of the 18th Century

Sergei N. Lositsky

Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Reserve “Old Sarepta”
Russian Federation
10, Izobilnaya Street, Volgograd, 400026
E-mail: nauka.sarepta@mail.ru

Abstract

In 1765, near Tsaritsyn on the Volga, a German settlement was established and named Sarepta. The settlement was founded due to the so-called colonization policy initiated by the Russian Empress Catherine the Great to encourage the economic development of territories in the South of Russia. While Sarepta was one of many foreign settlements established in the Lower Volga region in the late 18th century, it was sharply different as to the social status of its inhabitants and some preferences and benefits they received from the Russian Government. Those preferences and benefits were granted due to the special relationship of the Sarepta founders with the Russian state authorities.

Keywords: Catherine the Great, foreign settlements, preferences, Russian Government, Volga.

Введение

Мероприятия, предпринятые Екатериной II, по привлечению иностранных переселенцев на пустующие земли юга Российской империи, задумывались как широкомасштабный проект и носили системный характер. Прекрасно понимая ситуацию на южных окраинах империи – незащищенность от степных кочующих племен и огромное количество необработанной земли, – российское правительство во второй половине XVIII в. пришло к выводу о необходимости обезопасить границы страны и обеспечить обустройство пустующей территории. Этих целей было решено добиться с помощью выходцев из Западной Европы. Исходя из международной ситуации начала 1760-х гг., Россия понимала, что к этому времени сформировались очень благоприятные условия для приглашения иностранцев, особенно из германских земель, к колонизации южных рубежей страны. Постоянные войны и произвол курфюрстов доводили население раздробленных немецких земель (а в середине XVIII в. в Германии сельское население составляло 70 %) до крайней степени нужды и отчаяния [1].

Материалы и методы

В работе над данной статьей были использованы материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГААО), Архива Братского союза гернгутеров в городе Гернгут (Германия). Это законодательные акты, переписка и делопроизводственная документация (отчеты, доклады). Также в исследовании привлекались публикации специалистов по истории иностранной колонизации в России в XVIII в. и по истории колонии Сарепта в частности.

Работа выполнена с применением историко-ситуационного метода, который предполагает изучение исторических фактов в широких рамках хронологического периода и в контексте связанных с ними событий.

Обсуждение и результаты

Опубликовав в декабре 1762 г. манифест с призывом к иностранцам селиться на российских просторах, Екатерина II ожидала массового наплыва переселенцев, однако в связи с тем, что в тексте манифеста будущие колонисты не нашли ожидаемых условий (не были обещаны льготы, не оговаривались денежные пособия и проч.), поток желающих связать свою судьбу с Россией оказался крайне мал. Видя такое положение, Екатерина II издала 22 июля 1763 г. манифест, который и положил начало реальной колонизации российских земель. В манифесте конкретно оговаривались привилегии и льготы переселенцев. Итогом явилось основание в различных местах Российского государства с 1764 по 1864 гг. 599 колоний, имевших во владении 3 782 104 десятины земли [2].

Екатерина II четко подходила к организации учреждений, которые контролировали переселенческое движение в Россию, обустройство переезжающих на поселение и дальнейшее развитие территории. Одновременно с манифестом 1763 г. в Петербурге была учреждена Канцелярия опекунства иностранных, «которой были предоставлены и власть, и преимущества против прочих государственных коллегиев» [3]. Во главе канцелярии стал генерал-адъютант и камергер граф Григорий Орлов. Вице-президентом был назначен Василий Баскаков. Канцелярия опекунства иностранных и ее президент имели особый статус, отчитываясь только перед императрицей и оставаясь независимыми в своих действиях от других высших государственных учреждений, и полную власть над колониями – и административную, и судебную.

Пытаясь контролировать широкий поток переселенцев в поволжские земли (за шесть лет с 1764 г. в Самарской и Саратовской губерниях было основано 102 колонии) [4] и не имея возможности оперативного управления на месте большим числом немецких колоний, Канцелярия опекунства иностранных в апреле 1766 г. организует особую контору в Саратове. Саратовская контора должна была следить за приемом колонистов и наблюдать за губернскими властями. Губернские канцелярии занимались отводом земли и поселением, выделением денег, контролем над расходом авансов. В 1775 г. были учреждены должности комиссаров – по одному в каждом из 13 округов проживания колонистов. С 1782 г., после образования наместничеств, Канцелярия опекунства иностранных была упразднена и колонисты перешли в ведение общего с государственными крестьянами управления, т.е. казенных палат, земских исправников, земских и уездных судов.

Но уже в 1797 г. ввиду упадка колоний власть вернулась к прежнему порядку управления колонистами. Были установлены отдельные местные самоуправления для поволжских колоний, для северных колоний (Санкт-Петербургской губернии) и для южных колоний (Херсонской, Таврической и др. губерний).

Главное же управление колониями осуществлялось местными губернаторами [5]. Таким образом, за тридцать с небольшим лет российское правительство четыре раза вносило изменения в управление делами колоний.

Колония Сарепта, основанная членами Евангелического братского общества в волжских степях недалеко от Царицына и имеющая наиболее широкую известность в исторической литературе, стоит несколько в стороне от процессов колонизации российских земель. Во-первых, Сарепта была основана не отдельными переселенческими семьями, а организованным, имеющим свою центральную дирекцию обществом. Во-вторых, цели и задачи колонистов Сарепты отличались от целей и задач людей, покинувших свою

родину ради лучшей доли на чужбине. В-третьих, члены Евангелического общества имели опыт переговоров с российским правительством и в разные годы делали попытки обосноваться в России, в том числе и по приглашению знатных российских вельмож. В-четвертых, Сарепта имела особую юридическую базу, над созданием которой активно работали представители центральной дирекции братства, входя в непосредственный контакт с высшими представителями российской администрации.

Евангелическое братское общество гернгутеров, члены которого основали Сарепту, оформилось в 1727 г. на саксонских землях в городе Гернгут (отсюда их название). Основной своей целью гернгутеры провозгласили миссионерскую деятельность. «Осуществить истинно благочестивую жизнь по учению Спасителя и Его апостолов» – так видели свое призвание братья. Донести идеи Христа словом и делом, не только изучением Библии, но и повседневной жизнью и работой – для достижения этой цели Братское общество активно создавало свои поселения по всему миру. Всего через двадцать с небольшим лет после своего основания братство содержало 286 миссионеров в 70 странах по всему миру: от Западной Индии до Гренландии [6]. Деятельность братских колоний приносила свои плоды, и Евангелическое братское общество становилось все более известным. Свидетельством этого являются 56 предложений о создании поселений гернгутеров, поступивших из различных стран и хранящихся в архиве Гернгута [7].

Однако от русского правительства таких предложений не поступало, хотя братья рассматривали русские земли как место возможного создания миссии среди нехристианских народов России. Уже через семь лет после оформления своей организации, в 1734 г., общество делает первую попытку начать работу в России и посылает трех братьев в Москву. Этот первый шаг оказался неудачным. Безрезультатными были также попытки 1742–1743 гг. Не откликнулись братья и на приглашение к поселению и созданию колонии в частных владениях, т.к. основным критерием для приезда в страну было одобрение и помощь правительства. И только политика Екатерины II в отношении иностранцев позволила братьям начать новые переговоры с российской администрацией, завершившиеся созданием колонии Сарепта.

Организация и ход переговоров об основании поселения гернгутской общины в России после смерти императрицы Елизаветы проходили сравнительно успешно не только благодаря тому, что репутация колоний Евангелического братского общества в Европе и других частях земного шара была высокой (эти поселения достигли определенного экономического развития), но и потому, что во многом базировались на личных отношениях заинтересованных в создании колонии лиц. Два человека служили посредниками в переговорах между властями России и дирекции Гернгута. Первый – граф Иван Чернышев, узнавший о Евангелическом обществе от своего брата Захара Чернышева. Второй – Фридрих Келлер, медик, евангелист, проникся идеей братства и подружился с гернгутерами в Лифляндии. Иван Чернышев и Фридрих Келлер встретились в Вене, где первый был послом, а второй медиком при российском посольстве. В течение 1761–1762 гг. они вели переписку с дирекцией общины [8], в ходе которой граф просил прислать к нему представителя братства для разъяснения тех препятствий, которые имеет община в ходе организации миссии в России, с тем чтобы в ходе личных бесед с российскими официальными лицами оказать поддержку гернгутерам. Через Ф. Келлера И. Чернышеву была передана записка дирекции, в которой подробно объяснялась вся ситуация, сложившаяся на данный момент, приложены устав Евангелического братского общества и материалы, разъясняющие его учение.

Граф, подготовив все необходимые бумаги, обратился с просьбой об аудиенции к Екатерине II, чтобы рассказать ей лично о планах Гернгута. Рассказ И. Чернышева вызвал у императрицы интерес, тем более что о Братском обществе и его членах она знала с детства, т.к. жила рядом с помещьем братства в замке Дорнбург, недалеко от Барби, и имела положительные отзывы о братьях от своей матери.

В апреле 1763 г. Екатерина через генерал-прокурора Сената Александра Глебова вызвала Ф. Келлера в Москву, где находился в то время двор, и пригласила своих чиновников присутствовать при встрече с ним. Ф. Келлер передал привезенные из центральной дирекции документы А. Глебову для изучения при личном присутствии Екатерины II [9]. Готовность императрицы к контакту выразилась в том, что после встречи

Ф. Келлер, получив чин надворного советника и официальную записку Екатерины с уверениями в высочайшем благоволении, особенно к ним (гернгутерам), и приглашением поселиться в России, в конце лета 1763 г. отбыл в Гернгут.

Доложив в центральной дирекции братства о том, что почва для дальнейших, уже конкретных, переговоров по переселению подготовлена, Ф. Келлер 3 октября через подключившегося к переговорам графа Григория Орлова (за два месяца до этого назначенного президентом Канцелярии опекунов иностранных) отправляет Екатерине II бумагу, в которой дирекция просит принять своих представителей для дальнейшей работы. Этими представителями были выбраны Пауль Лауриц (епископ) и Иоганн Лорец (советник дирекции). Их основной задачей было урегулирование вопроса веры и вопроса разрешения миссионерства среди нехристианских народов Российской империи.

7 декабря 1763 г. делегаты прибыли в Санкт-Петербург, а уже 9 декабря императрица лично встретила с Ф. Келлером и через три дня – со всей делегацией братства. В течение января 1764 г. И. Лорец и П. Лауриц ждали заключения комиссии под председательством митрополита новгородского Дмитрия, в которую передали документы, разъясняющие цели и задачи Евангелического братского общества. Священный синод Русской православной церкви дал согласие на поселение, однако не рекомендовал принимать в общину подданных Российской империи. Миссионерскую деятельность гернгутерам дозволено было вести на юго-востоке России и в пограничной зоне южнее Астрахани среди кочевников (казахи, калмыки) и горских народов Кавказа. И. Лорец и П. Лауриц проявляли активность и в установлении личных контактов. В течение двух месяцев, находясь в столице, они вели переговоры с высшими представителями Русской православной церкви и гражданской администрации. С декабря 1763 г. по февраль 1764 г. депутаты отправили в центральную дирекцию общины десять подробных отчетов о ходе переговоров и результатах встреч [10].

Итог второго этапа переговоров был закреплен документом «О дозволении выходить и селиться в России членам религиозного общества Гернгутеров», подписанным Екатериной II в феврале 1764 г. В нем говорилось о благоприятном заключении Священного синода об учении Братского общества и его уставе и разрешалось братьям поселение по всей империи и свободное отправление своей веры. После отъезда П. Лаурица и И. Лорца из Петербурга императрица в беседе с астраханским губернатором Н. Бекетовым посоветовала ему принять братьев и выделить им землю в губернии.

Вернувшись из России, делегаты Братского общества доложили центральной дирекции о положительном исходе своей миссии. Однако дирекция не могла самостоятельно решить важнейший для братства вопрос об основании поселения на далеких землях. Был созван Генеральный синод Братской общины, на котором было решено одобрить создание в России между Царицыном и Астраханью колонии братства, а для заключения окончательного договора послать в Петербург магистра общества Петра Конрада Фриза.

Третий этап переговоров, который вели П. Фриз и его ассистент Иоганн Эрих Вестман, закончился утверждением Екатериной II доклада Григория Орлова от 7 июня 1765 г. «О правилах для поселения в России братского Евангелического общества».

Имея опыт общения с российскими чиновниками, дирекция четко представляла себе, что без личной поддержки высших чинов России переговоры могут быть неэффективными и затянутся на неопределенный срок. Поэтому братство постаралось заручиться поддержкой лиц, от мнения которых зависело принятие основного документа. Для этого 24 февраля 1765 г. из Гернгута графу Г. Орлову было отправлено письмо с рекомендациями и представлением П. Фриза как агента братства [11]. Такое же письмо было послано графу И. Чернышеву. Поддержка братьев Чернышевых в переговорах была важна, т.к. Захар Чернышев занимал пост президента Военной коллегии, а Иван Чернышев являлся командиром российского галерного флота.

Поиск согласия по многим вопросам давался переговорщикам нелегко. Однако многие предложения, внесенные на рассмотрение П. Фризом, были одобрены, и колония в России получила уникальные льготы:

1. Колония свободно владела землей и имела собственное наследственное право.
2. Суд первой инстанции в колонии был приравнен к уездному суду. Таким образом, колония имела возможность создавать собственную полицию и суд, оформлять все коммерческие сделки и завещания.

3. Был обеспечен беспрепятственный прием в колонию посторонних лиц с выдачей им внутреннего паспорта на месте.

4. Денежные авансы начислялись на общий счет и выдавались не отдельным колонистам, а на руки начальнику колонии.

5. Были решены вопросы способа начисления налога – как залог успешной работы. Налоги колония платила не с каждого колониста, взыскание производилось со всего общества. Причем налогообложению подлежали не все земли, принадлежавшие колонии, а только угодья, действительно пригодные для обработки.

6. Новому поселению было разрешено иметь представительство в Санкт-Петербурге. Впоследствии купленный по решению Екатерины II в столице за счет казны дом значительно облегчил Сарепте коммерческую деятельность и позволил расширить деловые связи и поддерживать контакты с правительством.

Таким образом, общие усилия графа Г. Орлова, который лично присутствовал на важных совещаниях и поддерживал точку зрения братьев, дипломатическая настойчивость Петра Фриза, а главное – поддержка императрицы позволили к марту 1767 г. согласовать все вопросы по организации братского поселения на берегах Волги. Достигнутые соглашения были закреплены в Особой жалованной грамоте императрицы Екатерины II от 27 марта 1767 г.

Итак, к весне 1767 г. была создана правовая база поселения. Однако первая партия братьев во главе с Даниэлем Фиком прибыла в Россию уже осенью 1765 г. и приступила к непосредственной работе по организации колонии. С этого времени отношения Сарепты с властями выходят на новый уровень – уровень конкретных сумм, прошений и отчетов.

Жизнь колонии Сарепта и ее взаимоотношения с российскими государственными учреждениями можно проследить по памятным запискам, прошениям, отправленным из Сарепты в различные ведомства, сведениям о развитии ремесел, производства, просьбам о выдаче денежных ссуд и отчетам по освоению денег. Особенно интенсивным было общение переселенцев с Канцелярией опекунства иностранных и ее филиалом в Саратове – организацией, надзирающей и помогающей колонистам, а также с астраханскими губернскими властями. Сам губернатор Астрахани по просьбе Екатерины II являлся «опекуном» нового поселения. Многие вопросы решались также в Царицынской воеводской канцелярии и канцелярии коменданта Царицына.

По прибытию в Санкт-Петербург весной 1765 г. руководители первой партии переселенцев Даниэль Фик и Йоханн Вестман были представлены П. Фризом графу Г. Орлову, и 11 апреля П. Фриз подал в Канцелярию опекунства иностранных прошение о приехавших братьях, а также о балансе для проезда и закупке стройматериалов для поселения. Приняв присягу в опекунской конторе, переселенцы 24 июля прибыли в Саратов и, осмотревшись на месте, доложили в контору ситуацию со стройматериалами, плотниками, каменщиками. Через две недели от канцелярии царицынского коменданта был получен первый аванс в 500 рублей. Казалось бы, можно было закупать материалы и начинать строительство в выбранном месте, однако 11 августа губернатор Астрахани Н.А. Бекетов своим приказом запретил освоение выбранной колонистами территории для поселения. На следующий день сопровождающий братьев надворный советник Ф. Келлер срочно уехал в Астрахань с задачей убедить Н.А. Бекетова отказаться от запрета. За время вынужденного пребывания в Царицыне переселенцы познакомились с двумя влиятельными лицами города: комендантом фон Дебуергом и командующим артиллерией Царицына генералом фон Штейнбергом. Уже 21 августа, через 10 дней, братья узнали результаты переговоров Ф. Келлера в Астрахани. Н.А. Бекетов разрешил отмерять выбранную землю на реке Сарпе [12].

Во избежание негативного отношения руководства губернии к ним братья в начале осени решили послать в Астрахань брата Абрахама Людвиг Брандта, который совместно с уже находившимся там братом Николаусом Рентелем изложил губернатору Н.А. Бекетову цели и задачи, которые поставила перед собой сарептская община, поселившись в границах губернии. Эта встреча, одна из первых встреч Н.А. Бекетова с колонистами, была крайне результативной. Доброжелательное отношение к Сарепте губернатора подкрепил и визит Д. Фика в Астрахань в начале 1766 г. После этих встреч и бесед Н.А. Бекетов на долгое время стал другом Сарепты.

В 1766 г. колонисты ждали вторую партию переселенцев, которые прибыли в середине сентября. К этому времени надо было позаботиться о строительстве жилья к приезду новых братьев, о рабочих местах и защите колонии. С этой целью начальник колонии Д. Фик обратился в царицынскую канцелярию с просьбой о выдаче денег, а столичные агенты Братского общества Г. Миллер 13 марта [13] и П. Фриз 24 августа [14] просили дополнительных ассигнований в Канцелярии опекунства иностранных на обустройство Сарепты. Зимой 1766 г. агент П. Фриз обратился в Канцелярию опекунства с вопросом о разрешении сарептянам разводить на Ахтубе тутовые деревья. В своем письме директору Ахтубинского шелкового завода надворному советнику Небольсину (Невольсину) астраханский обер-комендант генерал-майор фон Розенберг просил удовлетворить эту просьбу, но колонистам было отказано и предложено взять только семена [15]. Однако в другом случае братья имели губернаторскую защиту. В Астраханской губернии было разрешено во всех колониях винным откупщикам устраивать винные питейные заведения. Такой же кабак откупщики хотели устроить и в Сарепте. Братья на встрече с Н.А. Бекетовым просили отказать откупщикам и обосновали свой отказ, ссылаясь на привилегии, данные им правительством. В письменной форме Н.А. Бекетов обещал охранять права сарептян [16].

В 20-х числах июня 1766 г. представитель братства в Санкт-Петербурге Петр Конрад Фриз встречал вторую партию будущих сарептян (51 человек), прибывших под руководством Иоханна Ничмана и Эриха Вестмана. По прибытии П. Фриз, И. Ничман и Э. Вестман нанесли визиты в Канцелярию опекунства иностранных, а также лично ее президенту графу Г. Орлову, в ходе которых поблагодарили графа и попросили передать благодарность императрице за личное участие в делах строительства колонии. После прохождения таможенных процедур и оформления документов в Канцелярии опекунства переселенцы отбыли в Сарепту [17].

После пополнения колонии новыми членами Канцелярия опекунства иностранных посредством своего саратовского филиала решила провести проверку хода освоения ассигнованных казной денег и строительства нового поселения. С этой целью в ноябре 1767 г. в колонию был направлен лейтенант Дуров. Ему было приказано сделать чертежи уже построенных домов и собрать сведения о состоянии колонии. Братья подготовили документ, в котором по пунктам расписали следующее:

- 1) количество построенных общественных и частных домов;
- 2) стоимость этих построек;
- 3) количество жителей Сарепты обоего пола;
- 4) планы колонистов на последующее строительство и организацию новых промыслов и мастерских [18].

Однако до приезда новых жителей поселенцы пытались разрешить еще одну важную проблему. Дело в том, что спокойствие колонистов нарушали их соседи – калмыки, кочующие в этих местах. Дошло до того, что старшина колонии в середине лета 1766 г. направил астраханскому обер-коменданту фон Розенбергу письмо о том, что калмыки «...много разорений нашим местам учинили» [19]. По указу Царицынской комендантской канцелярии были установлены высокие пограничные столбы, чтобы границы поселения были более понятны калмыкам. Но это не остановило конфликтов с отрядами калмыков. Они травили посеы, угоняли скот, вытапывали сенокосы. В ответ на жалобу сарептян губернатор Н.А. Бекетов посоветовал колонии взять защиту на себя и окружить поселение валом и рвом. Так и сделали, однако эти строения оказались ненадежными и разрушились во время осенне-зимней непогоды. Требовалось более дорогое и грамотное строительство. В начале осени 1768 г. Даниэль Фик, будучи в столице, познакомился со многими влиятельными людьми, в том числе с губернатором Санкт-Петербурга тайным советником С.Ф. Ушаковым, вице-президентом Канцелярии опекунства иностранных В.Г. Баскаковым, архиепископом Санкт-Петербурга Гавриилом. При встрече с графом Г. Орловым Д. Фик рассказал о жизни и развитии Сарепты, в том числе и о трудностях, связанных с ее защитой [20].

Г. Орлов обещал помощь, и уже в начале зимы пришел приказ из Канцелярии опекунства иностранных в Астрахань обеспечить братьям всю защиту и безопасность. Выполняя указание губернатора, комендант Царицына лично принял меры по укреплению колонии, прислав для организации работ по строительству крепости офицера-инженера. Контроль над работами вела Канцелярия главной артиллерии и фортификации в Санкт-

Петербурге, с которой через агента, находящегося в столице, поддерживалась постоянная связь. В Канцелярию опекунства регулярно посылались отчеты о ходе работ по укреплению поселка и потраченных на строительство деньгах [21]. Строительство крепости Сарепты завершилось в 1770 г.

В первые годы колонисты пользовались временными инструкциями центральной дирекции братства по управлению колонией. В это время отсутствовало четкое разделение между внутренним и внешним управлением общины. Пришла пора, и были выработаны правила внутренней и внешней жизни Сарепты, и после согласования с центральной дирекцией общины в июне 1768 г. агент сарептского общества в Санкт-Петербурге Б.Г. Миллер передает вице-президенту Канцелярии опекунства В.Г. Баскакову три документа, присланных из Сарепты:

- 1) уведомление о создании устава колонии;
- 2) разъяснение о порядке наследования;
- 3) о создании внутренних служб полиции и юрисдикции Сарепты [22].

Также прибытие новых колонистов в 1768 г. добавляло работы агентам общества в столице. Весь октябрь агенты Г. Миллер и Я. Лорец посылали прошения в Канцелярию опекунства иностранных, улаживая дела с пошлинами на привозимые переселенцами товары и просьбами об авансах на обустройство Сарепты [23]. Следующая партия, прибывшая в 1771 г. и состоявшая более чем из 60 будущих сарептских жителей, требовала от столичных агентов более серьезной подготовки. Почти за год до их прибытия агент Абрахам Брандт просил выдать ему денег на постройку двух судов для отправки большой партии колонистов по Волге до Сарепты. Идя навстречу просьбе Брандта, Канцелярия опекунства издала указ о выдаче денег в размере 300 рублей на постройку судов в Тверскую провинциальную и Новоторжскую воеводскую канцелярию. На этих судах и прибыли в Сарепту братья и сестры в ноябре 1771 г. [24]. Удовлетворили и просьбу форштеера Даниэля Фика о выделении колонии крупной ссуды в размере 5000 рублей, которые община получила из Царицынской комендантской канцелярии в мае 1771 г. [25].

Прошло семь лет с того момента, как под Царицыном началось строительство колонии Евангелического братского общества, и настало время отчета перед российскими властями. В 1771 г. старшина колонии Д. Фик отправил в Канцелярию опекунства иностранных два отчета, касающихся развития Сарепты за 1765–1771 гг. В первом отчете Д. Фик подробно расписал количество жителей, прибывших в колонию за эти годы, количество материалов (лес на строительство домов, постройку судов для доставки будущих жителей в колонию и проч.). Также были приведены расчеты за доставку и оплату этих материалов из Брестской воеводской канцелярии, Нижегородской губернской канцелярии, Симбирской провинциальной канцелярии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Д. Фик подробно расписывал, в какие годы и в каком размере были получены на счет колонии денежные ссуды, и привел расчет товарам, которые ввозили переселенцы для продажи их в России [26].

Второй отчет касался расходования средств, взятых обществом Сарепты в ссуду из казны на строительство домов и организацию различных производств на нужды колонии [27]. Такую же подробную справку-отчет, включающую в себя баланс по авансированным деньгам, инвентаризационную опись зданий и ремесел Сарепты, передали в 1774 г. губернатору Астрахани Н.А. Бекетову, а через агента в Санкт-Петербурге Георга Миллера – и в Канцелярию опекунства иностранных [28].

Тот же представитель Сарепты Г. Миллер в 1771 г. был вызван кабинет-секретарем Г.В. Козицким, который через него передал просьбу российского правительства сарептскому обществу: не пожелают ли братья поехать на Терек с целью исследования и возможного благоустройства имеющихся там минеральных источников. Сарептяне вежливо отклонили это предложение, объяснив отказ тем, что у колонии нет сил и средств для строительства нового братского поселения. В следующем 1772 г. предложение было настойчиво повторено. Братья дипломатично ответили, что могут провести разведку этих вод на Тереке, но при условии, что правительство возьмет на себя организацию курорта в этих местах, а Сарепта pošлет туда несколько человек во главе с врачом. Летом 1772 г. из кабинета астраханского губернатора в колонию пришел указ, подписанный Екатериной II, в котором императрица

приказывала обеспечить экспедицию всем необходимым, оказывать всяческую помощь и всемерно заботиться о безопасности сарептян.

Решение об организации экспедиции в Сарепте было принято, выбраны участники поездки, и весной 1773 г. экспедиция состоялась. Четверо путешественников посетили губернатора Н.А. Бекетова, который передал им рекомендательные письма комендантам Кизляра и Моздока, а также приказ об оказании помощи и организации безопасности в поездке. После возвращения экспедиции в Сарепту астраханскому губернатору был послан подробный доклад, в котором братья описали местность близ источника, дали характеристику земли и воды, пригодных для земледелия и промышленности, описали возможные местные строительные материалы, порекомендовали развитие ремесел, в частности: шерстяных мануфактур, дублен, шелководства и прочего. Но, поскольку эти места были небезопасны, было рекомендовано начинать закладку поселения с постройки крепости.

Однако, невзирая на благоприятные климатические условия, выражая благодарность императрице за приглашение Братского общества к поселению на Кавказе, братья были вынуждены в учтливой форме отказаться, вновь мотивируя свой отказ тем, что Сарепта не имеет ни материальных средств, ни людских резервов для организации новой колонии [29].

Еще одна важная для Сарепты поездка в столицу была предпринята форштеером Д. Фиком в 1773 г. Причины этого были столь значимы для жизни сарептян, что Д. Фик использовал разрешение графа Григория Орлова при возникших трудностях обращаться лично к нему. Этим и воспользовался Д. Фик, обратившись в октябре 1773 г. к Г. Орлову [30]. Две причины побудили форштеера написать прошение графу: во-первых, строительство и содержание крепости вокруг колонии. Просьба Сарепты состояла в том, чтобы отнести эти деньги на казенный счет и исключить эту сумму из долгов колонии. Во-вторых, Сарепта просила предоставить ей право ловить рыбу и распоряжаться водными запасами Сарпинских прудов и реки Сарпы, на которой колонисты построили мельницу и которые находились на удалении 10 верст от колонии.

Однако зимой Д. Фик вынужден был сам поехать в Санкт-Петербург. Кроме личной поддержки агента в столице в переговорах, еще одно обстоятельство подтолкнуло начальника колонии к путешествию в столицу. Умер вице-президент Канцелярии опекунов иностранных В.Г. Баскаков, и на его место был назначен статский советник И.И. Рязанов. На время решения вопросов, связанных с руководством канцелярии, была на долгое время задержана выплата аванса – денег, в которых остро нуждалась Сарепта для развития к лету 1774 г. Да и личные встречи с графом Г. Орловым всегда были полезны для колонии. Так случилось и на этот раз. В результате с помощью графа Г. Орлова было достигнуто согласие Екатерины II списать с колонии авансированные деньги, потраченные на строительство крепости. Сам граф Г. Орлов написал о просьбе сарептян новому губернатору Астрахани генералу П.Н. Кречетникову и посоветовал ему в скором времени решить с Царицыном вопрос рыбной ловли в Сарпе и прудах [31]. А в ноябре, выражая свою благосклонность к жителям колонии, императрица пожаловала 500 рублей на кирху в Сарепте, передав их через агента Г. Миллера [32].

В июле 1774 г. новый губернатор Астрахани П.Н. Кречетников впервые посетил Сарепту после своего назначения. Осмотрев колонию и посетив ремесленные мастерские, он остался очень доволен положением дел. В ходе своего пребывания в колонии губернатор смог разрешить важную для Сарепты проблему взаимоотношения поселения с царицынскими учреждениями: воеводской канцелярией и канцелярией коменданта Царицына. Дело в том, что из воеводской канцелярии в адрес колонии приходили распоряжения, выдержанные в приказном тоне, не учитывающие привилегии Сарепты, данные ей российским правительством. Руководство общины вынуждено было возвращать документы обратно с соответствующими разъяснениями, однако это не имело успеха. Губернатор решил этот вопрос на месте. Пригласив к себе коменданта и воеводу Царицына, он напомнил об особенном положении Сарепты как колонии, юридически независимой от Царицына, и призвал решать вопросы не путем указов, а в виде сообщений и рекомендаций [33].

Следующий этап жизни колонии Евангелического братского общества – 1774 г. – связан с «визитом» в это тихое местечко отрядов Е. Пугачева, после которого колония была

полностью разграблена и поставлена на край гибели. Руководство Сарепты начало сразу же после возвращения в колонию ее жителей (колонисты вынуждены были бежать от разбойников) предпринимать все возможные действия для подсчета убытков и быстрейшего восстановления поселка.

Первым шагом была поездка Д. Фика в Царицын с целью организации властями комиссии для изучения масштаба разрушения колонии. На следующий день из Царицына были присланы от коменданта два офицера, которые осмотрели Сарепту и составили доклад в комендантскую канцелярию. Через некоторое время в колонию прибыл комендант Царицына и ассессор воеводской канцелярии. В течение четырех недель Сарепта подсчитывала убытки, а выяснив точное количество ущерба, доложила об этом в Канцелярию опекунства иностранных, губернатору Астрахани и центральной дирекции братства в Гернгут [34].

Получив от Сарепты в декабре 1774 г. доклад об убытках колонии, агент братьев в Санкт-Петербурге Г. Миллер 30 декабря, ходатайствуя перед Канцелярией опекунства, просил от имени сарептского общества предоставить колонии средства на возмещение убытков от банды Е. Пугачева (67 545 рублей) либо оказать колонии иную поддержку, чтобы она могла удовлетворить обязательства по выплате долгов правительству и другим кредиторам. Не дождавшись ответа из Канцелярии опекунства иностранных, 14 мая 1774 г. агент Г. Миллер пошел другим путем и вручил прошение действительному тайному советнику генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому, зная доброе отношение последнего к сарептским жителям. А.А. Вяземский действительно оказал помощь. Он отправил эти два прошения лично императрице Екатерине II, и через 1,5 месяца, 9 июля, был издан указ, по которому срок выплаты долгов колонии был продлен на 10 лет, считая с 1 января 1775 г.; Сарепте снова предоставлялись 9 льготных лет. Колония была свободна от налогов до 1806 г. [35].

Таким образом, сарептское общество, благодаря поддержке российского правительства, центральной дирекции братства и других братских колоний, трудолюбию своих жителей, смогло довольно быстро восстановить разрушенное хозяйство и продолжить развитие.

Для ускорения экономического подъема Сарепты из центральной дирекции в колонию с 1775 по 1777 гг. с инспекцией побывали Х. Грегор и П.К. Фриз. Проанализировав хозяйственную деятельность поселения, они дали рекомендации по изменению жизни Сарепты, которые были приняты центральной дирекцией. Реорганизация касалась как экономической стороны жизни (решено взять в общественную собственность частные дома и предприятия, взимая с владельцев арендную плату, создать общинный фонд для уплаты податей с новых членов колонии и проч.), так и административной организации Сарепты (назначение правления, состоящего из форштеера и трех заседателей, организация управления корпорациями). Обо всех этих изменениях в колонии было доложено в Канцелярию опекунства иностранных.

Эта реорганизация колонии позволила Сарепте в последующие 20 лет достичь наиболее высоких темпов развития за всю свою историю. Развивалось производство, и расширялась торговля. Об этом свидетельствует обширная переписка с комиссионерами Сарепты, находящимися в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Саратове, Царицыне и других городах России [36]. Об успехах в экономических опытах руководители колонии Д. Фик и Я. Лорец сообщали в созданное в Петербурге Вольное экономическое общество. Издаваемый обществом журнал регулярно печатал вести из Сарепты [37]. Показательны в этом плане и ответы колонистов на вопросы Императорской коммерц-коллегии об экономике колонии, направленные в столицу в конце 1800 г.

Важную роль в истории и развитии Сарепты сыграло открытие доктором Виром недалеко от колонии целительного минерального источника и организация на базе источника в 1775 г. курорта для лечения минеральными водами и грязями. За короткое время курорт приобрел популярность среди российской аристократии. На лечение водами в Сарепту в разное время приезжали граф Орлов, Воронцов, князя Вяземский, Гагарин, Репнин, Нарышкин и другие. В Сарепте отдыхала и лечилась вся политическая элита России. За короткое время пребывания в поселке они успевали проникнуться благосклонностью к колонии и ее жителям, что облегчало представителям братства в Санкт-

Петербурге и Москве решение различных вопросов, касающихся всех сторон жизни Сарепты. Исследовав минеральный источник, доктор И. Вир осенью 1775 г. описал состав воды и ее свойства. В 1776 г. он отослал результаты своего исследования в Государственную медицинскую коллегия. Заинтересованность медицинской коллегии в проведении подобных исследований выразилась в том, что через два года коллегия потребовала дополнительных сведений об изысканиях от доктора Вира, «какие сделаны опыты, и что вами о тех водах примечено» [38]. В 1782 г. И. Вир также рассылает сообщение об источнике князю Потемкину и вице-президенту медицинской коллегии барону Арошу [39].

Сарептские воды в 1770–1780-х гг. имели большую популярность, однако они использовались частным образом. Колония не имела юридической собственности ни на источник, ни на прилегающие к нему земли. В 1790-х гг. сарептяне решили исправить это положение. Уже были готовы предложения по дальнейшему благоустройству курорта и прошение о собственности на землю вокруг него, как в 1796 г. умирает Екатерина II, покровительствующая колонии с начала ее создания. Братское общество решает послать в Санкт-Петербург сопредседателя общины Иоганна Якоба Лореца, как человека, имеющего опыт дипломатических переговоров (в 1777 г. он вместе с другими братьями договаривался с правительством об уменьшении наполовину долгов колонии). Цель его пребывания в столице: вместе с агентом И. Вигантом подтвердить ранее данные властями привилегии Сарепте и по возможности добиться новых льгот.

В марте 1797 г. были готовы документы, в которых депутаты оформили свои пожелания. Большую поддержку в урегулировании всех вопросов с российскими чиновниками делегаты колонии получили от генерал-прокурора А.А. Вяземского. Через два месяца, в июне 1797 г. [40], утверждается высочайший указ, в котором не только подтверждаются ранее данные Сарепте привилегии, но и добавляются новые. В документ пожеланий сарептского общества к правительству Я. Лорец включил и отвод земель вокруг минерального источника. Земля вокруг него была передана общине по параграфу 2 указа. Кроме прочего, суду колонии был придан статус государственного суда (рассматривает все гражданские дела кроме уголовных), колонистам предоставили право без внесения денег гильдии иметь все права российских купцов. Также была подтверждена отсрочка от платежа податей до конца 1805 г. [41, 42].

Уже в конце октября 1797 г. в учрежденную при Правительствующем сенате Экспедицию государственного хозяйства опекунства иностранных и сельского домоводства (образована после ликвидации в 1782 г. Канцелярии опекунства иностранных) был вызван сарептский агент Иоганн Вигант, где ему вручили два документа. Первый – «о сделанных расчетах, коим образом, вследствие учиненной перемены п. II грамоте жалованной производить платеж казенного долга в 15 112 руб. 14 коп» [43]. Второй – погодный расчет, по которому колония должна внести сумму с процентами в саратовскую контору опекунства.

Девятимесячное пребывание Якоба Лореца в столице России и переговоры с российской администрацией по сохранению и умножению привилегий колонии в 1797 г. были последними переговорами в XVIII в., проведенными Сарептой по основным, жизненно важным для колонии вопросам.

В то же время решалось множество других проблем, связанных с внешней и внутренней жизнью братского поселения. Столичные агенты И. Виганд и И.Г. Хассе постоянно решали вопросы, связанные с отправлением и устройством вновь прибывающих членов Сарепты и привезенными ими товарами, регулировали таможенные и комиссионные дела [44, 45]. Начальники Сарепты регулярно составляли отчеты и финансовые расчеты о расходовании средств, полученных от правительства, отправляя их столичным и местным властям.

Выводы

Таким образом, рассматривая вопрос о взаимоотношениях Братского общества Сарепты с российскими государственными учреждениями на протяжении XVIII в., можно сделать следующие выводы:

1. С начала своего возникновения и за 35 лет существования до конца XVIII в. колонисты Сарепты решали следующие вопросы, имевшие большое значение для дальнейшего эффективного развития колонии:

– подготовка юридической базы для основания в России поселения Евангелического братского общества, получение от российского правительства политических и финансовых льгот, административно и финансово обеспечивших независимость колонии от местной бюрократии;

– вопросы, связанные с обеспечением безопасности колонии (строительство крепости, размещение гарнизона, обеспечение оружием);

– вопросы предоставления помощи от российского правительства в восстановлении Сарепты после разорения, причиненного Е. Пугачевым;

– вопросы организации и освоения курорта на базе источника минеральных вод близ колонии.

2. Большую помощь и поддержку Братскому обществу по решению проблем, связанных с развитием колонии, оказывали влиятельнейшие чины российской администрации на всех этапах развития Сарепты. Личные контакты всегда рассматривались руководством Сарепты как один из самых значимых рычагов разрешения проблем. Достаточно сказать, что старшина Сарепты Д. Фик в первые, самые трудные времена для строительства колонии почти каждый год имел личные встречи с президентом Канцелярии опекунов иностранных графом Г. Орловым. Постоянные связи в российской администрации всячески поддерживали агенты сарептского общества, находящиеся в столице. Часто посещал Сарепту, всячески демонстрируя свою дружбу колонистам, астраханский губернатор Н.А. Бекетов. Лечение на сарептских минеральных водах позволяло российским сановникам лично познакомиться с жизнью колонии и оказывать поддержку Сарепте в Санкт-Петербурге и в Москве.

3. Все более развивающиеся производства и торговля позволяли Сарепте завоевывать новые рынки, расширяя тем самым связи колонии не только с местными властями. Агенты колонии находились и работали на Украине, в Саратовской, Симбирской, Нижегородской губерниях, на Кавказе и во многих других местах Российской империи [46].

Однако материал, имеющийся в фондах музея-заповедника «Старая Сарепта», не позволяет более глубоко изучить вопросы, связанные с темой отношений колонии с российскими правительственными учреждениями XVIII в., в связи с недостатком архивных документов, находящихся в фондах музея. Если внутренняя жизнь, производство и торговля Сарепты достаточно полно отражены в отчетах, составленных колонистами, в дневниках, которые велись как в сарептской общине, так и приезжающими в нее гостями, статистическими материалами развития поволжских колоний, то об отношениях с государственными учреждениями говорится только в важные для жизни колонии моменты. Однако колония Сарепта как составная часть Российского государства, конечно же, имела множество иных контактов с властными структурами всех уровней по правовым, хозяйственным, торговым, военным и многим другим вопросам, касающимся всех сторон жизни колонии.

Примечания:

1. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. С. 40.
2. Велицын А.А. Немцы в России. СПб.: Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная польза», 1893. С. 50–54.
3. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов... С. 38.
4. Велицын А.А. Немцы в России... С. 50.
5. Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. С. 16–17.
6. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов... С. 433.
7. Сарепта / сост., вступ. ст. И.Р. Плева. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1995. С. 67–76.
8. Archiv der Brüder-Unität (далее – ABU). R. 12. Aa. 5.2. R. 12. Aa. 5.10.
9. Сарепта...
10. ABU. R. 12. Aa. 8.29, 8.30, 8.38, 8.42, 8.43, 8.44, 8.46, 8.53, 8.65, 8.71.
11. ABU. R. 12. Aa. 12.7–12.8.
12. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta 1765–1775 // Unitas Fratrum. 2003. Beiheft UF 8. S. 1–49.
13. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

14. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 18.
15. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 199. Л. 46, 51.
16. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 87–88.
17. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 68.
18. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 86.
19. Медведев В.Н. Крепость Саре́пты. Историческая справка // Архив научного отдела музея-заповедника «Старая Саре́пта».
20. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 102–103.
21. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 274–274об.
22. АБУ. R. 12. Аа. 13.49; 13.52.
23. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 58, 60.
24. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 147. Л. 11.
25. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 142.
26. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 117–117об.
27. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 192–193.
28. АБУ. R. 12. Аа. 31.
29. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 243–244, 250–256.
30. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 233–234об.
31. Hafa H. Die Brüdergemeinde Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte der Wolgadeutschthums. Breslau: Verlag Priebatsch's Buchhandlung, 1936. S. 71.
32. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 256–257.
33. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75. Л. 242.
34. Архив музея-заповедника «Старая Саре́пта». Оф. № 1545. Оф. V НК.
35. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 288–293, 301–302.
36. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 301–302.
37. Труды Вольного Экономического Общества. Ч. XLIX. СПб.: Типография Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса, 1794. 405 с.
38. АБУ. R. 12. Аа. 29–37.
39. АБУ. R. 12. Аа. 37.6.
40. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXIV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 631–635.
41. Hafa H. Die Brüdergemeinde Sarepta... S. 99–100;
42. Glitsch A. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta im Östlichen Russland Während ihres hundertjährigen bestehens. Niski: Selbstverlag des verfassers, 1865. S. 138–139.
43. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 883. Л. 15.
44. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 882. Л. 1–10б., 4, 10, 12, 21, 29, 36–36об.
45. АБУ. Аа. 32.23–24.
46. Медведев В.Н. Торговые связи Саре́пты в 18–19 веках // Саре́пта и народы Поволжья в истории России. Волгоград: Издательство музея-заповедника «Старая Саре́пта», 1998. С. 23–28.

References:

1. Ditts Ya. Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov [The history of the German colonizers]. М.: Gotika, 2000. S. 40.
2. Velitsyn A.A. Nemtsy v Rossii [The Germans in Russia]. SPb.: Tip. Vysochayshe utverzhd. Tovarisch. "Obshchestvennaya polza", 1893. S. 50–54.
3. Ditts Ya. Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov [The history of the German colonizers]. S. 38.
4. Velitsyn A.A. Nemtsy v Rossii [The Germans in Russia]. S. 50.
5. Klaus A. Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii. [Our colonies. Experience and data on the history and statistics of the foreign colonization in Russia]. Вып. 1. SPb.: Tipografiya V.V. Nusvalta, 1869. S. 16–17.
6. Ditts Ya. Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov [The history of the German colonizers]. S. 433.
7. Sarepta [Sarepta] / Sost., vstup. st. I.R. Plevе. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1995. S. 67–76.
8. Archiv der Brüder-Unität (ABU). R. 12. Аа. 5.2. R. 12. Аа. 5.10.
9. Sarepta [Sarepta].
10. АБУ. R. 12. Аа. 8.29, 8.30, 8.38, 8.42, 8.43, 8.44, 8.46, 8.53, 8.65, 8.71.
11. АБУ. R. 12. Аа. 12.7–12.8.
12. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta 1765–1775 // Unitas Fratrum. 2003. Beiheft UF 8. S. 1–49.
13. Russian State Archive of Ancient Documents (RSAAD). F. 283. Op. 1. D. 75. L. 1.
14. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 18.

15. State Archive of the Astrakhan Region (SAAR). F. 394. Op. 1. D. 199. L. 46, 51.
16. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 87–88.
17. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 68.
18. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 86.
19. Medvedev V.N. Krepost Sarepty. Istoricheskaya spravka [The fortress of Sarepta. Historical Enquiry] // Arkhiv nauchnogo otdela muzeya-zapovednika "Staraya Sarepta".
20. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 102–103.
21. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 274–274ob.
22. ABU. R. 12. Aa. 13.49; 13.52.
23. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 58, 60.
24. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 147. L. 11.
25. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 142.
26. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 117–117ob.
27. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 192–193.
28. ABU. R. 12. Aa. 31.
29. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 243–244, 250–256.
30. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 233–234ob.
31. Hafa H. Die Brüdergemeinde Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte der Wolgadeutschens. Breslau: Verlag Priebatsch's Buchhandlung, 1936. S. 71.
32. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 256–257.
33. RSAAD. F. 283. Op. 1. D. 75. L. 242.
34. Arkhiv muzeya-zapovednika "Staraya Sarepta" [Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta"]. Of. № 1545. Of. V NK.
35. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 288–293, 301–302.
36. Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta... S. 301–302.
37. Trudy Volnogo Ekonomicheskogo Obshchestva [Proceedings of the Free Economic Society]. Ch. 49. SPb.: Tipografiya Imperatorskogo shlyakhetnogo sukhoputnogo kadetskogo korpusa, 1794. 405 s.
38. ABU. R. 12. Aa. 29–37.
39. ABU. R. 12. Aa. 37.6.
40. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of the laws of the Russian Empire]. Sobr. I. T. XXIV. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830. S. 631–635.
41. Hafa H. Die Brüdergemeinde Sarepta... S. 99–100;
42. Glitsch A. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta im Östlichen Russland Während ihres hundertjährigen bestehens. Niski: Selbstverlag des verfassers, 1865. S. 138–139.
43. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 383. Op. 29. D. 883. L. 15.
44. RSHA. F. 383. Op. 29. D. 882. L. 1–10b., 4, 10, 12, 21, 29, 36–36ob.
45. ABU. Aa. 32.23–24.
46. Medvedev V.N. Torgovye svyazi Sarepty v 18–19 vekakh [Sarepta's trade connections in the 18th–19th centuries] // Sarepta i narody Povolzhya v istorii Rossii. Volgograd: Izdatelstvo muzeya-zapovednika "Staraya Sarepta", 1998. S. 23–28.

УДК 94(470.4)

**Сарепта и российские власти
(с основания колонии и до конца XVIII в.)**

Сергей Николаевич Лосицкий

Государственное бюджетное учреждение культуры «Историко-этнографический
и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»
Российская Федерация
400026, Волгоград, улица Изобильная, 10
E-mail: nauka.sarepta@mail.ru

Аннотация. В 1765 г. на Волге, в 28 верстах ниже Царицына, была основана немецкая колония Сарепта. Она появилась в рамках политики Екатерины II по освоению пустующих земель на юге России. Несмотря на то что Сарепта была одной из множества иностранных колоний, основанных в конце XVIII в. в Поволжье, она резко отличалась от других иностранных поселений составом жителей и, главное, особыми привилегиями, полученными от российского правительства в сфере самоуправления, хозяйственной деятельности, гражданских правоотношений. Эти льготы стали возможны благодаря особым отношениям представителей Сарепты с государственными органами России.

Ключевые слова: Екатерина II, иностранные колонии, льготы, Поволжье, правительство России, привилегии.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 19–25, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.19
www.ejournal15.com

UDC 94(470)

Abolishment of the Moravian Community in Sarepta

Aleksandr E. Parfenov

Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Reserve “Old Sarepta”,
Russian Federation
10, Izobilnaya Street, Volgograd, 400026
E-mail: nauka.sarepta@mail.ru

Abstract

In 1765, on the Volga near Tsaritsyn a Moravian settlement of Sarepta was established. As a missionary settlement Sarepta existed up to 1892. Despite its close contacts with the surrounding world, Sarepta for a long time managed to preserve the traditional Moravian way of life. But by the end of the 19th century, a serious social crisis had matured which caused abolishment of the Moravian community in Sarepta in 1892. This event marked the end of a process of the missionary settlement transformation into a secular village.

Keywords: crisis, missionary settlement, Moravian Church, transformation, Volga region.

Введение

В 1765 г. на Нижней Волге, в 28 верстах южнее Царицына, была основана первая и единственная в России колония Братского союза гернгутеров (моравских братьев). Моравские братья представляли собой одно из направлений протестантизма, возникшее в Европе в XV в. После поражения Гуситской революции преследуемые Католической церковью моравские братья были вынуждены покинуть Чехию и после долгих лет скитания и разобщенности в 1722 г. нашли приют в протестантской Саксонии под покровительством графа Н.Л. Цинцендорфа. Недалеко от его родового имения Бетельсдорф моравские братья основали город Гернгут, который стал центром обновленной моравской церкви – Братского союза гернгутеров. Датой основания этого нового религиозного образования считается 1727 г., когда был принят его устав. Постепенно складывалась система догм новой церкви.

Главной целью гернгутеров было служение Господу посредством миссионерства. На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. они создали несколько десятков миссионерских колоний по всему миру – от Европы до Австралии. Основанная ими колония в России получила название Сарепта. Организация жизни в колониях, в том числе в Сарепте, строилась на основании религиозных установок этого направления, которые значительно отличались от установок других христианских конфессий. Сарепта представляла собой поселение, резко отличавшееся от окружающих населенных пунктов Нижнего Поволжья архитектурой, общинной организацией, жизненным укладом, календарной и семейной обрядностью ее жителей.

Материалы и методы

В исследовании были использованы документы Государственного архива Саратовской области и Архива Братского союза гернгутеров в городе Гернгут (Германия), материалы нижеволжской прессы конца XIX в., а также публикации историков – специалистов по иностранной колонизации в России XVIII–XIX вв.

Работа выполнена с применением историко-ситуационного метода, который предполагает изучение исторических фактов в широких рамках хронологического периода и в контексте связанных с ними событий.

Обсуждение и результаты

Как гернгутское поселение Сарепта просуществовала до 1892 г., когда она была исключена из системы колоний Братского союза, а спустя два года, в 1894 г., оставшиеся в Сарепте члены бывшей гернгутской общины перешли под юрисдикцию Евангелическо-Лютеранской церкви России. Эти события стали важным этапом в истории Сарепты, т.к. они лежали в основе процесса трансформации религиозной общины в светский поселок, а позже – в район города Сталинграда (Волгограда). Причины, приведшие к кризису и упадку братской общины в Сарепте, носили комплексный характер. В целом их можно разделить на экономические, политические и конфессиональные.

Экономические причины ликвидации общины гернгутеров в Сарепте.

На протяжении большей части XIX в. Сарепта была вынуждена из-за различных неблагоприятных для нее обстоятельств (стихийные бедствия, конкуренция) отказываться от обычного для гернгутеров общинного устройства экономики. Когда после пожара 1823 г. ее хозяйство было почти полностью разрушено, то по рекомендации центральной дирекции Братского союза в Гернгуте было совершено первое отступление от правил: часть предприятий и магазинов колонии была передана частным лицам. Это позволило возродить Сарепту и даже погасить все ее долги к 1862 г. В 1865 г. из 19 производств и торговых заведений колонии всего лишь 6 оставались в общинной собственности. В 1883 г. – уже 4. Продажа в частную собственность убыточных предприятий «осуществлялась только вынужденно, в силу крайней невозможности спасти общину иным путем от несостоятельности... Поэтому постепенная уступка и запродажа в частную собственность отдельных членов братства права на производство ремесел и промыслов... является весьма важным отклонением от основ принципа братского общества» [1]. Фактически упадок сарептской общины начался еще в первые десятилетия ее существования. «С начала XIX в. стала проникать частная собственность на орудия и средства производства, и частные предприятия заняли доминирующее положение, и община фактически развалилась» [2].

Специалист по немецким колониям в России А.А. Велицын отмечал: «Основы ее (внутренней жизни в Сарепте. – А.П.) ... были: во-первых, строжайшая религиозная дисциплина... Вторым устоем экономической жизни колонии была полнейшая общность имущества, введенная при своем водворении братьями сарептской общины. Эта идея коммунальной собственности была так сильна, что долгие годы вся община жила в одном доме. С течением времени, однако, эти два «кита», на которых стоял духовно-нравственный мир Сарепты, постепенно колебались и погружались в море житейских дрызг и интересов прямо мирских». «Так же погиб и принцип экономический... Теперь многие “рабочие”, как, например, Глич и Кноблех, гораздо богаче самого “заводчика-капиталиста”, т.е. общины. В зависимости от этого начало полной частной собственности заменило идею коммунизма и, конечно, такая перемена не могла не отразиться на быте колонии» [3].

Эти уступки привели сарептян к утрате чувства религиозно-общинного братства, единства, их экономическая обособленность привела к утрате религиозных идеалов, духовной обособленности и деградации.

В начале XIX в. в Сарепте не хватало рабочих рук, поэтому если раньше в Гернгуте подбирали «благонадежных в мыслях и характере» переселенцев, пригодных к миссионерской деятельности, то «в конце концов расширение производств и недостаточность рук вызвали даже мысль, что в Сарепте все пригодится», – писал во время инспекции Сарепты в 1817 г. представитель дирекции Братского союза З. Фогель. Фогель отмечал нерентабельность многих общинных предприятий и упрекал некоторых колонистов за плохое ведение дела [4]. Пророческими оказались его слова о том, что

«общинная экономия в Сарепте банкрот». Для ее спасения он предлагал снять с нее часть долгов и высказал мысль, что «положение ее в будущем останется трудным и вызывающим сомнение».

Сарепта оказалась неспособной выполнить так называемую концепцию местных общин, которые создавались Братским союзом для распространения его веры и должны были сами добиваться экономической самостоятельности, своими силами решать все возникающие проблемы, исходя из собственных экономических возможностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что к 1892 г. община Сарепты существовала чисто номинально. Юридически ей принадлежали общинные здания, церковь, земли, предприятия, построенные за ее счет, но фактически большая часть имущества была сдана в аренду, эксплуатировалась частными лицами, которым было невыгодно оставаться арендаторами и которые хотели освободиться от опеки дирекции Братского союза в Гернгуте и полностью распоряжаться своими доходами.

Политические и религиозные причины. 6 июня 1877 г. были высочайше утверждены императором Александром II «Правила об устройстве общества Евангелических братьев селения (бывшей колонии) Сарепты», подготовленные Саратовским губернским правлением совместно с Министерством государственных имуществ. Сарепта была лишена многих льгот и привилегий. Отныне ее пастор и старшина должны были назначаться и увольняться саратовским губернатором, кроме того, назначение пастора должно было утверждаться Министерством внутренних дел. Колонисты были приравнены к сельским обывателям и обложены подушной податью по первому разряду. Вместе с тем братская община была сохранена: «Сарептская община управляется в своих религиозных и общинно-имущественных делах, а также в своих церковных и школьных делах по уставу Евангелической братской общины и под руководством первого духовного лица». Исполнительный орган власти – комитет общинного совета (управа) – заведовал церковным имуществом и аптеками, всем общинным достоянием, управлял заведениями, построенными на средства дирекции общины, распоряжался землями и хозяйственными общинными заведениями, надзирал за ремеслами и промышленностью [5].

Параграф 4 разграничивал общину братьев и сельское общество поселян, куда входили все собственники, но не члены общины гернгутеров. Однако «Правила» вызвали путаницу во взаимоотношениях общества и общины и этим воспользовались недовольные общинными порядками. Немалую часть этих недовольных составляли бывшие члены братской общины, исключенные за неблагоприятные поступки. Недовольные общинными порядками начали заявлять, что все имущество общины уже не является ее собственностью, а принадлежит всему обществу. Наиболее решительно настроенные предлагали поделить имущество общины между собой [6]. В 1886 г. по просьбе совета старейшин сарептской общины состоялась визитация (инспекция) Сарепты представителями центральной дирекции Братского союза. Инспекторы встречались с братьями, выясняли их взгляды на проблему. Вскоре на собрании поселения было единогласно признано, что имущество братской общины принадлежит общинной экономии, также было высказано пожелание оставить Сарепту как братскую общину [7].

Сарептскую общину подрывала изнутри вражда между большими семейными кланами Бауэров и Кноблохов. В 1890 г. клан Кноблохов начал вести почти открытую борьбу против Э. Зайлера – настоятеля общины, с санкции которого был продан разорившийся торговый дом Сарепты в Астрахани. Этим домом заведовал зять фабриканта А. Кноблоха В. Гольдбах. В том же году в столице разорился сарептский «Торговый дом Асмус Симонсен и Ко», и община была вынуждена продавать принадлежавшие ей дома в окрестностях Петербурга [8]. Эти операции производились с согласия совета сарептской общины и центральной дирекции Братского союза. При этом в доверенности Зайлера, выданной ему центральной дирекцией и заверенной в Министерстве иностранных дел, имущество общины Сарепты было обозначено как собственность всего Братского союза [9]. Узнав об этом, некоторые колонисты стали утверждать, что Зайлер не имел права это делать, т.к. все имущество братской экономии принадлежит коммуне. Взгляды оппозиции выразил член общинного совета В. Бин, который потребовал от Зайлера показать ему документы о продаже имущества в Петербурге, книги экономии общины и настаивал на том, чтобы имуществом общины распоряжалось собрание всего поселения. Зайлер предупредил его, что такие

действия неминуемо приведут к прекращению существования Сарепты как братской общины и предложил подать жалобу в центральную дирекцию или в Синод. В ответ Бин заявил, что понимает последствия своих действий и считает это хорошим выходом для Сарепты. 12 августа 1890 г. Бин подал прошение городскому главе Петербурга Грессеру о расследовании продажи загородного дома; 16 октября он получил ответ о законности этой сделки [10].

Еще 14 июня 1890 г. на заседании совета общины Зайлер и пастор Флигель стремились доказать на основе документов права общины на владение имуществом, приводили суммы денег, присланных всей братской общине. Однако большинство было убеждено в том, что центральная дирекция Братского союза обманывала сарептян со дня основания колонии. Вскоре пять жителей Сарепты (из которых только один являлся членом общины) подали жалобу в уездное управление в Царицын на Зайлера, обвиняя его в превышении полномочий при продаже торгового дома в Петербурге. Но председатель управления поддержал Зайлера: «Здесь речь идет только о церковном имуществе, и его управление ни нас, ни коммуну не касается» [11].

11 ноября 1890 г. по указанию управления состоялось послание поселения Сарепта. Речь шла о том, хочет ли Сарепта отказаться от обещаний, данных центральной дирекцией в 1886 г. При поименном голосовании 47 голосами против 6 было признано, что имущество принадлежит общине, а не коммуне.

15 декабря того же года Зайлер прибыл в Саратов для встречи с губернатором. Его поездка совпала с публикацией в газете «Новое время» статьи из Сарепты, где спор об имуществе приобрел национальную окраску. Дирекция сарептской братской общины была представлена как иностранное ведомство, а старшина как иностранный агент. На следующий день саратовские газеты перепечатали эту статью, и в одной из них было дополнение: «Видно, что расхваленный порядок и внешний вид Сарепты являются только драпировкой, за которой разворачивается неприглядная картина». Это был выпад также и против губернатора, который после посещения колонии летом 1890 г. всегда приводил ее в пример. Губернатор был уязвлен и при приеме Зайлера высказал ему недовольство за задержку информации о конфликте. Зайлер оправдывался тем, что уездное управление отказывалось дать ему отпуск для поездки в Саратов раньше. Губернатор обещал досконально расследовать дело. В Сарепту должна была выехать комиссия, в составе которой, помимо прочих, должны были находиться предводитель дворянства и председатель губернского управления по делам крестьянства [12].

Вскоре дали знать о себе последствия статьи в «Новом времени»: акционерное управление Царицына отказало сарептской общине в патенте на работу постоянного двора, мотивируя это тем, что община является иностранным обществом, а патент может быть выдан только коммуне (обществу поселян). 31 декабря 1890 г. постоянный двор Сарепты был закрыт [13].

В январе 1891 г. Зайлер совершил поездку в Петербург для консультации с адвокатом, который, просмотрев все документы, пришел к выводу, что спорное имущество принадлежит братской общине, но не обществу поселян. Зайлер намеревался обратиться в Министерство внутренних дел за гарантиями неприкосновенности имущества общины. Адвокат предостерегал его от этого шага, т.к. для министерства при решении подобных конфликтов решающее значение имела политическая конъюнктура. Он предлагал в случае, если низшие инстанции примут неблагоприятное решение, переправить дело в Сенат. После этого Зайлер встретился с тайным советником, чиновником отдела по делам переселения Галкин-Врасским. Однако тот не высказал ясного и четкого мнения по проблеме, но заявил о нежелательности утечки денег из Сарепты в Гернгут, хотя и подтвердил информированность правительства о вложении в Сарепту больших средств Братским союзом [14].

20 февраля 1891 г. Зайлер подал саратовскому губернатору прошение об освобождении его от должности волостного старшины, которую он совмещал с постом настоятеля сарептской общины, т.к. против него выдвинуто обвинение от поселян за незаконное якобы осуждение наемных работников за охоту в окрестностях Сарепты. И хотя суд присяжных в Царицыне оправдал его, Зайлер был уволен с поста старосты Сарептской волости. Вскоре после этого сельский сход избрал нового старшину – И. Бауэра.

Тем временем в газете «Неделя» появились резко враждебные статьи, где Зайлера называли «заграничным торговым агентом», обвиняли в том, что пасторы и Зайлер стремились сохранить «бертельсдорфскую торговлю» в Сарепте и вообще в России для своих корыстных целей. Также их обвиняли в манипулировании мнением местного схода.

Черным днем для Сарепты стало 18 июня 1891 г. В этот день в Сарепту приехал новый земский начальник Царицынского уезда Марков и приказал старшине Бауэру немедленно созвать сход поселян. На сходе Марков зачитал постановление губернского по крестьянским делам присутствия о новых правилах пользования «сарептскими имуществами», в котором содержалось следующее: в «Правилах об устройстве общины Евангелических братьев селения (бывшей колонии) Сарепта», утвержденных в 1877 г., под братской общиной Сарепта и местным сельским обществом подразумевалось одно и то же, и поэтому все имущество, на которое претендует братская община, передается в пользу сельского общества. Полномочия настоятеля, его доверенность недействительны, т.к. Бертельсдорф – иностранное ведомство – не имеет права распоряжаться владениями, находящимися в России. Было объявлено, что все решения собрания поселения, в которых оно объявляло себя не имеющим права на владение имуществом общины братьев, недействительны. Это означало, что Сарепта составляет одно цельное общество, в состав которого должны входить все русско-подданные поселенцы-собственники. Никаких выделений из общества «особых общин» быть не может, а тем более таких, которые управляются заграничными агентами. Поэтому все то имущество и капиталы, которые известны под именем сарептских, должны принадлежать только обществу, т.е. всем без исключения сарептянам [15].

Несмотря на протесты Зайлера, у него были забраны касса, печать и документы общины. И хотя собрание не возражало земскому начальнику, «каждый чувствовал, что теперь конец братской общине Сарепта». Был сделан телеграфный запрос в Министерство внутренних дел о сложившейся ситуации, однако он остался без ответа. Поскольку суть постановления сводилась к тому, что понятие «братская община Сарепты» идентично понятию «сарептское сельское общество», центральная дирекция Братского союза в Гернгуте не могла согласиться с таким расширенным толкованием, т.к. в таком случае пасторам пришлось бы служить и для 30 сарептян, которые ранее вышли или были исключены из общины, некоторые из них имели жен, принадлежавших к православному вероисповеданию. По закону евангелическим священникам нельзя было совершать богослужение у православных. С другой стороны, параграф 2 «Правил» 1871 г. устанавливал, что сарептская община управляется по уставу братской общины в своих внутренних делах. Противоречие было налицо.

Зайлер и пасторы обратились в центральную дирекцию Братского союза с просьбой о своем отзыве, и 27 августа 1891 г. дирекция дала на это свое согласие, о чем было сообщено общине 5 сентября [16].

Тогда же сарептское волостное правление начало прямые письменные переговоры с дирекцией общины с предложением сохранить в какой-либо форме братскую общину в Сарепте. Они продлились до февраля 1892 г. и закончились неудачей, т.к. сарептяне не хотели отказываться от отождествления местного сельского общества и братской общины.

День 20 февраля 1892 г. поставил точку в 126-летней истории братской общины в Сарепте. В церковном зале было зачитано официальное послание центральной дирекции Братского союза, где заявлялось, что она считает братскую общину Сарепта ликвидированной [17].

Выводы

Крах сарептской общины был закономерен. Гернгутеры, решившие основать миссионерскую колонию на основании приглашения Екатерины II, освоили пустынные земли, сделали весомый вклад в развитие науки и промышленности. Но в условиях Российской империи со всесильным чиновничье-бюрократическим аппаратом Сарепта утратила право на миссионерскую деятельность и вынуждена была в силу экономических причин провести реформу прав собственности в колонии в пользу частного владения недвижимостью, что в дальнейшем привело к раздорам в общине и ее краху.

Внутриобщинные распри подтолкнули российское правительство к решению передать имущество братской общины сарептскому сельскому обществу. Гернгут не мог согласиться

с тем, чтобы братская община в Сарефте существовала формально, полностью подчиненная российскому гражданскому законодательству и уездным властям, которые не хотели считаться с религиозными идеалами гернгутеров.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-34004.

Примечания:

1. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte der Wolgadeutschens. Breslau: Verlag Priebatsch's Buchhandlung, 1936. S. 85.
2. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 102.
3. Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб.: Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная польза», 1893. С. 197–198.
4. Archiv der Brüder-Unität (далее ABU). R. 12. Aa. 6.8.
5. Устройство и управление братской общины Сарефты. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. 8 с.
6. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 216.
7. ABU. R. 12. Aa. 7.5.
8. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 222.
9. ABU. R. 12. Aa. 7.5.
10. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 256.
11. Архив музея-заповедника «Старая Сарефта». Ф. 3. Оп. 6392. Л. 11.
12. Архив музея-заповедника «Старая Сарефта». Ф. 3. Оп. 6392. Л. 15.
13. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 260.
14. Архив музея-заповедника «Старая Сарефта». Ф. 3. Оп. 6392. Л. 16.
15. Архив музея-заповедника «Старая Сарефта». Ф. 3. Оп. 6392. Л. 16об.
16. Архив музея-заповедника «Старая Сарефта». Ф. 3. Оп. 6392. Л. 18.
17. Архив музея-заповедника «Старая Сарефта». Ф. 3. Оп. 6392. Л. 19.

References:

1. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte der Wolgadeutschens. Breslau: Verlag Priebatsch's Buchhandlung, 1936. S. 85.
2. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 102.
3. Velitsyn A.A. Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na yuge i vostoке Rossii [The Germans in Russia. Essays on historical development and current situation of the German colonies in the southern and eastern Russia]. SPb.: Tip. Vysochayshe utverzhd. Tovarishch. "Obschestvennaya polza", 1893. S. 197–198.
4. Archiv der Brüder-Unität (dalee ABU). R. 12. Aa. 6.8.
5. Ustroystvo i upravlenie bratskoy obschiny Sarepty [Organization and management of the fraternal community of Sarepta]. М.: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, 1890. 8 s.
6. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 216.
7. ABU. R. 12. Aa. 7.5.
8. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 222.
9. ABU. R. 12. Aa. 7.5.
10. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 256.
11. Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta". F. 3. Of. 6392. L. 11.
12. Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta". F. 3. Of. 6392. L. 15.
13. Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta... S. 260.
14. Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta". F. 3. Of. 6392. L. 16.
15. Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta". F. 3. Of. 6392. L. 16ob.
16. Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta". F. 3. Of. 6392. L. 18.
17. Archive of the Museum-Reserve "Old Sarepta". F. 3. Of. 6392. L. 19.

УДК 94(470)

Ликвидация общины Братского союза гернгутеров в Сарепте

Александр Евгеньевич Парфенов

Государственное бюджетное учреждение культуры «Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник “Старая Сарепта”», Российская Федерация
400026, Волгоград, улица Изобильная, 10
E-mail: nauka.sarepta@mail.ru

Аннотация. В 1765 г. на Волге близ Царицына членами Братского союза гернгутеров или моравскими братьями (религиозная организация протестантского толка с центром в городе Гернгут, Саксония), была основана колония Сарепта. Как религиозная колония Сарепта просуществовала 127 лет – с 1765 по 1892 гг. Несмотря на тесные связи с внешним миром, Сарепта довольно долгое время сохраняла традиционный жизненный уклад, соответствовавший религиозному сознанию моравских братьев. Однако к концу XIX в. под влиянием разных факторов в Сарепте созрел серьезный социальный кризис, который привел к ликвидации общины моравских братьев в поселении в 1892 г. Это событие имело большое значение для Сарепты, т.к. ознаменовало собой завершение процесса трансформации религиозной колонии в светское поселение.

Ключевые слова: кризис, моравские братья, Поволжье, религиозная колония, трансформация.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 26–32, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.26
www.ejournal15.com

UDC 294.3+7.046.3+069:09(045)

Kalmyk Collections in German Museums: on the Issue of the Ethnic Tradition

Svetlana G. Batyreva

Zaya-Pandita's Museum of the Kalmyk Traditional Culture
Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
8, Ilishkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000
Dr (Art Studies)
E-mail: sargerel@mail.ru

Abstract

This paper provides an overview of Kalmyk collections in German museums. The objects of research are the artifacts of the traditional culture representing economy, nomadic way of life and Buddhist worship. The author considers the cultural heritage of the Republic of Kalmykia and reveals the composition and content of Buddhist art collections from the Ethnographic Museum (Herrnhut) and the State Ethnographic Museum (Dresden). These collections were obtained during the Herrnhuters' missionary activity in the Kalmyk encampments in the 18th–19th centuries and require further comprehensive museological study combining methods of art history, history and ethnoculturology. The paper focuses on the comparative study of the ethnic specifics of the Buddhist iconography from German and Russian museums.

Keywords: Buddhist art, collection, culture, German museums, heritage, Kalmyks, tradition.

Введение

Культурное наследие номадов в музейном фонде Республики Калмыкии в силу исторических обстоятельств представлено фрагментарно, поэтому важно обращение к опыту изучения и научной каталогизации искусства буддизма в музеях Германии. Одним из наиболее значительных собраний является калмыцкий фонд Этнографического музея Гернгута, вошедший в раздел постоянной экспозиции «Этнография и миссия гернгутеров», собранный немцами Сарепты – миссионерского поселения в поволжском регионе России.

Материалы и методы

Материалом для исследования являются калмыцкие коллекции в музеях Этнографического музея (Гернгут) и Государственного этнографического музея (Дрезден), где традиционная культура номадов представлена предметами хозяйства и быта, а также буддийского культа. Экспонаты музея города Гернгут охватывают временной период от самых ранних предметов, попавших в музейное собрание около 1774 г., до небольшого количества объектов калмыцкой культуры, которые удалось приобрести в 1995 г. и позже – в начале XXI в. В силу исторических обстоятельств предметы традиционного быта

и культовые произведения из музейных фондов Калмыкии в большинстве своем относятся к позднему периоду рубежа XIX–XX вв., что дает возможность сравнительного изучения экспонатов буддизма из музеев Германии и Калмыкии. Коллекции художественного наследия калмыков, представляющие этнические особенности иконографии северного буддизма, в сравнительном анализе позволяют более детально выявить локальное своеобразие канона, адаптированного в системе традиционной культуры калмыков XVIII–XIX вв.

Обсуждение и результаты

Собрание Этнографического музея города Гернгут (Германия) знакомит посетителей с миссией членов евангелического общества гернгутеров по всему миру (Америка, Аляска, Коста-Рика, Гондурас, Ямайка, Лабрадор, Суринам, Танзания и др.). Обзору музейного собрания посвящено каталогизированное издание [1].

Задачами активной проповеднической деятельности моравских братьев было знакомство и изучение традиционного быта, хозяйства и культуры народов, населявших осваиваемые ими территории. Среди последних для нас особую значимость имеет степное Поволжье, где с начала XVII в. проживают калмыки, чьи предки – ойраты – пришли сюда из Западной Монголии. В 1765 г. на берегу речки Сарпа (калм. Шорва), у северной границы калмыцких кочевий, немцы-колонисты, выходцы из Богемии, братья-гернгутеры, основали одно из своих поселений – Сарепта [2]. Попытки распространения христианства в среде калмыков сопровождались последовательным сбором предметов их материальной и духовной культуры на протяжении периода второй половины XVIII в. – первой четверти XIX в. В миссионерской деятельности членов евангелического объединения гернгутеров Х. Гамеля, Ф. Мальца, К. Найца и М. Ничмана, входивших в тесные контакты с кочевниками во второй половине XVIII в., было положено основание калмыцким коллекциям музеев в Дрездене, Гернгуте, Лейпциге, Геттингене, Барби и Ниски, городах восточной Германии [3].

Отметим закономерное следствие тесных этнокультурных контактов – интерес гернгутеров к вероучению калмыков. Единственный этнос буддийского вероисповедания в среде поволжских народов мусульманского и христианского мира становится предметом научного наблюдения исследователей и переселенцев из Германии. Миссионерство братьев было связано с изучением религии и языка, начатым И.Я. Шмидтом [4], Л. фон Швайницем, Й.Г. Шиллем и продолженным Х.А. Цвиком. Последний является автором книги «Путешествие из Сарепты в различные орды калмыков в Астраханской губернии в 1823 году», опубликованной в Лейпциге [5].

Так в Саксонской земельной библиотеке города Дрездена оказались 70 оригинальных манускриптов буддийской литературы как на тибетском, так и на калмыцком и монгольском языках. Более 100 единиц хранения, а именно культовых предметов буддизма, поступило в 1839 г. от Х.А. Цвика. Эти и другие предметы материальной и духовной культуры калмыков были переданы в Государственный этнографический музей Дрездена и основанный в 1878 г. Этнографический музей Гернгута. Объекты, собранные членами братской общины Сарепты в продолжение столетия, «на основании своей древности и редкости в музейных коллекциях могут быть охарактеризованы как драгоценные исторические свидетельства культуры кочевых калмыков, носящей отпечаток буддизма и истории культуры Нижнего Поволжья», – справедливо обобщает Ш. Августин [6].

Деятельность калмыцкой миссии, связанная с основанием и развитием поселения Сарепта, продолжалась до 1822 г. Этому посвящена статья Ш. Августина, бывшего директора музея города Гернгут, «Этнографические коллекции гернгутеров Нижнего Поволжья» [7], представляющая собой расширенный вариант тезисов, опубликованных в сборнике «Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России» [8].

Концепция Ш. Августина легла в основу формирования постоянной экспозиции «Этнография и миссия гернгутеров» из предметов калмыцкой коллекции Гернгутского этнографического музея.

Материал, посвященный истории и духовной культуре калмыков, можно видеть на ритуальном столике «ширя», резном из дерева и красочно расписанном. Здесь расположены

предметы буддийского культа, дополненные рукописью медицинского трактата на тодо бичиг¹, картами и гравюрами, изображающими поселения и традиционный быт калмыков в степи. Кукла в костюме миссионера призвана сконцентрировать внимание посетителей на большой кропотливой работе гернгутеров в среде кочевников. Под текстом библиографической справки о калмыках, монголах в Европе расположен алтарный поставец с образами миниатюрной рельефной пластики. Это является необходимым акцентом в экспонировании предметов, относящихся к сфере духовной культуры: молитвенных текстов на тибетском языке и тодо бичиг, амулетов, четок из косточек растительного происхождения и зерен, ритуальной металлической посуды и миниатюрных глиняных изображений «мирд». Рельефная пластика носилась верующими в специальных футлярах, металлических и деревянных, в качестве нагрудных оберегов. Пантеон образов «мирд» традиционен для культуры северного буддизма, представляя группы просветленных (будд, бодхисаттв, учителей), идамов², дхармапал³ и других персонажей. Разной степени сохранности миниатюрная глиняная скульптура достаточно детализирована в лаконичной композиции, выполненной согласно канону.

В ряду штампованной из глины рельефной пластики отметим образ Зеленой Тары, имеющей на оборотной стороне оттиск надписи на старокалмыцком тодо бичиг, что предполагает его местное изготовление. Большой интерес для исследования представляют графические произведения, сопровождаемые молитвенными надписями и изображающие субурганы⁴, мандалы и образы, возможно, добуддийского происхождения. Судя по трактовке каноничных сюжетов и деталей некоторых изображений, а также цветовой гамме иконописи, кстати, во многих случаях неудовлетворительной сохранности (думаем, изначальной), предполагаем местное производство. В связи с упразднением Калмыцкого ханства культурные связи калмыков с буддийскими центрами Центральной Азии со второй половины XVIII в. ограничиваются, обуславливая развитие локальной художественной школы северного буддизма [9]. Религия, ареал распространения которой из Центральной Азии был продвинут ойратами-калмыками далеко на запад, собственная письменность «тодо бичиг» древнего происхождения и самобытный фольклор, вершиной которого является эпос «Джангар», составили основополагающие элементы традиционной культуры, свидетельствующие о развитом этническом самосознании народа. Оно не позволило христианизировать калмыков, не принявших инородное культурное влияние, в поле которого проводилась проповедническая деятельность сарептян среди аборигенного населения многих стран мира. Последняя не имела успеха среди калмыков, о чем с сожалением докладывалось в отчетах гернгутеров.

Самобытно культурное наследие народа в религиозной сфере. Мастерски созданные резные композиции, покрывающие алтарные столики и некоторые поставцы, представляют собой растительные побеги, листья, бутоны и цветы, переплетающиеся с телами драконов и других мифологических существ. Выполненные в технике выемчатой резьбы сюжеты насыщены деталями изображения и полнокровны в создании объема, подчеркнутого яркой полихромной росписью в сочетании красного или синего (в качестве фона) и зеленого, желтого, коричневого цветов. Небольшие алтарные поставцы имеют купольную форму, повторяющую форму бутона лотоса. Об этом свидетельствует невысокое подножие, декорированное рядом лепестков цветка, священного в буддизме. Поставцы, как правило, вырезаны в дереве и драпированы фактурной тканью с цветочным рисунком, подчеркивая однотонным фоном стенок и двустворчатых дверей рельефный объем и круглую форму образов «мирд», заполняющих емкость. В коллекцию входит изделие, украшенное прекрасной резьбой, изображающей в центре дверной композиции буддийские драгоценности «чиндмань» в сплетении побегов и листьев, мифологических существ на лotosовом подножии. Красочное изображение стоящих фигур монахов на дверных створках

¹ Тодо бичиг – старокалмыцкая письменность.

² Идам – в буддийской мифологии божество-охранитель.

³ Дхармапала – в буддийской мифологии божества, защищающие буддийское учение и каждого отдельного буддиста.

⁴ Субурган – в монгольской архитектуре ступа, мемориальное сооружение, гробница лам, хранилище реликвий.

оформляет образ Будды Шакьямуни, штампованный в рельефе многих круглых «мирд». Они заполняют его емкость, представляя таким образом синтез живописи и скульптуры буддизма.

Рис. 1. «Мирд», миниатюрная скульптура, конец XVIII – начало XIX вв. глина, штамповка. Поставец, начало XIX в. дерево, резьба. Этнографический музей города Гернгут

Рис. 2. Будда Шакьямуни, металл, литье. XIX в. Поставец, начало XIX в., дерево, резьба. Этнографический музей города Гернгут

Изящной простоты форма культовых поставцов-футляров лаконична и целесообразна в декоративном обрамлении образов буддийской пластики. Эта традиция художественного оформления произведений, распространенная в XVIII – начале XIX вв., была впоследствии утрачена в искусстве буддизма Калмыкии рубежа XIX–XX вв.

Высокохудожественным уровнем исполнения примечателен скульптурный образ Будды Шакьямуни, отлитый из белого металла, возможно, серебра. Четкий оттиск

на донной металлической пластине скульптурного изображения несет рисунок ваджры¹, в полости произведения сохранены рулоны молитвенных текстов, заложенные при изготовлении на рубеже XVIII–XIX вв. Много рукописей вложено в специальные молитвенные цилиндры, по внешней поверхности орнаментально декорированные. Культовые произведения относятся к калмыцкой художественной традиции второй половины XVIII – первой трети XIX вв.

Рис. 3. Поставец, конец XVIII – начало XIX вв., дерево, резьба, роспись. Этнографический музей города Гернгут

Такие алтарные атрибуты, как ритуальные кувшин «донжг», колокольчик «хонх», скипетр «очир» и сосуды «човрун», дополнены футлярами, вырезанными в дереве и точно повторяющими особенности формы предметов. Алтарная композиция интерьера кибитки в экспозиции составлена из икон с образами Авалокитешвары (в двух ипостасях), Будды Шакьямуни и Ваджрапани, культовой скульптуры, круглой и рельефной, и алтарной утвари (жертвенных чаш «цогц» и лампадок «зулын цогц»), трубы «бишкюр». Произведения демонстрируют достойный художественный уровень буддийской живописи, представляя, на наш взгляд, разные иконописные традиции. Одна из них более прихотлива в живописном исполнении каноничных деталей образа: закругленных в рисунке кудрявых облаков и цветочных композиций. Иная традиция в оформлении сюжета отмечена линейной строгостью рисунка, тяготеющего к выразительной геометризацией форм и локальной цветовой гамме насыщенного колорита. Стилистической особенностью видим композиционное решение фона, заполняемого изображением цветка, раскрывающегося пышным лotosовым подножием центрального образа. В нижней части полотна трактовка водоема, обязательного элемента калмыцкой иконописи, нередко переходит в вытянутые по вертикали формы слева и справа от центра, расцвеченные колоритом народного орнамента «зег». В этих деталях «остаточного» происхождения в изображении условного пейзажа автор склонен видеть этническое своеобразие художественной интерпретации иконографического канона буддизма в традиционной культуре калмыков рубежа XVIII–XIX вв.

Значимую часть музейной коллекции представляет достаточно обширный ряд графики, иллюстрирующий быт, костюм, традиции и религию калмыков. Авторами

¹ Ваджра – в буддийской мифологии символ прочности и неуничтожимости, изображаемый как скипетр.

произведений, выполненных в гравюре, являются художники, большей частью немцы по происхождению, в том числе сопровождавшие научно-исследовательские экспедиции П. Палласа, И. Георги в XVIII–XIX вв. Экспедиции организовывались с целью изучения народов и народностей, проживавших на обширной территории Российской империи. Графические листы, запечатлевшие карты расселения народа, сделанные по материалам экспедиций, дополняют фотографии сановных лиц, священнослужителей и калмыков-мирян XIX в. [10]. Среди них редкие экземпляры, отсутствующие в музейных собраниях Калмыкии.

Выводы и перспективы исследования

Дальнейший, более детальный анализ произведений осветит развитие художественной традиции буддизма в традиционной культуре народа, позволит исследователям более глубоко осмыслить самобытное своеобразие изобразительного искусства Калмыкии, имевшего истоки в древней культуре северного буддизма. Без сомнения, необходимо дальнейшее углубленное изучение документального материала, предметов быта и произведений искусства. Развитие и упрочение международных связей будет содействовать объективному и всестороннему исследованию ценнейшего материала в условиях многих утрат традиционной культуры Калмыкии. Результатами его могут стать новые данные о художественном наследии в реальной перспективе научно-исследовательского сотрудничества.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность и признательность Штефану Августину, исполнявшему обязанности директора Этнографического музея, и директору Государственного моравского архива г. Гернгута Рюдигеру Крегеру за возможность ознакомиться с калмыцкими коллекциями, а также пастору Карлу-Эугену Лангерфельду за предоставленную возможность посетить Германию.

Примечания:

1. Ethnographie und Herrnguter Mission. Volkerkundemuseum Herrnhut / Katalog zur standigen Ausstellung im Volkerkundemuseum Herrnhut Außenstelle des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Herausgegeben von PD Dr. Annegret Nippa, Direktorin. Redaktion: Dipl. ethn. Petra Martin, Dipl. ethn. Stephan Augustin. Dresden: Staatlichen Museums für Volkerkunde, 2003. S. 57–72.
2. Алексеева П.Э. Роль Сарепты в калмыковедении // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: материалы международной научно-практической конференции 30 сентября 2010 г. Элиста: КалмГУ, 2010. С. 21.
3. Augustin S. Zur Geschichte ethnographischer Erkundungen bei den Kalmyken im Missionsgebiet der Evangelischen Bruder-Unitat (Herrnhuter Mission) an der unteren Wolga // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Forschungsstelle. Band 50. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1998. S. 217–240.
4. Kalmyk Old-Script Documents of Isaac Jacob Schmidt 1800–1810. Todo Bicig Texts, Transcription, Translation from the Moravian Archives at Herrnhut. Edited by John R. Krueger and Robert G. Service. Wiesbaden: Harrsowitz Verlag, 2002. 214 p.
5. Zwick H.A. Reise von Sarepta in Verchiedene Rflmucken-Horden... in Jahre 1823. Leipzig, 1827 / АФ МЗСС (Архив фондов музея-заповедника «Старая Сарепта»). Путешествие из Сарепты в разные калмыцкие орды Астраханской губернии в 1823 г. с 26 мая по 21 августа по новому стилю по делам Российского общества по печатанию и распространению Библии / пер. Л.Ф. Шварц. 1993.
6. Августин Ш. Этнографические коллекции гернгутеров Нижнего Поволжья // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России: сборник тезисов конференции. Волгоград: Издательский центр музея-заповедника «Старая Сарепта», 1995. С. 13.
7. Augustin S. Zur Geschichte ethnographischer Erkundungen bei den Kalmyken im Missionsgebiet der Evangelischen Bruder-Unitat (Herrnhuter Mission) an der unteren Wolga...
8. Августин Ш. Этнографические коллекции гернгутеров Нижнего Поволжья... С. 12–13.
9. Батырева С.Г. Культура и искусство калмыков в собраниях музеев Германии // Немецкий акцент... С. 41.
10. Bilder aus der Herrnguter Mission. Fotografien des 19. Jahrhunderts aus den Sammlungen des Unitatsarchivs Schriften aus dem Unitatsarchiv, Band 3. Herausgegeben von Rudiger Kroger. Herrnhut: Comenius-Buchhandlung GmbH, 2008. 161 s.

References:

1. Ethnographie und Herrnguter Mission. Volkerkundemuseum Herrnhut / Katalog zur standigen Ausstellung im Volkerkundemuseum Herrnhut Außenstelle des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Herausgegeben von PD Dr. Annegret Nippa, Direktorin. Redaktion: Dipl. ethn. Petra Martin, Dipl. ethn. Stephan Augustin. Dresden: Staatlichen Museums für Volkerkunde, 2003. S. 57–72.
2. Alekseeva P.E. Rol Sarepty v kalmykovedenii [The role of Sarepta in the Kalmyk Studies] // Nemetskiy aktsent: Germaniya v istorii, nauke i kulture Kalmykii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 sentyabrya 2010 g. Elista: KalmGU, 2010. С. 21.
3. Augustin S. Zur Geschichte ethnographischer Erkundungen bei den Kalmyken im Missionsgebiet der Evangelischen Bruder–Unitat (Herrnhuter Mission) an der unteren Wolga // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Forschungsstelle. Band 50. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1998. S. 217–240.
4. Kalmyk Old-Script Documents of Isaac Jacob Schmidt 1800–1810. Todo Bicig Texts, Transcription, Translation from the Moravian Archives at Herrnhut. Edited by John R. Krueger and Robert G. Service. Wiesbaden: Harrssowitz Verlag, 2002. 214 p.
5. Zwick H.A. Reise von Sarepta in Verchiedene Rflmucken-Horden... in Jahre 1823. Leipzig, 1827 / AF MZSS (Arkhiv fondov muzeya-zapovednika “Staraya Sarepta”). Puteshestvie iz Sarepty v raznye kalmytskie ordy Astrakhanskoy gubernii v 1823 g. s 26 maya po 21 avgusta po novomu stilyu po delam Rossiyskogo obschestva po pechataniyu i rasprostraneniyu Biblii / per. L.F. Shvarts. 1993.
6. Avgustin Sh. Etnograficheskie kollektzii gernguterov Nizhnego Povolzhya [Ethnographic collections of the Herrnhuters of the Lower Volga] // Koloniya Sarepta i nemtsy Povolzhya v istorii Rossii: sbornik tezisev konferentsii. Volgograd: Izdatelskiy tsentr muzeya-zapovednika “Staraya Sarepta”, 1995. S. 13.
7. Augustin S. Zur Geschichte ethnographischer Erkundungen bei den Kalmyken im Missionsgebiet der Evangelischen Bruder–Unitat (Herrnhuter Mission) an der unteren Wolga...
8. Avgustin Sh. Etnograficheskie kollektzii gernguterov Nizhnego Povolzhya [Ethnographic collections of the Herrnhuters of the Lower Volga]. S. 12–13.
9. Batyreva S.G. Kultura i iskusstvo kalmykov v sobraniyakh muzeev Germanii [Kalmyk Culture and Art in the German museum collections] // Nemetskiy aktsent... S. 41.
10. Bilder aus der Herrnguter Mission. Fotografien des 19. Jahrhunderts aus den Sammlungen des Unitatsarchivs Schriften aus dem Unitatsarchiv, Band 3. Herausgegeben von Rudiger Kroger. Herrnhut: Comenius-Buchhandlung GmbH, 2008. 161 s.

УДК 294.3+7.046.3+069:09(045)

Калмыцкие коллекции в музеях Германии: к вопросу этнической традиции

Светлана Гарриевна Батырева

Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты
 Калмыцкий институт гуманитарных исследований
 Российской академии наук, Российская Федерация
 358000, Республика Калмыкия, Элиста, улица Илишкина, 8
 Доктор искусствоведения
 E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования являются калмыцкие коллекции в музеях Германии, где традиционная культура номадов представлена предметами хозяйства и быта, а также буддийского культа. Рассматривая культурное наследие Калмыкии, автор выявляет состав и содержание коллекций буддийского искусства из собраний Государственного этнографического музея (Дрезден) и Этнографического музея (Гернгут). Коллекции, собранные в ходе миссионерской деятельности гернгутеров в кочевьях калмыков в XVIII–XIX вв., требуют комплексного музееведческого изучения, сочетающего методы искусствоведения, истории, этнокультурологии. Актуальным аспектом сравнительного исследования является рассмотрение этнической специфики произведений буддийской иконографии из музеев Германии и России.

Ключевые слова: искусство буддизма, калмыки, коллекции, культура, музеи Германии, наследие, традиция.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 33–40, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.33
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 947“186”

Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s)

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov
(Branch of the Rostov State University of
Economics (RINH)), Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

In the article, social and political views of the famous representative of the Don Cossack generals of the 19th century Ivan Ivanovich Krasnov are analyzed. His ideas about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” proved in articles of local and central periodicals are placed in an event context of reformatory policy of the Ministry of Defense for the Don Cossacks in the 1860s.

Keywords: Don Cossacks, Host, Ivan Ivanovich Krasnov, nationality, patriotism.

Введение

Представители казачьей семьи Красновых оставили заметный след в истории не только Донской земли, но и истории России, а также казачьего зарубежья. Среди них особое место занимает генерал-лейтенант Иван Иванович Краснов (1800–1871), командир лейб-гвардии Казачьего полка (1843–1848), походный атаман, окружной генерал 4-го военного округа Земли Войска Донского (далее – ЗВД), общественный деятель и писатель. И.И. Краснов не был обделен исследовательским вниманием [1], но специального, отдельного труда о нем еще не появилось. В данной работе мы хотели бы подвергнуть анализу две знаковые статьи генерала из его объемного публицистического наследия. Как нам кажется, именно в статьях «О народности в войске Донском» [2] и «Местный патриотизм в Донском войске» [3] содержится квинтэссенция взглядов И.И. Краснова на историю донского казачества и перспективы его развития в условиях «Великих реформ», актуальность которых, пожалуй, сохраняется и в наши дни. В некотором смысле наша статья будет перекликаться с недавней публикацией А.Ю. Перетяtko «Донской сепаратизм 1860-х гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику» [4]. Однако в этом исследовании главный упор делается на печатной дискуссии между М.Н. Катковым и М.Е. Салтыковым-Щедриним о «сепаратизме на Дону», вызванной небольшой заметкой

в 83-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1864 г. и приписываемой, возможно ошибочно, сыну И.И. Краснова Николаю Краснову.

Материалы и методы

Статья основана на материалах местной и центральной периодической печати 1860-х гг., в ней используются методы структурного анализа и системного подхода.

Обсуждение и результаты

Контекст появления упомянутых нами произведений И.И. Краснова вкратце таков. Отмена крепостного права на Дону и подготовка нового положения о войске Донском заметно всколыхнули местное общественное мнение. В начале лета 1862 г. войсковая администрация получила от Военного министерства программный документ, в котором излагались принципы предстоящих реформ в ЗВД, а именно: утверждение частной собственности на войсковых землях, право свободного выхода из казачьего сословия, необязательность военной службы, отмена ограничений для иногородних в отношении собственности и передвижения на казачьих территориях и пр. Обсуждение министерских предложений разделило донское и особенно новочеркасское общество на два лагеря: сторонников преобразований и противников радикальных реформ. Статья И. Краснова «О народности в войске Донском» отражала точку зрения поддерживающих планы Военного министерства и стала поводом для печатных дискуссий, развернувшихся преимущественно в «Донских войсковых ведомостях». Тон и содержание этой полемики позволили столичным изданиям – в том числе влиятельной газете «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова – обвинить донское казачество в исповедовании автономистских идей и склонности к сепаратизму в 1863–1864 гг. [5]. Статья «Местный патриотизм в Донском войске», опубликованная И. Красновым в «Современной летописи», являвшейся воскресным приложением «Московских ведомостей», стала своеобразным ответом на эти обвинения. В этой публикации генерал представил свое видение событий начала 1860-х гг. на Дону, разъясняющее несправедливые, по его мнению, упреки в адрес донского казачества.

Истолкование авторского замысла и его воплощения в статье «О народности в войске Донском» нам облегчит то обстоятельство, что мы нашли вероятный протограф, доцензурный вариант данной статьи, оказавшийся в архивных материалах генерала от кавалерии А.В. Каульбарса [6].

Свою работу Краснов начинает с безапелляционного утверждения: «После многих споров и противоречий в русской литературе признанно несомненным, что войско донских казаков, за исключением весьма немногих татар и других иностранцев, составилось первоначально из русских выходцев». Далее, по мнению генерала, с XVI в. на Дон «беспрерывно» попадали «русские и другие выходцы», пополняя ряды донского «воинства». Об этом свидетельствует происхождение известных казачьих фамилий на Дону. Однако их подробное перечисление, начиная от Платовых, Ефремовых и др. с указанием их «этнической» или сословной группы, не вошло в печатный вариант статьи [7]. Ситуация относительно свободного перемещения в войско и из него меняется после результатов деятельности Комитета об устройстве донского войска 1819 г., перед которым была поставлена задача «запретить принимать в донскую службу людей не казачьего происхождения, равно и казакам переходить куда-либо из войска». Признавшись в том, что подлинные причины такого поворота, «противоречившего всей исторической жизни донского края», ему неизвестны, Краснов все же предлагает свое объяснение «запретительной» деятельности комитета. «Сколько мы припоминаем, – пишет генерал, – около 20-х годов (XIX в. – А.В.) некоторые русские литераторы пустили в свет мнение, что донские казаки имеют свое, не-русское происхождение, и указывали на возможность выхода их из древнего Тмутараканского княжества, где будто бы проживали они, смешавшись с черкасами, во все время татарского преобладания над Россией. Это мнение в свое время было на Дону модно, и его тогда в особенности разделяла образованная молодежь наша, которой, Бог весть почему, казалось поэтичнее происходить от каких-либо очеркешенных тмутараканцев, чем от православного русского народа. Мнение это было усвоено и некоторыми членами комитета, более других влиятельными». Краснов также упоминает

о распространенных в русской армии после 1812 г. «поверии о врожденных способностях казаков и предубеждении об особенностях их породы». Такие суждения, по версии генерала, привели к незримому запрещению входа из казачьего сословия и выхода из него «для сбережения чистой казачьей крови», к формированию «убеждения, что замкнутость войска Донского необходима для поддержания в нем элементов народности». В итоге со временем «даже многие из донцов начали считать своею привилегией исключительное для них право – служить в войске».

Далее Краснов переходит к разъяснению позиции тех, кто «в запретительных мерах не видят пользы». Для генерала является «неоспоримым» тот факт, что «главная привилегия войска Донского состоит в особенном образе служения его». Однако эта служба имеет ряд трудностей, «преодоление которых требует особенных способностей». В то же время для Краснова очевидно, что «природа никогда не производит всех людей с одинаковыми склонностями», а всякому обществу – в том числе и донскому – «нужны и ученый, и художник, и купец, и всякого рода мастеровой, больше же всего земледелец». В связи с этим генерал задается естественным вопросом: «Каким же образом можно требовать, чтобы все жители обширной области, которая давно уже знакома с гражданской жизнью, имели стремление к одному военному ремеслу?» Прямого ответа на свой же вопрос Краснов не дает, но, отталкиваясь от утверждения, что «казачья служба нужна не для войска Донского, а для всей России», он предлагает активно привлекать «молодых волонтеров» из русских дворян в казачество. Такая мера не только разовьет «естественным образом соревнование» в казачьей среде, но, главное, будет способствовать появлению «свободных от военной службы казаков, которым представится возможность посвящать себя другим занятиям по своему выбору». Краснов отвергает опасения, что подобная политика приведет к уничтожению войска, т.к. процедура принятия в казачество будет обставлена определенными требованиями, а желающих исключиться из казачьего сословия «много не окажется» из-за «любви» донцов к своей родине.

Затем генерал критикует мнение тех, кто считает казаков «анахронизмом», и приводит различные доводы в пользу необходимости казачества, донского в частности, и его службы для русской армии и престола, как бы упреждая обвинения в свой адрес, что он «желает превратить» ЗВД в губернию или «уничтожить» донское казачество. В этом контексте часть пространственных рассуждений Краснова не попадает в печатный вариант статьи. Так, кратко изложенная генералом история взаимоотношений казачества и Российского государства, по его замыслу, подчеркивающая ту самую «нужность» казаков, вероятно, показалась цензору (хотя нельзя исключать и внутреннюю самоцензуру перед окончательной отправкой статьи в журнал) недостаточно корректной. Были вычеркнутыми из текста, например, такие слова: «Странное дело! Только после незабвенной отечественной войны, когда донцы принесли столько услуг Русскому государству... около 20-х годов проявились первые толки о том, что донским казакам доверять не должно и что они могут быть опасны для правительства, но что удивительнее всего, тогда же составилось мнение, что донцы имеют собственную свою национальность, которую Правительство обязано охранять в неприкосновенной отдельности, поддерживать и развивать всеми силами. Мы должны обратить внимание на весьма знаменательные факты, что те же сильные в мире особы, которые строже всего настаивали на замкнутости Донского войска... первые начали утверждать, что донцов нужно держать в черном теле, не доверять пушки донской артиллерии и принять войско Донское под особенный надзор» [8]. Такой генеральский пассаж можно интерпретировать по-разному, но то, что он отражает определенную оценку казачьего правительственного курса 1-й половины XIX в. одним из влиятельных членов донской казачьей элиты, вряд ли можно оспорить.

В заключении Краснов обращается к негативному, как он считает, австрийскому опыту национальной политики, состоящему «из многих затруднений», и противопоставляет его эффективной российской практике «обрусения». После чего генерал задается очередным вопросом: «Для чего же теперь созидать народность искусственную? Для чего область, населенную людьми чисто русскими, или совершенно обруселыми, которые говорят русским языком и исповедуют русскую веру, для чего держать ее таким особняком, заграждать всякие пути из нее к отечеству и обратно и уничтожать связи, которые могут ближе скрепить наш родственный с ним союз?» На этот раз Краснов ответил на свой вопрос: «Разве для того,

чтобы внушить каким-либо горячим мечтательным головам дикую мысль об отдельности существования и тем наделать хлопот, которые повлекут к гибели несчастные жертвы заблуждения и принесут вред государству» [9]. Такой ход мысли, кажется, весьма актуальный сейчас, в середине XIX в. пришелся не по душе цензору, который тем не менее оставил без изменения патетику последнего предложения генерала, горячо вопрошавшего о том, «...чтобы общая мать наша, Россия, не изобретала для них (донских казаков. – А.В.) особенной народности».

Через три года в статье «Местный патриотизм в Донском войске» Краснов возвращается к идее преодоления замкнутости донского казачества, но подходит к ее обоснованию в несколько ином контексте.

По мнению генерала, из-за польского восстания 1863 г. русские патриоты стали «ревниво» следить за окраинными областями и в итоге отыскали сепаратизм в «стране (ЗВД. – А.В.), где нет никакой народности, кроме чисто русской». Ссылаясь на свое коренное происхождение и опыт местного проживания, Краснов берется сразу утверждать, что как среди простых казаков, «безраздельно преданных Государю и правительству», так и среди казачьих дворян и служащих Новочеркасска «не родился еще такой безумец, которому запала бы в голову серьезная дума об отдельном политическом существовании войска». А потому общественный подъем, случившийся на Дону в 1862 г., для Краснова всего лишь «что-то похожее на демонстрацию», которая, впрочем, быстро закончилась с опубликованием известного манифеста Александра II 1863 г., подтвердившего права и привилегии донского казачества. Дискуссии же, развернувшиеся в донских ведомостях в 1862–1863 гг., это проявление «жаркого местного патриотизма, в котором заметно было чувство недоброжелательства к русским, как на Дону обыкновенно называют всякое лицо недонского происхождения». Такому пониманию патриотизма генерал, ссылаясь на мнение «стариков», противопоставляет другое его прочтение. По словам Краснова, «любовь к родине отнюдь не состоит в нетерпимости и во вражде ко всему инородному». Более того, государство ожидает от казаков «не слепого и узкого патриотизма», а такого патриотизма, который происходил бы «от убеждений, от сознания нашего (казачьего. – А.В.) долга к отечеству, от сыновней любви к общей нашей матери, России».

Как считает генерал, именно содержание ряда статей в местной газете дали «отечественной публике повод думать, что донцы имеют наклонность к сепаратизму». В то же время Краснов признает «виновность» донцов «в недружелюбии к русским, или, говоря вернее, к уроженцам других губерний». И далее он обращается к примерам из недавней истории донского казачества, местами перекликающихся с подобным материалом из статьи «О народности...», для того чтобы иносказательно переложить на власть и на действующее «Положение о войске Донском» 1835 г. ответственность за то, что «многим из наших донцов, не шутя, стало казаться, что они составляют в России какую-то особенную нацию». Вспоминая о событиях 1862 г. Краснов пишет о росте отчуждения в Новочеркасске между коренными и иногородними чиновниками, которое, собственно, и подтолкнуло его написать статью «О народности...». Краснов признается, что «слишком положился на свою популярность» и поступил самонадеянно, призывая разрушить замкнутость войска Донского.

Статью не поняли и обвинили автора в желании «выслужиться перед правительством». Здесь Краснов явно лукавит, как-то невнятно описывая хронологию событий, и не договаривает, затрагивая тему последствий от опубликования своей работы. Дело в том, что его статья «О народности...» в «Военном сборнике» была размещена практически одновременно со статьей «Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское» (но подписанной 26 января 1862 г.) в донских ведомостях, где категорично высказывалась идея сохранения прав и привилегий казачества и отрицалась общественная польза от «допущения в войско иногородних» [10]. Автор этой статьи скрывался под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин» и, весьма вероятно, в нем можно увидеть известного донского генерала и общественного деятеля И.С. Ульянова. Как свидетельствует О.М. Морозова, многолетняя дружба двух генералов – Краснова и Ульянова – резко пресеклась как раз из-за разногласий по поводу прав иногородних, в том числе, в земельном вопросе [11]. Последующие критические отклики на эти две работы в донских ведомостях собственно и составляют сущность «жаркого местного патриотизма» в печатной форме.

Таким образом, получается, что статья Краснова «О народности...» – это скорее не реакция на газетные баталии между сторонниками и противниками казачьей замкнутости, а непосредственный повод к их началу.

Конечно, нельзя исключать того, что не только или не столько статья Краснова «разбудила» общественное мнение на Дону. Например, можно достаточно уверенно утверждать, что сведения о радикальных предложениях по реформированию казачества, изложенные в программе Военного министерства и просочившиеся в донское общество в середине 1862 г., также инициировали сначала непечатные (и, как результат, «рост отчуждения между коренными и иногородними чиновниками»), а потом уже и печатные дебаты. Подобное исключение можно разглядеть и в ответе на вопрос о том, кто конкретно дал «отечественной публике повод думать, что донцы имеют наклонность к сепаратизму». Сам Краснов обошел этот сюжет, ограничившись простой констатацией данного факта.

Действительно, с июня по октябрь 1863 г. в «Московских ведомостях» публиковали свои путевые заметки (письма) историк И.К. Бабст и будущий обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, которые сопровождали наследника престола Николая Александровича в его поездке по России, в том числе и по ЗВД. В этих заметках, собранных и изданных в 1864 г. отдельной книгой, довольно подробно сообщалось о разделении донского общества на «партии» сторонников «нововведений» и «приверженцев псевдо-исторической идеи Дона», о полемических статьях таких «партийцев» на страницах единственной в то время местной газеты [12].

Тем не менее не все так очевидно в первенстве обличения существования в донском казачестве «автономистского», «сепаратистского» духа. В 4-м номере «Русского инвалида» 1863 г. выходит статья «Письма с Дона», датируемая декабрем 1862 г. под авторством «К», с небольшим редакционным вступлением, в котором говорится о том, что составление нового войскового положения разделило казаков на два лагеря и «Русский инвалид» готов принимать в свои «столбцы... мнение обеих партий». В самой статье весьма гневные обвинения были предъявлены неким «партизанам замкнутости», которые хотят восстановить «значение войскового круга», не желают принимать «иногородний элемент в казачью народность» и пр.

Также в 1863 г. в Санкт-Петербурге в серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» публикуется книга «Земля войска Донского» члена Императорского Русского географического общества штабс-капитана Николая Ивановича Краснова, допущенная к печати цензором 11 февраля 1863 г. В своей работе Н.И. Краснов немало страниц посвящает разразившимся дискуссиям среди донского дворянства по поводу преодоления или сохранения «замкнутого» состояния войска Донского [13]. Н.И. Краснова и «К» связывает не только сюжетная и идейная близость в их произведениях, но и родственная, т.к. под «К» скрывался наш герой И.И. Краснов, а Н.И. Краснов, напомним, приходился ему сыном. Прямого упоминания об «автономизме» или «сепаратизме» донских казаков в красновских текстах нет, но содержащийся в них недвусмысленный намек на бытование подобных идей в казачьей среде вдумчивый современник мог бы разглядеть и без особого труда.

Учитывая данные обстоятельства, можно, конечно, предположить наличие мотива вины у И.И. Краснова, который и привел его к оправдательному замыслу статьи о «местном патриотизме». Нельзя исключать и другой вариант, нам кажущийся предпочтительным, с желанием И.И. Краснова отвести от себя и своей семьи всякие подозрения в оговоре своих оппонентов – защитников казачьих устоев и привилегий, в которых впечатлительная столичная публика увидела «сепаратистов». Если это так, то И.И. Краснову удалось осуществить задуманное. В 1866 г. на страницах «Русского инвалида» донские журналисты, размещая объявление об издании первой частной газеты на Дону «Донского вестника», задавались таким еще безответным вопросом: «Откуда и на основании каких фактов могли возникнуть суждения о донском сепаратизме, о нежелании казаков распространения у них грамотности и о не сочувствии их либеральным реформам нашего правительства?» [14]. В 1869 г. – теперь на страницах «Донского вестника» – пространный ответ был уже найден: «В желании удержать некоторые из лучших старинных казачьих постановлений и заключались все заветные стремления казакманов, как их обозвали тогда прогрессисты.

О полной же замкнутости и отчуждении тут и не было речи. Донской сепаратизм существовал только в воображении «Московских ведомостей» [15].

Однако вернемся к статье Краснова. После очередного заявления о том, что «появившаяся в патриотической русской литературе тревога о существовании в Войске Донском склонности к сепаратизму напрасна», генерал обращается к работе местного комитета по пересмотру войскового положения. В частности, он подвергает критике отрицательное заключение комитета на предложение о привлечении иногородних в донские полки («с ними донские офицеры не будут ладить»). Тем не менее Краснов признает проблему отчуждения казачьих офицеров и представителей русского офицерского корпуса. Причину этого он видит в «привилегированной нашей замкнутости, которая удалила нас от родимой семьи и втокнула в какой-то фантастический мир, нарочно придуманный для нашей национальности и которая... не может изгладить в нас того чувства, что мы уже как бы не принадлежим к народности господствующей, а потому инстинктивно подчиняемся ее представителям». Завершая статью, Краснов вновь обращает внимание на необходимость преодоления изолированного состояния Войска Донского и указывает на еще одно действенное средство для этого. Генерал предлагает разрешить донским землевладельцам продавать свои земли иногородним, т.к. это «во-первых, возвысило бы ценность донских имений... во-вторых, дало бы права гражданства на Дону их приобретателям, которые если не сами, то в лице своих потомков имели бы возможность поступать на службу в донские полки и укреплять драгоценный для Донского Войска союз с отечеством».

Выводы

Для того чтобы дать развернутую оценку общественно-политическим взглядам И.И. Краснова, анализа содержания двух его статей, пусть и знаковых, вряд ли будет достаточно. Но промежуточные выводы об отношении генерала к ключевым событиям недавней донской истории и таким понятиям, как «народность» и «патриотизм», вполне можно сделать. На вопрос о смысле(ах), которые генерал вкладывал в слова «народность»/«нация»/«национальность» в своем ответе сошлемся на авторитетное мнение А.И. Миллера, констатировавшего, что «параллельное использование понятий *народность*, *нация*, *национальность* как сходных по смыслу было типично для 1860-х годов» [16]. Впрочем, это не означает, что тем самым мы ставим окончательную точку в выяснении вероятных вариантов использования Красновым данных слов.

Более же конкретно и внятно можно сказать о красновской концепции предыстории и современного положения донского казачества, в которой ключевую роль занимает понятие «казачья народность / национальность». На наш взгляд, Краснова тревожило то обстоятельство, что эксплуатация идеи казачьей народности с 20-х гг. XIX в. как центральной властью, так и отдельными представителями казачьей элиты, причем каждой стороной в своих интересах, на самом деле уводит донское казачество от цивилизованного пути развития. В то время как «русская нация консолидируется после 1861 г.», войско Донское, состоящее из русских выходцев, сохраняя окраинный свой статус, теряет перспективы своего развития, остается за пределами «народности господствующей» и тех благ, которыми пользуются обитатели национальной метрополии. Несмотря на то что Краснов неоднократно отрицает сепаратизм донских казаков, тем не менее он на грани шантажа предупреждает власть о потенциальной опасности распространения сепаратистских идей среди казачества, одновременно выписывая рецепт его лечения правильным патриотизмом образца «Московских ведомостей».

Благодарности

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50018.

Примечания:

1. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 1991. С. 190–255.
2. Краснов И.И. О народности в войске Донском // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343–356.
3. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске // Современная летопись. 1865. № 16.

4. Перетятко А.Ю. Донской сепаратизм 1860-х гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 227–233.
5. Волвенко А.А. Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.) // Русская старина. 2015. № 1 (13). С. 19–37.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 203 (Архив А.В. Каульбарса). Оп. 1. Д. 35. Материалы А.П. Чеботарева. Л. 24–34.
7. РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 35. Л. 25об.
8. РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 35. Л. 31об.
9. РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 35. Л. 33об.
10. Усть-Медведицкий дворянин. Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское // Донские войсковые ведомости. 1862. № 30, 31, 32.
11. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 21.
12. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Тип. Грачева и К, 1864. С. 526–528.
13. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента генерального штаба, 1863. С. 231–232, 439–440.
14. Русский инвалид. 1866. № 93. 15 апреля.
15. Донской вестник. 1869. № 4. 27 января.
16. Миллер А.И. История понятия нация в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2. С. 31.

References:

1. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. Narrative on the Cossacks]. Rostov n/D: Rost. kn. izd-vo, 1991. S. 190–255.
2. Krasnov I.I. O narodnosti v voyske Donskom [On the national issue in the Don Host] // Voennyi sbornik. 1862. № 4. S. 343–356.
3. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske [Local patriotism in the Don Host] // Sovremennaya letopis. 1865. № 16.
4. Peretyatko A.Yu. Donskoy separatizm 1860-kh gg.: mify, realnost i vliyanie na pravitelstvennuyu politiku [Don separatism of the 1860s: myths, reality, and influence on state policy] // Problemy polietnichnogo makroregiona v usloviyakh destabilizatsii Kaspiysko-Chernomorskogo zarubezhya. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2015. S. 227–233.
5. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Donskoy sluchay (1860-e gg.) [Kazakomanstvo. Don case (the 1860s)] // Russkaya starina. 2015. № 1 (13). S. 19–37.
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive (RSMHA). F. 203 (Arkhiv A.V. Kaulbarsa). Op. 1. D. 35. Materialy A.P. Chebotareva. L. 24–34.
7. RSMHA. F. 203. Op. 1. D. 35. L. 25ob.
8. RSMHA. F. 203. Op. 1. D. 35. L. 31ob.
9. RSMHA. F. 203. Op. 1. D. 35. L. 33ob.
10. Ust-Medveditskiy dvoryanin. Rassmotrenie voprosa o dopushchenii inogorodnikh v voysko Donskoe [Considering the issue of allowing the non-residents to become the members of the Don Host] // Donskie voyskovye vedomosti. 1862. № 30, 31, 32.
11. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta [Tsars, Cossacks and Red Army commanders... Seven essays in the genre of the historical and psychological portrait]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2010. S. 21.
12. Pisma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma [Letters on the travelling of the Prince Emperor through Russia from Petersburg to Crimea]. М.: Tip. Gracheva i K, 1864. S. 526–528.
13. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo Shtaba [Data for geography and statistics of Russia collected by the officers of the General Headquarters]. Zemlya voyska Donskogo. SPb.: Tip. Departamenta generalnogo shtaba, 1863. S. 231–232, 439–440.
14. Russkiy invalid [Russian invalid]. 1866. № 93. 15 aprelya.
15. Donskoy vestnik [Don Herald]. 1869. № 4. 27 yanvary.
16. Miller A.I. Istoriya ponyatiya natsiya v Rossii [The history of the term *nation* in Russia] // “Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. Т. 2. С. 31.

УДК 947“186”

**И.И. Краснов о «казацкой народности» и «донском патриотизме»
(по материалам периодической печати 1860-х гг.)**

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ), Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются общественно-политические взгляды известного представителя донского казачьего генералитета XIX в. Ивана Ивановича Краснова. Его идеи о «казацкой народности» и «донском патриотизме», обоснованные в статьях местной и центральной периодической печати, помещены в событийный контекст реформаторской политики Военного министерства в отношении донского казачества в 1860-х гг.

Ключевые слова: войско, донское казачество, И.И. Краснов, народность, национальность, патриотизм.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 41–60, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.41
www.ejournal15.com

UDC 78(470)

Soviet Youth Nonconformist Subculture in the Context of the International Movement of Youth Protest (the End of the 1960s – 1970s)

Alexander A. Venkov

Independent Researcher, Russian Federation
36, 36th Lane, Rostov-on-Don, 344025
PhD (History)
E-mail: venkov_alex@mail.ru

Abstract

The article discusses the causes and forms of youth protest in the US and some European countries in the second half of the 1960s. The extent of its influence on the emergence of nonconformist youth subculture in the Soviet Union in the late 1960s – 1970s is revealed, and the general features of various youth subcultures of the Soviet Union and abroad are analyzed.

Keywords: 1968, hippie youth protest, hitchhiking, nonconformity, rock music, Soviet youth, system.

Введение

Вторая половина 1960-х гг. вошла в историю как время активного молодежного протеста, достигшего своего пика в 1968 г. Начавшись в середине 1960-х гг. в США в университетской среде с антивоенных демонстраций, протест охватил практически всю Америку, в 1968 г. «вспыхнули» Франция и Чехословакия. Протестные движения в каждой отдельной стране отличались ярким многообразием: контркультурные, антивоенные, политические. В Советском Союзе в то же время при отсутствии активного молодежного протеста зарождается новая молодежная субкультура, протестная по своему содержанию.

Целью данной статьи является анализ предпосылок развития советской молодежной протестной субкультуры конца 1960-х – начала 1970-х гг., а также выявление общих и различных черт между советским и западным молодежным протестом.

Материалы и методы

Работа основана на источниках личного происхождения: интервью, воспоминаниях, мемуарах лиц, бывших непосредственными участниками описываемых явлений и процессов – активных членов советских молодежных сообществ, музыкальных журналистов, членов «любительских» музыкальных групп. Также использованы материалы советской печати, посвященные исследуемой проблематике. Этот источник позволил осветить официальную позицию властей на события и явления, анализируемые в работе.

В качестве основного метода исследования выбран метод сравнительного анализа, позволяющий раскрыть общие и частные черты советского и западного молодежного протеста. Также использован ретроспективный метод исторического исследования для

выявления причинно-следственных связей и закономерностей формирования и развития советской молодежной субкультуры 1970-х гг.

Обсуждение и результаты

В 1960-е гг. западное сообщество переживает серьезный социальный кризис, выразившийся в массовом протестном движении городской молодежи, вошедшем в историю под термином «эпоха хиппи» или «эпоха шестидесятых». Хотя термин «хиппи» достаточно условен, сами представители данного молодежного предпочитали называть себя «прекрасные люди» (beautiful people). Как отмечал Тимоти Лири, писатель и психолог, стоявший у истоков движения, «хиппи — это ярлык, навешенный истеблишментом, на глубокий, невидимый, скрытый эволюционный процесс. На каждого босоногого хиппи в фенечках и цветах приходится тысячи невидимых участников андеграунда. Людей, чьи жизни настроены на их внутреннее видение. Тех, кто выпал из этой телекомедии Американской Жизни» [1].

Молодежные протесты 1960-х гг. в США. Условным началом волны молодежного протеста, захлестнувшего США и Западную Европу, можно считать волнения в калифорнийском университете Беркли в конце 1964 г. и создание молодежной организации «Движение Свободное слово» (Free Speech Movement), выступившей за демократизацию образования, участие студентов в управлении университетом и право на создание политических организаций в вузах. В ходе волнений было арестовано около 800 студентов [2]. Однако фактическое поражение студентов только спровоцировало протестное движение. В дальнейшем повсеместными стали акции протеста против войны во Вьетнаме под девизом «Занимайтесь любовью, а не войной!» (Make love, not war!). Зачастую акции протеста перерастали в настоящие беспорядки с привлечением полиции и подразделений Национальной гвардии, как, например, во время бунта афроамериканского населения в Детройте 1967 г. или для разгона молодежных протестов во время съезда Демократической партии США в Чикаго в августе 1968 г.

Наиболее масштабными акциями стали «Лето любви» и «Поход на Пентагон» в 1967 г. Так, летом 1967 г. в квартале Сан-Франциско под Хайт-Эшбери собралось около 100 тысяч хиппи, чтобы «праздновать любовь и свободу», создавая тем самым уникальный феномен культурного, социального и политического бунта [3]. «Лето любви» стало кульминацией молодежного протеста второй половины 1960-х гг., когда субкультура хиппи наконец заявила о себе во всеуслышание. В то же лето 1967 г. в США было зафиксировано около 160 случаев городских беспорядков на основе расовой дискриминации [4], вошедших в историю под названием «Долгое жаркое лето» (The Long Hot Summer of 1967). «Поход на Пентагон» в октябре 1967 г. стал апогеем пятидневных общенациональных протестов против военного призыва. На выходные в Вашингтон прибыло от 70 до 100 и более тысяч человек [5].

Однако было бы неверным предполагать, что сутью конфликта были требования студенческого самоуправления и протест против участия США во вьетнамском конфликте. В основе молодежного протеста лежала полноценная социальная революция – революция нравов. В первую очередь, это был протест против сложившихся устоев американского общества: патернализма, культуры потребления, иерархичности социальной структуры. Протест против любой формы неравенства: расового, социального, сексуального. Протест против насилия, осуществляемого государственной властью в отношении своих граждан и целых народов (война во Вьетнаме). Эмоционально и образно описал это явление Хантер С. Томпсон, американский журналист, активно освещавший движение протеста и социальные процессы той эпохи: «Это было всеобщее фантастическое ощущение, что все, что мы делаем, правильно, и мы побеждаем... И это, я полагаю, и есть та самая фишка – чувство неизбежной победы над силами Старых и Злых» [6].

Движение молодежного протеста было далеко не однородным. По сути, множество самых разнообразных движений слились в единой волне. В нее входили движение, пропагандирующее свободные сексуальные отношения, «Лига сексуальной свободы» (The Sexual Freedom League), движение за «освобождение сознания» посредством наркотических и психоактивных веществ, как, например, «Братство вечной любви» (The Brotherhood of Eternal Love), возникшее в 1966 г., одним из основателей которого стал

Тимоти Лири, экологическое движение и целый ряд других. Потому весьма условно можно выделить два основных направления: леворадикальное политическое и контркультурное.

Первое выступало с политическими лозунгами против войны во Вьетнаме, расовой сегрегации, бюрократизма и политического истеблишмента. К нему мы можем отнести партию йиппи (Youth International Party) или леворадикальные антирасистские организации, как, например, «Черные пантеры» или «Партия белых пантер». Теснейшим образом к этому политическому движению примыкали так называемые новые левые, оказавшие впоследствии сильное влияние на мировой политической ландшафт. Второе направление, контркультурное, выражало собой противостояние сложившимся общественным нормам, искало новые формы бытия, создавая коммуны, «расширяя сознание» психоделиками, всячески противопоставляя себя «Системе» или «Вавилону».

Рис. 1. Флаг йиппи, сочетавший в себе символы анархии, коммунизма и наркотиков [7]

Однако провести четкое разграничение между этими направлениями не представляется возможным. И контркультурное, и политическое направления были едины не только на уровне стиля – один язык, песни, внешний облик, но и на мировоззренческом уровне. Фактически, это были стороны одной медали. Общим был протест против устоявшихся авторитетов и традиций капиталистического общества, вступающего в постиндустриальную эпоху. Только одни видели их в политиках, бюрократах, другие – в нормах быта, внутрисемейных и социальных отношениях, царивших в мире «Старых и Злых». Потому и лозунги движения были общими. Так, Джерри Рубин, лидер йиппи, призывавший «выйти из скорлупы» [8], имел в виду не только «скорлупу» политических мифов и идеологий, но и «скорлупу» ханжеской морали, комплексов, страхов, обязательств и догм, навязанных обществом. Именно «Белые пантеры», политическая организация, борющаяся с расовой дискриминацией, сформулировала в своем манифесте ключевую мировоззренческую триаду эпохи шестидесятых – «секс, наркотики, рок-н-ролл»: «Наша программа – это рок-н-ролл, наркотики и секс на улицах. Это программа по освобождению всех и каждого. Мы берем на себя ответственность. Мы берем на себя ответственность за проведение в жизнь нашей программы. Мы дышим революцией. Мы – ведомые ЛСД маньяки всей вселенной. Мы сделаем все возможное, чтобы свести людей с ума, чтобы сумасшествие коснулось не только головы, но и всего остального тела»¹.

Принципиальной особенностью молодежного протеста шестидесятых стала особая роль искусства и музыки в частности. Из сугубо развлекательного культурного феномена искусство превратилось в мощный канал выражения и распространения лозунгов, идей, ценностей. Именно музыканты и писатели, а не политические деятели, кроме, пожалуй, Роберта Кеннеди в США, были главными героями молодежи 1960-х гг. Аллен Гинзберг, Уильям Берроуз, Джек Керуак, Кен Кизи, Боб Дилан, Дженис Джоплин, группы Jefferson Airplane, Grateful Dead, Beatles стали своего рода катализатором и ретранслятором идей эпохи шестидесятых.

¹ Манифест «Белых пантер». Цит. по [9].

Рис. 2. Группа Grateful Dead – одна из знаковых музыкальных групп культуры хиппи. 1970 г. Фото Warner Bros. Records [10]

Молодежные протесты 1960-х гг. в Западной Европе. Однако молодежный протест во второй половине 1960-х гг. был характерен не только для США. Волны молодежных волнений прокатились по ряду стран Европы, Азии и Латинской Америки. Наиболее ярко движение протеста проявилось во Франции и Западной Германии. Одной из важнейших причин европейского молодежного протеста стали социально-экономические реалии. Восстанавливающаяся после войны Европа переживала структурные социальные изменения. В частности, во Франции ускоренными темпами шел процесс урбанизации. В течение последующих двух послевоенных десятилетий две трети французских фермеров оставили свои пашни и фермы и переехали в города, где они вместе с иммигрантами-рабочими вступили в ряды пролетариата, формируя молодой и активный общественный слой [11]. Распад французской колониальной системы, потеря Алжира заставили французскую промышленность переориентироваться на европейский рынок сбыта, были созданы новые промышленные отрасли, это потребовало обучения большого количества специалистов, что, в свою очередь, привело к резкому количественному росту студенчества. Однако устаревшая система высшего образования, трудовое законодательство, набор социальных гарантий не отвечали новым социально-экономическим реалиям. Социальные проблемы были обострены наступившей в 1966–1967 гг. экономической рецессией. Возникают проблемы трудоустройства, в первую очередь, молодежи. Ситуация усугублялась очевидным авторитаризмом и радикализмом режима маршала де Голля. Таким образом, к концу 1960-х гг. во Франции сложились все предпосылки для вспышки острого социального конфликта. Непосредственным поводом для волнений стало публичное недовольство студентов университета Нантера, в пригороде Парижа, вызванное визитом в университет министра образования. Жесткая реакция полиции на студенческое недовольство стала поводом для студенческих волнений в других городах и в конечном итоге в самом Париже, Сорбонне. Студенты были поддержаны профсоюзами преподавателей, учителей, научных работников, а также Французской лигой прав человека. Помимо лозунгов культурно-провокативной направленности, актуальными стали требования 40-часовой рабочей недели, профсоюзных прав и отмены сокращения программ социального обеспечения. Пик волнений приходится на май 1968 г. В ряде городов проходят массовые демонстрации, невиданные со времени окончания Второй мировой войны. В одном лишь Париже на улицу выходит 800 тысяч горожан. Главными являются политические требования. Многие призывают к свержению правительства и отставке де Голля: «Десять лет – хватит!» [12]. В результате де Голль распустил Национальное собрание и назначил досрочные выборы. Голлисты победили. Однако в данном случае победа была обусловлена не столько популярностью президента Франции, сколько страхом французов

перед очередной революцией. И как только к 1969 г. страсти утихли, французы не поддержали на референдуме очередную реформу де Голля, что было расценено им как отказ в поддержке нации и послужило поводом для отставки. Таким образом, можно сделать вывод, что студенческий протест во Франции стал важнейшим фактором и причиной политико-социальных изменений на рубеже 1960–1970-х гг., которые сам президент Помпиду охарактеризовал как «преемственность и диалог», предложив программу «нового общества», предусматривавшую целый спектр социально необходимых реформ.

Рис. 3. Роберт Кеннеди и Мартин Лютер Кинг – единственные политические деятели эпохи 1960-х гг., ставшие истинными героями протестной молодежи. 1963 г. Фото Abbie Rowe. National Park Service / John Fitzgerald Kennedy Library, Boston [13]

Несмотря на то что французское студенческое движение имело очевидную социальную направленность, немалой была и культурная или контркультурная составляющая. Большинство лозунгов было заимствованно у американского движения протеста: «Счастье – это новая идея», «Поэзия на улицах!», «Алкоголь убивает. Принимайте ЛСД», «Вся власть воображению!» и ряд аналогичных. Также схожим с американским молодежным движением был протест против войны во Вьетнаме, против «господства людей над людьми», «ханжеских» норм общественной морали, политического и экономического «истеблишмента», конформизма старшего поколения и, иными словами, против того же мира «Старых и Злых». Несомненным сходством была особая роль искусства в движении протеста. Только в США эту роль сыграли музыка и литература, во Франции и ФРГ – кинематограф. Так, своего рода катализатором французского молодежного протеста стала «новая волна» во французском кинематографе. Жан-Люк Годар активно участвует в майских событиях 1968 г., является одним из идейных вдохновителей «нового левого движения», снимает ряд пропагандистских фильмов.

В Германии молодежный протест был связан с переосмыслением национал-социалистического прошлого и приходу власти в ФРГ «поколения палачей» из Третьего рейха». В частности, федеральный канцлер ФРГ с декабря 1966 г. по октябрь 1969 г. Курт Кизингер с мая 1933 г. – член НСДАП, с 1940 г. – сотрудник МИД Третьего рейха. Высший пост Кизингера в МИДе – заместитель заведующего отделом по радиопропаганде в «Интеррадио», органа, созданного для координации деятельности МИД и министерства пропаганды.

Молодежное протестное движение в странах социалистического лагеря – Польше, Чехословакии и Югославии – имело свою специфику. В первую очередь оно стало частью общенациональных протестов, связанных с политико-социальными кризисами, произошедшими в ряде стран соцлагеря.

Так, в Польше, начиная с 1967 г., разворачивается «антисионистская» кампания, вызванная резким ухудшением советско-израильских отношений. Польша разрывает дипломатические отношения с Израилем, «сионистские круги» обвиняются в подрывной работе против «народной Польши», что на фоне ухудшающегося социально-экономического положения вызывает негативную реакцию у польского населения. В марте 1968 г. проходят студенческие волнения, вызванные запретом спектакля по пьесе Адама Мицкевича «Дзяды», в котором властями были усмотрены антирусские и антисоветские мотивы. Молодежный протест привел к усилению «антисионистской» кампании, что, в свою

очередь, вызвало глубокое возмущение в США, Западной Европе и в самой Польше, население которой восприняло кампанию как попытку «найти виноватых» и «закрыть глаза» на нарастающие экономические проблемы. Также кампания вызвала негативные ассоциации с репрессиями против евреев времен оккупации Польши в ходе Второй мировой войны. Итогом данных кризисных явлений стало силовое подавление массовых волнений в Гданьске, Щецине, Лодзи, социально-экономические уступки, решение ЦК ПОРП об отмене повышения цен и об их стабилизации сроком на два года. Были увеличены оклады низкооплачиваемым профессиям.

Аналогичным образом – как часть общенациональных протестов – прошли студенческие волнения в Югославии в 1968 г. К концу 1960-х гг. югославская экономика вошла в стадию кризиса. Выросла инфляция, начался отток населения в поисках работы в страны Западной Европы, в целом снизился уровень жизни. Данные реалии усугублялись роскошным образом жизни привилегированных слоев населения: партократов, частных предпринимателей, звезд спорта и эстрады. В итоге в начале июня 1968 г. по стране прокатились акции протеста: студенческие волнения, забастовки рабочих, крестьянские выступления. Студентами был сформулирован ряд требований, который можно свести к следующим позициям: демократизация социальной и политической жизни в Югославии; введение принципа социалистической солидарности посредством мер, направленных на достижение социального и политического равенства; смещение той части политической элиты, которая проповедовала социалистическую мораль, но вела жизнь «красной буржуазии»; демократизация университетов, предоставление студентам и профессорам большего контроля над учебной программой, обучением и исследовательской работой [14]. Иными словами, протест был направлен против существующего югославского руководства, исповедующего принципы неосталинизма, идеологического контроля над образовательной системой, подавления молодежных субкультур.

Наиболее ярко и масштабно в Восточной Европе проявило себя протестное молодежное движение в Чехословакии. Собственно, молодежный протест стал частью реформистского процесса Чехословакии, вошедшего в историю под именем «Пражская весна». В конце 1967 г. в руководстве Чехословакии разгорелась борьба между политическими группировками прогрессистов, центристов и консерваторов. Главным объектом критики стал президент Чехословакии и первый секретарь ЦК КПЧ, лидер консерваторов Антонин Новотный.

30–31 октября 1967 г. на фоне дискуссий в Политбюро ЦК КПЧ произошли стихийные студенческие выступления в Праге, вызванные перебоями с отоплением и электричеством. Волнения были жестко подавлены полицией, что повлекло только дальнейшее ожесточение и радикализацию студенческой среды. Разгон студентов вызвал массовую критику в самом ЦК КПЧ, что в итоге закончилось отставкой Новотного с поста первого секретаря ЦК КПЧ, а впоследствии, в марте 1968 г., и с поста президента Чехословакии. Эти отставки и стали условным началом «Пражской весны». Студенческая молодежь активно поддерживала углубление демократизации и либеральных реформ правительства Олдржиха Черника, 3 мая 1968 г. в Праге прошла студенческая демонстрация в поддержку ускоренных реформ. Чехословацкий молодежный протест стал фактически единственным опытом молодежного протеста шестидесятых, совпавшим не только с широкими общественными настроениями, но и с реформистским курсом правительства. Однако закончилась «Пражская весна», как известно, операцией «Дунай» – вводом воинского контингента стран Организации Варшавского договора и последующим свертыванием реформ.

Главные причины югославских, чехословацких, польских событий 1968 г. коренятся в местных социалистических реалиях, в первую очередь связанных с фактическим отсутствием реальных демократических механизмов смены власти, идеологическим контролем над культурой и образовательным процессом.

Несмотря на различные социальные и экономические предпосылки, молодежные протестные движения Европы и Америки были направлены против консерватизма истеблишмента, милитаризма, злоупотребления демократическими институтами, любых форм неравенства, манипуляции средствами массовой информации, подавления молодежной субкультуры и против империализма в любых его формах. Все эти движения выступали за социальные и экономические изменения, которые обеспечили бы большую

свободу, равенство, социальную солидарность и реальную демократию, хотя цели эти были по-разному описаны в разных странах и социальных системах, использовались различные пути и методы их достижения. Несмотря на различия в социальных и политических условиях, молодежь всего мира выдвигала одно и то же фундаментальное требование: создание более гуманного и демократического общества.

Рис. 4. «Красный май» на улицах Парижа. 1968 г. Фото Bruno Barbey [15]

Молодежный протест 1960-х гг. в СССР. Каким же образом сказался условный «1968-й год» на советской молодежи? Реалии советской жизни в корне отличались от таковых в США и Западной Европе. Советский Союз не вел «несправедливых» войн, ввод советских войск в Чехословакию оказался практически незамеченным в среде широкой общественности и молодежной среде. В то же время Артемий Троицкий отмечает: «Вторжение в Чехословакию окончательно убедило думающую часть молодежи в том, что со стороны официальных властей ничего, кроме тупости, лжи и подавления, ждать не приходится» [16]. Однако представляется, что данная точка зрения является, скорее, итогом более поздних размышлений автора, нежели отражением существующих настроений «думающей» молодежи. Поскольку едва ли «среднестатистический представитель» советской молодежи был настолько осведомлен в перипетиях международных отношений в соцлагере, насколько в них был осведомлен Артемий Троицкий – сын журналистов-международников, работавших в 1960-х гг. в Праге. Историк отечественной рок-культуры, журналист, ровесник Троицкого Андрей Бурлака так комментирует реакцию молодежи на чехословацкие события: «Мне было тринадцать лет, в голове уроки, гуляние, купание, походы за грибами, ловля рыбы и ужей, игра в войнушку, дворовый футбол и детство счастливое наше. Какая Чехословакия!? Мы воспринимали это так, как это излагали по радио» [17]. Действительно, едва ли советский молодой человек или подросток имел доступ к какой-либо иной информации, чем той, что передавали в советских средствах массовой информации. И даже «западные голоса», по свидетельству того же Бурлаки, слушались в основном ради западной музыки, но не ради новостей. Потому едва ли большинство советской молодежи как-то затронули, а тем более поколебали ее веру в правильности советского курса, чехословацкие события августа 1968 г.

Не стояли перед советской молодежью и проблемы трудоустройства, как это было во Франции. Советское государство гарантировало право на труд. Безусловно, далеко не всех молодых людей радовало распределение после вуза, но практически никто из них не мог пожаловаться на то, что его знания, квалификация и специальность окажутся не востребованы народным хозяйством. Тем более молодой специалист с дипломом о высшем образовании не мог пожаловаться на то, что государство оставило его без средств к существованию. Более того, шестидесятые годы, особенно их вторая половина, стали

относительно «сытыми» и «зажиточными». Неуклонно росло «материальное благополучие трудящихся». Индивидуальное жилье, личный автомобиль, конечно, еще оставались труднодостижимыми благами, но отнюдь не невозможными. Отдых же на море, телевизор, модная одежда, иные бытовые блага давно перестали восприниматься как предметы роскоши. Безусловно, большинство качественных, а особенно импортных, вещей приходилось искать, «доставать», но очевидно, что уровень жизни советского человека в шестидесятых годах заметно вырос. Данному вопросу посвящено очень подробное, всеобъемлющее исследование Н.Б. Лебиной «Повседневность эпохи космоса и кукурузы...» [18].

Иными словами, в Советском Союзе отсутствовали все те предпосылки, что сподвигли американскую и европейскую молодежь к протесту, к противопоставлению себя миру «Старых и Злых». Но в то же время в СССР зарождается свой молодежный протест, вызванный разочарованием советской общественно-политической системой. Это был не протест бунта, не протест демонстраций, не протест в виде открытого противостояния власти и создания альтернативных гражданских структур. Такое в условиях советской идеологизированной системы, подкрепленной соответствующим карательно-охранительным аппаратом, было бы просто невозможно. Это протест активного «неучастия». Например, отказ от вступления в комсомол. Так, басист группы «Машина времени» Александр Кутиков вспоминает: «В 16 лет (1968 год. – А.В.) я являлся секретарем комсомольской организации и по собственной инициативе написал заявление о выходе из ВЛКСМ. Комсомольский билет подарил на память маме. Она отнеслась к этому факту философски. Если сын так выразил свое отношение к советской жизни, значит, и такое возможно в нашей семье» [19]. Естественно, подобный «демарш» ставил крест на поступлении в любой мало-мальски престижный вуз. Однако Кутиков так объясняет свой отказ от высшего образования: «Я понимал, перспектива стать военным или человеком, приближенным к оборонному ведомству, меня абсолютно не привлекает. Я интересовался музыкой, игрой в рок-группе, “Битлз” и всем остальным в этом роде» [20]. Уже упомянутый Андрей Бурлака, будучи призванным в армию, «скрыл» факт своего членства в комсомоле, однако, говорит он, «комсомольцы сами обратились в институт и нашли мою учетную карточку» [21].

Бесспорно, отказ от членства в комсомоле был далеко не повсеместным явлением, но, очевидно, и далеко не единичным. Причем подобное могло произойти при относительном безразличии к молодежной аполитичности самих комсомольских органов, что частично подтверждает исследование А. Юрчака [22].

Причиной молодежной аполитичности стало то, что романтический, мотивационный запал начала шестидесятых – освоения целины, покорения космоса, комсомольскихстроек – к концу десятилетия «выветрился». Однако «шестидесятые» подходили к концу. А вместе с ними в прошлое уходили главные символы этой короткой, но романтической и вдохновляющей эпохи – искренность «оттепели», энтузиазм целины и строительства Братской ГЭС. Покорение космоса стало обыденной работой. Кубинская революция потеряла свой романтический флер, по стране ходили пошлые перепевки на мотив песни «Куба, любовь моя». Да и самые яркие герои советской молодежи шестидесятых ушли в мир иной: Че Гевара погиб в ходе партизанской борьбы в Боливии в 1967 г., Юрий Гагарин разбился во время тренировочного полета в 1968 г. По сути, все, что могло предложить советское общество молодому человеку, это схему «вуз – распределение – работа – квартира в кооперативе – очередь на машину». Фактически это был тот же набор потребительских ценностей, что стал одной из причин молодежного протеста в США. Потребовалась собственная система координат, собственная система ценностей, альтернативный образ жизни. В известной степени такой идейной основой стал хиппизм. Любовь, искренность, солидарность – все это сильно контрастировало с казенно-ритуальным слогом комсомола. Андрей Макаревич вспоминает: «К семидесятому году мир заволокли хиппи. Статья в журнале “Вокруг света” открыла нам глаза на истину. Называлась эта статья “Хождение в Хипплиндию”. Мы с Борзовым выписывали оттуда цитаты, где хиппи провозглашали свою программу (я, например, помнил все наизусть). Платформа хиппи была принята безоговорочно» [23]. Речь идет о репортаже Генриха Боровика «Хождение в страну Хипплиндию», опубликованном в журнале «Вокруг света», в котором описывается

посещение автором хиппистской коммуны в Хайт Эшбери, Сан-Франциско. При этом Боровик приводит основные идейные положения хиппизма, с сожалением рассуждает о коммерциализации субкультуры [24].

Рис. 5. «Единство партии и народа нерушимо» (худ. О. Масляков, 1977 г.) – в эпоху «застоя» эти лозунги уже не вдохновляли [25]

Так на рубеже десятилетий в Советском Союзе начинается «эпоха хиппи». Несмотря на очевидную идейно-стилистическую общность, советское движение хиппи в то же время довольно существенно отличалось от своего американского аналога. В силу высокой степени партийно-государственного контроля над духовной жизнью граждан в СССР были фактически невозможны любые общественные неформальные организации, исповедующие и проповедующие какие-либо «идейные» взгляды, кроме марксистско-ленинских. Соответственно, ни о каком формальном протесте, ни о каких-либо сформулированных «манифестах» и речи быть не могло. По той же причине не могло быть сформировано никаких многочисленных коммун и организаций. То есть всего того, что стало идейно-организационной основой американского молодежного протеста и хиппизма, соответственно.

«Эпоха хиппи» в Советском Союзе. Имеет смысл определить содержание основных дефиниций. Несмотря на то что в источниках личного происхождения, посвященных советскому молодежному андеграунду данного периода, термин «хиппи» или «советские хиппи» в качестве самоопределения встречается повсеместно, тем не менее далеко не все участники данного движения напрямую отождествляли себя с хиппи. Однако зачастую их образ жизни, духовные устремления практически в полной мере соответствовали тем, что заявляли «советские хиппи». Потому, употребляя термин «хиппи», «хиппизм», мы, в первую очередь имеем в виду общее идейное направление советского молодежного андеграунда в конце 1960–1970-х гг., нежели непосредственно Систему – самоназвание относительно аморфной общности, конгломерата множества андеграундных молодежных «тусовок» хиппистского толка. Также используется дефиниция «молодежный протест». При всей разности форм мы воспринимаем описываемую молодежную субкультуру именно как протестную по своему содержанию, но не по форме.

Так, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в первую очередь в Москве, Ленинграде, Риге, Таллинне, впоследствии и в других крупных городах Советского Союза формируется так называемая «Система». Само название, как отмечает исследователь данной проблемы Т. Щепанская, «всегда воспринималось ее представителями с долей иронии. Существует несколько версий возникновения названия. Самая распространенная – версия *стеба* (насмешки над советской бюрократической административно-командной системой). Другая версия более серьезна, но также связана с противодействием: поскольку против нас Система (зловещая государственная машина подавления личности), то нам необходимо создать противостоящую ей собственную систему» [26]. Однако «противостояние», скорее, пролегал в ментально-идейной сфере, нежели в политико-организационной. Тем не менее несколько политических акций «в активе» Системы имелось. К таким акциям можно отнести демонстрации хиппи 1971 г. в Москве, Гродно и Вильнюсе, самосожжение Ромаса Каланты в Каунасе в 1972 г. и последовавшие за этим молодежные волнения. Если первая акция была, по воспоминаниям участников, скорее спровоцирована КГБ, для того чтобы «взять на учет» наиболее активных представителей движения [27], то гродненская и вильнюсская акция были яркими и относительно массовыми акциями молодежного

неповиновения власти. Особняком в этом ряду стоит самоожжение Ромаса Каланты. Во-первых, в отличие от предыдущих акций, оно носило очевидно «силовой», хоть и жертвенный характер, а, во-вторых, было явно антисоветским. По воспоминаниям очевидцев, «он облил себя бензином из трехлитровой банки и чиркнул спичкой. Невдалеке он оставил свою записную книжку с сообщением: “В моей смерти прошу винить исключительно политическую систему”. Его протест против советской оккупации вдохновил город на волнения, которые, впрочем, продолжались недолго – 18 и 19 мая. Восстание студентов и хиппи, благодаря которым улицы Каунаса стали похожими на Латинский квартал в период студенческих волнений в Париже за четыре весны до описываемых событий, получило название «Каунасская весна». Тысячи юношей и девушек вышли на демонстрацию в центр Каунаса, выкрикивая лозунги: «Свободу Литве! Русские, убирайтесь!» [28].

Рис. 6. «Самопожертвование Ромас Каланта “Свободу Литве”» – события в Каунасе получили огласку даже по ту сторону Атлантики. 1972 г. [29]

Весьма нелюбимый образ «Системы» приводит историк, исследователь советского андеграунда И. Смирнов, описывая московскую «солнечную» (по имени неформального лидера по прозвищу Солнце. – А.В.) «Систему»: «Основу общества составляла “система”: художники, поэты, спившиеся интеллектуалы, чуваки с “хаэрами” ниже пояса, направлявшиеся в сторону Вудстока, но ставшие по пути почему-то профессиональными ворами, и очень своеобразные женщины, которых, конечно, можно было бы назвать проститутками, но такое простое определение не отвечало бы многообразию таланта и авторитету, который они имели» [30].

Однако и подобная подчеркнутая, практически криминальная маргинальность, и политическая активность были скорее «крайними» проявлениями феномена советского хиппизма. Как отмечается в «Саге о Системе» правозащитника, активного участника Системы Е. Балакирева, главной отличительной чертой движения служил духовный поиск: «Первоначально Система отличалась большой гибкостью и открытым характером: системные хиппи общались с множеством разных людей. Движение переплеталось с интеллигенцией и богемой, поддерживало отношения с религиозными кругами. Шел постоянный обмен информацией, накопление опыта. Внутри движения активно циркулировала информация, касающаяся духовной проблематики: общие сведения о той или иной доктрине, религиозная и философская литература <...> Духовная отзывчивость Системы никогда не ограничивалась рамками определенной догмы (с равным уважением рассматривались все серьезные религиозные традиции и философские течения, провозглашавшие любовь между людьми)» [31]. Именно в этой среде распространяются книги Карлоса Кастанеды, Ричарда Баха, Хулио Кортасара, трактаты по восточной философии.

Помимо духовного поиска участников отличали особые отношения между собой, основанные на доверии, взаимовыручке, подчеркнутым бесребренничеством, по сути, все те же принципы, что проповедовали их заокеанские собратья. В той же «Саге о Системе»

отмечается: «Декларировалась необходимость любви в любом деле, в любом начинании. Каждый пытался приблизиться к этому идеалу в своей повседневной жизни, в мыслях и поступках. Это означало “неприятие насилия и грубости, готовность помогать другим, стремление к решению конфликтов мирным способом” <...> В любых возможных ситуациях представители движения старались быть открытыми, отзывчивыми – и протягивали руку помощи тогда, когда о ней просили. Это ровное, доброжелательное отношение распространялось на всех окружающих, без исключения»[32].

Рис. 7. «Застопишь “Колхиду” в городе Нарве, не доезжая до Кохтла-Ярве, взгляни на карту, взгляни на карту, сверни на Тарту» («Умка и Броневилок», «Автостопный блюз»). Середина 1970-х гг. [33]

Одним из фактических выражений подобного, хиппистского, образа жизни становится так называемый *автостоп* – путешествие по стране на любом попутном транспорте, – родиной которого, к слову, тоже являются США. Автостоп становится важнейшим средством коммуникации между хиппистскими сообществами в различных городах Советского Союза, способствует расширению географии и вовлечению новых «адептов» в данное сообщество, обмену и распространению информации. Другим выражением становится *тусовка* – «место (как правило, в центре города или на набережной – иногда в каком-нибудь кафе), куда каждый человек, имеющий какие-либо интересы в гуманитарной области, мог свободно прийти. На тусовках можно было получить культурно значимую информацию: это были входные врата андеграунда. В крупных городах они были ежедневными, а в городах поменьше собирались раз в неделю. Главной функцией тусовки был обмен информацией о текущих событиях культурной жизни (в самом широком диапазоне) и новых интеллектуальных веяниях» [34].

Отсутствие четкой организации, широта принципов бытия делает крайне сложной задачей определение «границ» Системы. Поскольку, как мы уже отмечали, далеко не все те, кто причислял себя к Системе, в полной мере соответствовал указанным принципам, и далеко не каждый молодой человек, занимающийся альтернативным духовным поиском, автостопом, участвующий в андеграундном молодежном сообществе, т.е. фактически ведущий образ жизни «советского хиппи», причислял себя к Системе, что позволяет говорить о возникновении на рубеже 1960–1970-х гг. в Советском Союзе развитой молодежной субкультуры, в целом соответствующей принципам американского хиппизма. Советская специфика, конечно, отразилась на характере движения, однако декларировались те же самые идеи, что на Западе (духовный поиск и любовь между людьми; свобода их реализации). Принципиальным отличием советского хиппизма от американского стало отсутствие активного протеста против сложившейся системы общественных отношений. Если американские хиппи декларировали изменение окружающего мира на новых

«гуманных» принципах (что в известной степени стало причиной «поражения» американского протеста), то советский хиппизм создавал собственную реальность в заданной обстановке. Советский молодежный протест носил сугубо пассивный характер, не вступая в прямое противостояние с существующей общественно-политической системой, его участники предпочитали «не участвовать» и «не состоять», нежели активно бороться. Это во многом и предопределило его относительно долгое и активное существование, вплоть до начала 1990-х гг.

В итоге возникает единое поле традиций и связей, некая культурная среда, объединяющая творческих и «ищущих» людей из разных городов с предоставлением шанса практически любому молодому человеку найти свой духовно-творческий путь и реализоваться.

Русский рок и «андеграундная» молодежь СССР. В то же время Система представляла собой лишь одну из ярких сторон, своеобразный «авангард» «андеграундной» молодежи. Другой стороной молодежной «альтернативы» 1970-х гг. становится так называемый «русский рок». Он чрезвычайно тесно связан со средой Системы, но все-таки представляет собой совершенно самостоятельное явление. Именно русский рок впоследствии становится самым ярким и заметным творческим выражением молодежного андеграунда, его языком, выразителем его ценностей. Все-таки Система предполагала для своих членов довольно специфический образ жизни, сложно совместимый с учебой в высшем учебном заведении, работе в любой «приличной» организации, созданием семьи. Но как быть тем, кто, с одной стороны, не мог удовлетворить свои духовные запросы «официальной» эстрадой, а с другой – не собирался порывать с образованием, работой, иными словами, с «нормальным образом жизни». Именно они стали широкой аудиторией русского рока. Именно музыка становится объединяющим звеном этих молодых людей. И А. Бурлака, и А. Троицкий отмечают, что если в середине 1960-х гг. в Москве, Ленинграде, Риге, Таллинне, других крупных городах существовали десятков-другой «любительских» групп, то к рубежу десятилетий их количество исчислялось сотнями [35, 36]. Однако «перепевки» зарубежных кумиров постепенно начали терять свою актуальность и востребованность у аудитории. Во-первых, распространение портативной звукозаписывающей техники сделало возможным тиражирование зарубежных записей в относительно приемлемом качестве, а во-вторых, как отметил А. Макаревич: «Они (Битлз. – Авт.) поют своими словами о собственных проблемах. И я подумал: а почему мы не можем так же? Почему мы должны притворяться кем-то еще, из Калифорнии или из Ливерпуля?» [цит. по: 37]. И именно «Машина времени», первые годы своего существования играя на «сэйшенах» в кафе, студенческих лагерях, становится первой действительно широко популярной группой, поющей свои песни.

Рис. 8. Хиппи на улицах Ленинграда. Середина 1970-х гг. [38]

Так, приехав на молодежный фестиваль «Таллинские песни молодежи – 76», группа с удивлением обнаружила, что их песни в Эстонии хорошо известны. На этом фестивале, проводившемся под эгидой комсомола Эстонии, «Машина времени» заняла первое место. Музыкальные фестивали «любительских» групп – новое веяние эпохи – фактически представляли собой сборные концерты, проводившиеся под эгидой местного комитета комсомола – от республиканского, как на Таллинском фестивале 1976 г., до районного. Заявить об участии в фестивале могла любая группа. Соответственно, никакого реального идеологического контроля над содержанием текстов не проводилось. Как правило, о содержании того или иного текста жюри узнавало либо непосредственно перед концертом, либо уже по факту выступления. Так, А. Троицкий вспоминает, как на песенном фестивале в Свердловске в 1978 г. группа была снята с конкурса за песню «Блюз о безусловном вреде пьянства», в котором есть такие строки:

Мой корабль – творенье тонких рук,
 Мой маршрут – сплошная неудача,
 Но лишь только дунет ветер –
 Все изменится вокруг,
 И глупец, кто думает иначе.
 На любой вопрос готов ответ.
 Жизнь всегда была послушна силе.
 Но никто не верит в то,
 Что на свете ветра нет,
 Даже если ветер запретили.

Группа была обвинена в «пессимизме», «упаднических настроениях», «искажении образа нашего молодого современника» [39]. Впоследствии именно эти обвинения станут самыми распространенными в отношении большинства «подпольных» групп. При этом, как отмечает А. Бурлака, никаких централизованно утвержденных параметров («это можно, а это нельзя») не существовало – решение принимал соответствующий представитель комсомольской организации, исходя из собственного вкуса и видения допустимого [40]. Более того, шансов быть наказанными «за политику» было крайне мало, куда большую опасность для «любительских» групп представляли органы ОБХСС, борющиеся с «нетрудовыми доходами», под которые попадали заработки за нелегальные концерты [41].

В целом же 1970-е гг. характерны некоторым расширением рамок цензуры. С середины 1970-х гг. советская цензура «реабilitирует» творчество Beatles. Так, в фильме Глеба Панфилова «Прошу слова», снятом в 1975 г., про судьбу председателя горисполкома провинциального города Златограда, одной из двух основных песен фильма стала «Ob-La-Di, Ob-La-Da» Beatles, также прозвучали их песни «From Me to You», «She Loves You». А в январе 1976 г. в журнале «Клуб и художественная самодеятельность» была напечатана статья, в которой утверждалось, что «Леннон и Мак-Картни заговорили о горькой судьбе бедняков, ютящихся в тени “общества всеобщего благоденствия”, и о повседневном быте рабочих кварталов индустриального общества, о смертельном холоде одиночества, порождаемого взаимным отчуждением людей, и о бессмысленности существования, не освещенного никаким идеалом или высокой целью. <...> И вместе с тем БИТЛЗ утверждали в своих песнях ценность самоотверженной любви и товарищеской преданности, вдохновляющую силу коллективного единения, стремление к миру и справедливости» [42]. Тем самым творчество Beatles признавалось практически эталоном жанра для советских филармонических ВИА. Однако, что касается «любительских» групп, несмотря на очевидную аполитичность группы, внимание к ее творчеству со стороны цензурных органов было весьма острым.

Однако для участия в фестивалях, проводившихся в разных концах страны, одного желания группы было недостаточно. Были необходимы соответствующие организационно-информационные возможности. И очень быстро вокруг «любительских» групп выстраивается целая инфраструктура по организации концертов, «добыче» и перевозке соответствующей аппаратуры, распространению билетов, оповещению потенциальной аудитории и т.д. (подробнее об этом: [43]). Принципиальным было то, что люди, составлявшие эту инфраструктурную сеть, работали на бескорыстных началах, исповедуя

принцип: «У нас есть искусство, которое мы любим. Давайте объединимся, чтоб оно продолжало существовать» [44]. Более того, в 1977 г. появляется первый самиздатский журнал «Рокси», главным редактором которого становится лидер ленинградского «Аквариума» Б. Гребенщиков.

Что же это было за искусство? Какие идеи и ценности оно выражало? Ответив на эти вопросы, мы можем очертить тот круг проблем, который волновал поклонников «любительских» групп. Рассмотрим некоторые особенно популярные во второй половине 1970-х гг. песни «Машины времени». На первый взгляд, песни группы довольно безобидны. Они не выражают ни яркого нонконформизма, ни уж тем более критики «существующего строя». В основном на социально-этические темы, актуальные практически для любого молодого человека в возрасте от 15 до 20 лет; темы любви, равнодушия, социальной пассивности, лицемерия. При всей незамысловатости этих песен их популярность была обусловлена резким отличием от того, чем была наполнена советская эстрада. Простые, но искренние стихи, положенные на простую мелодию в классической рок-аранжировке резко контрастировали с «героическими», пафосными произведениями советских композиторов либо с произведениями псевдофольклорных ВИА. В первую очередь, диссонанс с официальной эстрадой был очевиден в том, что наиболее популярными в творчестве «Машины времени» становятся песни с ярко выраженным эскапистским настроением, темой «ухода» от общества и неприятия этого общества.

Отражением такого эскапистского миропонимания стала в творчестве «Машины времени» песня «Мой дом», в которой главный герой активному участию в общественной жизни предпочитает уединение «Где-то в лесу дремучем / Или на горной круче» под охраной «восьми больших голодных псов», которые бы «К дому не подпускали / Горе, врагов и дураков»:

Рядом с парадной дверью
Надо вкопать скамейку,
А перед ней тенистый пруд.
Чтобы присев однажды
Мог бы подумать каждый,
Нужен ли он кому-то тут? [45]

Подлинным «гимном» минорных взглядов «альтернативной» молодежи середины 1970-х гг. становится песня «Машины времени» «Флаг над замком»:

Полпути позади и немного осталось,
И себя обмануть будет легче всего.
От ненужных побед остается усталость,
Если завтрашний день не сулит ничего.

И как трудно стерпеть,
И сберечь все цветы,
И сквозь холод и мрак
Поднимать на мачте мечты
Свой единственный флаг [46].

В хит-параде рок-композиций, опубликованном в № 1 за 1978 г., самиздатского журнала «Рокси», посвященного советской рок-музыке, песня «Флаг над замком» с большим отрывом заняла первое место [47]. Третье же место заняла песня группы «Мифы» «Мы одиноки»:

Мы одиноки, и труден наш рейс
К счастью и свету,
Душу и сердце залапали здесь,
Словно монету.
Нас не заметит никто и нигде
В жизненной жиже,
Руку никто не подаст нам в беде,
Кроме таких же [48].

Однако, возможно, самым пронзительным и ярким выражением настроений нонконформистской части советской молодежи стала чрезвычайно популярная песня группы «Воскресенье» «Кто виноват», написанная в конце 1970-х гг. Песня, полная разочарования, усталости и безнадежности:

Кто виноват и в чем секрет,
 Что горя нет и счастья нет,
 Без поражений нет побед,
 И равен счет удач и бед.
 И чья вина, что ты один,
 И жизнь одна, и так длинна,
 И так скучна, а ты все ждешь,
 Что ты когда-нибудь умрешь [49].

Именно к концу 1970-х гг. образовывается окончательный разрыв между определенной частью молодежи и тем, что могла предоставить ей советская реальность в духовном, эстетическом и мировоззренческом плане. Этот разрыв в крайней своей форме выражается в формировании «поколения дворников и сторожей» – молодых людей, предпочитающих общепринятым нормам быта, построения карьеры, участия в обязательных ритуалах советской действительности незатейливую участь дворника, ночного сторожа, разнорабочего, при этом позволяющую им духовно развиваться в выбранном направлении, заниматься творчеством, да и наукой, в конце концов. Ряд примеров такого эскапизма приводит в своей монографии А. Юрчак [50]. И одной из ключевых культурных основ данного разрыва становится рок-музыка.

Рис. 9. Борис Гребенщиков, Михаил «Майк» Науменко. Длинные волосы, «хайратник» (повязка на волосы), клетчатые рубахи, томик стихов Боба Дилана – «классический» образ советского хиппи. Фото Андрея «Вилли» Усова. 1978 г. [51]

Как отметил Б. Гребенщиков, лидер относительно недавно на тот момент появившейся ленинградской группы «Аквариум»: «На наших глазах произошел разрыв. Отцы живут в одном времени, дети в другом. Среда меняется на глазах и, подобно скульптору, ежеминутно меняющему свои намерения, формирует уродов – из тех, кто поддается. Но чтобы изуродовать человека окончательно, нужно время, одним – большее, другим – меньшее. Для тех, кто пел, и для тех, кто слушал, музыка стала защитой от среды. И тех и других становилось всё больше. Рок стал не просто музыкой, а образом жизни. Родилась молодежная субкультура, в крайних своих проявлениях переходящая в контркультуру. За десять лет у отрицающего традиции рока появились свои традиции. Из убежища от среды рок сам стал средой со всеми вытекающими отсюда последствиями» [52].

«Неформатная молодежь» 1970-х: собирательный образ. Что же представлял из себя этот молодой человек или девушка, сформировавшие Систему, ставшие основной аудиторией молодых рок-групп? Кто те, кто стал «неформатной молодежью» в 1970-е гг.? Их собирательный образ будет выглядеть следующим образом. Это молодой человек, сформировавшийся в крупном советском городе – Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, столице союзной республики либо просто в крупном культурном, научном, промышленном центре. Родившийся в «приличной» советской семье – творческой, технической или научной интеллигенции, семье номенклатурных работников¹. Безусловно, помимо хорошего школьного и высшего образования, этот молодой человек получил хорошее домашнее воспитание, привившее ему любовь к искусству и творчеству в целом. Также этот молодой человек знал какой-либо иностранный язык (предпочтительно английский) на довольно хорошем уровне, в крайнем случае обладал навыками чтения со словарем. Иначе он не смог бы ознакомиться ни с текстами зарубежных рок-песен, ни с периодически попадавшей в СССР зарубежной музыкальной периодикой. Иными словами, это молодой человек, получивший богатый культурный багаж, соответствующие ему культурные и духовные запросы, но в силу специфики окружающей его советской действительности, в первую очередь, обусловленной монополией партии и государства на информацию – главный ресурс интеллигентного и интеллектуально богатого человека, не нашедший удовлетворения этим запросам в легальной сфере. И, как уже отмечалось выше, именно духовные запросы противопоставили его окружающей действительности, привели сначала в Систему, а потом в рок-музыку, где он нашел если не все ответы, то хотя бы себе подобных молодых людей. В противном случае, где бы и с кем он мог обсудить поэзию Боба Дилана или древнекитайскую философию Дао, как Гребенщиков [53], или нюансы рок-оперы “Jesus Christ Superstar”, как Майк Науменко [54]. Именно люди такого склада составили костяк протестной молодежной субкультуры. Хотя протест этот был весьма условен, носил характер непротивления, неучастия. Как говорит тот же Гребенщиков, «я готов был всю жизнь вести двойную игру, используя работу и учебу как прикрытие, чтобы не мешали заниматься тем, чем хочу» [55]. Именно в этой «двойной игре», в готовности отказаться от предлагаемых советским обществом гарантированных социальных благ в обмен на активную лояльность ради свободного обмена информацией, занятия музыкой, живописью, в целом творчеством и заключался протест нонконформистской молодежи 1970-х. И именно в рок-музыке, заимствовав ее форму на Западе, но наполнив собственным содержанием, молодежь попыталась выразить настроения, царившие в ее среде.

Выводы

Таким образом, подводя общий итог, мы можем сделать вывод, что в середине 1960-х – начале 1970-х гг. в США, Западной и Восточной Европе и СССР возникли молодежные субкультуры протестного характера. В каждом из этих регионов существовали свои оригинальные предпосылки молодежного протеста. Так, ключевой причиной американского молодежного протеста стала расовая, гендерная и социальная сегрегация, милитаризм, царившие в американском обществе того периода. В Западной Европе протест был спровоцирован сложной социально-экономической ситуацией, проблемами с трудоустройством молодежи, устаревшей системой высшего образования и низким уровнем социальных гарантий. В Восточной Европе, в «соцлагере», протест был вызван как

¹ Так, родителями Андрея Макаревича были Вадим Михайлович, доцент, а затем профессор Московского архитектурного института, и Нина Марковна, доктор наук, научный сотрудник Центрального НИИ туберкулеза. Родителями Бориса Гребенщикова – Борис Александрович, инженер, директор опытного завода Балтийского пароходства и Людмила Харитоновна, юристконсульт Ленинградского дома моделей. Михаил «Майк» Науменко, основатель ленинградской группы «Зоопарк», родился в семье преподавателя Ленинградского инженерно-строительного института и библиотековеда. Стас Намин, основатель одной из первых рок-групп «Цветы», был внуком крупного государственного и партийного деятеля Анастаса Микояна. Отцом Артемия Троицкого был Кива Львович Майданик – журналист-международник, видный советский латиноамериканист, историк и политолог. Этот перечень далеко не полон, но вполне показателен.

реальными социально-экономическими проблемами, так и идеологическим контролем над сферами культуры и образования. В Советском Союзе при отсутствии острых социально-экономических проблем причиной молодежного протеста стало выхолащивание романтических идеалов начала 1960-х гг., строгий идеологический контроль над всеми областями жизни советского человека, узость культурных каналов, невозможность свободной творческой реализации. Также различны были и формы проявления молодежного протеста. Если западная молодежь выбрала активные формы протеста, левые политические позиции, то советская, в силу социальной специфики, выбрала социальный эскапизм «неучастия», принципиальную аполитичность, полуподпольную форму творческой активности.

Однако при всех социально-экономических и политических отличиях и западную, и советскую молодежь объединял один очень важный, принципиальный элемент, позволяющий рассматривать и западный, и советский молодежный протест как специфические части единого феномена. Как на Западе, так и в СССР к протесту молодежь в первую очередь подтолкнули косность, консерватизм и цинизм общественных отношений. Это, соответственно, определило и ценностную идентичность западного и советского молодежного протеста: любовь и искренность в межличностных отношениях, духовную активность, свободу и самодостаточность, стремление к более справедливому мироустройству хотя бы на уровне межличностных отношений. И на Западе, и в СССР особую роль сыграли творческие формы самовыражения. Во многом и западный, и, в первую очередь, советский протест носили не только социальный, но и культурный характер. И на Западе, и в СССР огромным стимулом к отрицанию сложившихся общественных норм послужила жажда духовного поиска.

Однако, в отличие от западного молодежного протеста, который фактически сошел на нет к началу 1970-х гг., советская молодежная протестная субкультура к середине десятилетия окрепла и смогла создать свои, малозависимые от «официальной» действительности формы бытия, сформировав полноценное субкультурное сообщество, весьма прочное и жизнеспособное, оказывавшее значительное влияние на советскую молодежь, непосредственно не включенную в нонконформистскую субкультуру, сумев выразить настроения, присущие поколению 1970-х гг.

Примечания:

1. Leary T. *The Politics of Ecstasy*. Berkeley CA: Ronin Publishing INC., 1998. P. 165.
2. Freeman J. *The Berkeley Free Speech Movement* // *Encyclopedia of American Social Movements*. NY: M.E. Sharpe, 2004. P. 1178–1182.
3. Stone S. *Hippies From A to Z*. Silver City, NM: Hip Inc, 2008. P. 66–68.
4. Friedland M.B. *Lift Up Your Voice Like a Trumpet: White Clergy and the Civil Rights and Antiwar Movements, 1954–1973*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press: 1998. P. 189.
5. *Levitate the Pentagon (1967)*. URL: <http://www.jofreeman.com/photos/Pentagon67.html> (дата обращения: 01.08.2015).
6. Томпсон Х.С. *Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое путешествие в Сердце Американской Мечты* / пер. с англ. А. Керви. М.: АСТ, 2009. С. 126.
7. Йиппи. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yippieflag.gif> (дата обращения: 01.08.2015).
8. Рубин Дж. *Действуй! Сценарии революции* / пер. с англ. О. Озеров. М.: Гилея, 2008. 240 с.
9. *Антология современного анархизма и левого радикализма: в 2 т. Т. 2.* / пер. с англ. С. Кормильцев. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 179–183.
10. Warner Bros. Records. *Billboard*, page 9, 5 December 1970. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grateful_Dead_\(1970\).png](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grateful_Dead_(1970).png) (дата обращения: 01.08.2015).
11. Шварц П. 1968: Всеобщая забастовка и восстание студентов во Франции / Сайт Международного комитета Четвертого Интернационала. URL: <http://www.wsws.org/ru/2009/jan2009/68p1-j13.shtml> (дата обращения: 01.08.2015).
12. Шварц П. 1968: Всеобщая забастовка и восстание студентов во Франции.
13. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_F._Kennedy (дата обращения: 01.08.2015).
14. Николич М. 1968: студенческий протест в Югославии // *Научно-просветительский журнал «Скепсис»*, электронная версия. URL: http://scepsis.net/library/id_1420.html (дата обращения: 01.08.2015).
15. *Забастовка*. URL: <http://www.webpark.ru/comment/35345> (дата обращения: 01.08.2015).

16. Троицкий А.К. Back in the USSR. СПб.: Амфора, 2007. С. 41.
17. Бурлака А.П. Интервью автору. 31.07.2015.
18. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015. 484 с.
19. Марголис М.М. Затяжной поворот: История группы «Машина времени». М.: Амфора, 2009. 19 с.
20. Марголис М.М. Затяжной поворот: История группы «Машина времени»... С. 20.
21. Бурлака А.П. Интервью автору...
22. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
23. Макаревич А.В. Сам овца: Автобиографическая проза. М.: Захаров, 2002. С. 39.
24. Боровик Г.А. Хождение в страну Хипплиндию // Вокруг света. 1968. № 9. С. 25–31, 68.
25. Архив автора.
26. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. С. 36.
27. Во всём прошу винить «Битлз». Док. фильм. Реж. и авт. сценария: Капитановский М.В., Завильгельский Д.Г. Россия, 2004.
28. Трачевскис Рокас М. Литва: Тайна Каунаса. URL: <http://www.hippy.ru/romaskalanta.html> (дата обращения: 30.10.2015).
29. URL: <http://www.15min.lt/en/article/culture-society/remembering-romas-kalanta-the-flaming-herald-of-freedom-528-218427> (дата обращения: 30.10.2015).
30. Смирнов И.В. Время Колокольчиков — жизнь и смерть русского рока. URL: <http://www.hippy.ru/text/vrko/pg11.html> (дата обращения: 30.10.2015).
31. Балакирев Е. Сага о Системе. URL: <http://www.hippy.ru/saga.html> (дата обращения: 30.10.2015).
32. Балакирев Е. Сага о Системе...
33. URL: <http://namedni-60e-90e.livejournal.com/503958.html> (дата обращения: 30.10.2015).
34. Балакирев Е. Сага о Системе...
35. Бурлака А.П. Рок-энциклопедия: популярная музыка в Ленинграде-Петербурге. 1965–2005. Т. 1. СПб.: Амфора, 2007. С. 9.
36. Троицкий А.К. Back in the USSR...
37. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 47.
38. URL: <http://namedni-60e-90e.livejournal.com/503958.html> (дата обращения: 30.10.2015).
39. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 59.
40. Бурлака А.П. Интервью автору. 27.08.2015.
41. Бурлака А.П. Интервью автору. 27.08.2015.
42. Переверзев Л.Б. Феномен БИТЛЗ – взгляд из 1976-го // Клуб и художественная самодеятельность. 1976. № 1. Январь, С. 34–36.
43. Смирнов И.В. Время колокольчиков. Жизнь и смерть русского рока. М.: ИНТО, 1994. 264 с.
44. Смирнов И.В. Прекрасный дилетант. Борис Гребенщиков в новейшей истории России. М.: ЛЕАН, 1999. С. 101.
45. Машина времени. Наш дом. URL: Megalyrics <http://www.megalyrics.ru/lyric/mashina-vremieni/nash-dom.htm> (дата обращения: 25.12.2015).
46. Машина времени. Флаг над замком. URL: Megalyrics <http://megalyrics.ru/lyric/mashina-vremieni/flagh-nad-zamkom.htm> (дата обращения: 25.12.2015).
47. Ленгортон – 1977 (сентябрь) // Рокси. 1978. № 1. URL: Золотое подполье. <http://golden-under.narod.ru/гоху/гоху1.htm> (дата обращения: 25.12.2015).
48. Мифы. Мы одиноки. URL: Lyricshare. Коллекция текстов песен. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/mifyi/myi-odinoki.html> (дата обращения: 25.12.2015).
49. Воскресенье. Кто виноват. URL: Lyricshare. Коллекция текстов песен. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/voskriesieniie/kto-vinovat.htm> (дата доступа: 25.12.2015).
50. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение... С. 255–310.
51. Андрей «Вилли» Усов. URL: <http://www.mike-zoo.kiev.ua/hist/foto/21.htm> (дата доступа: 25.12.2015)
52. Гребенщиков Б.Б. О врубе // Рокси. 1978 № 1. URL: Золотое подполье. <http://golden-under.narod.ru/гоху/гоху1.htm> (дата обращения: 25.12.2015).
53. Гребенщиков Б.Б. Ничто никуда не движется. Гуру прячутся где-то рядом // Огонек. № 35. 02.09.2001. С. 14.
54. Смирнов И.В. Прекрасный дилетант С. 58.
55. Гребенщиков Б.Б. Ничто никуда не движется. Гуру прячутся где-то рядом.

References:

1. Leary T. The Politics of Ecstasy. Berkeley CA: Ronin Publishing INC., 1998. P. 165.
2. Freeman J. The Berkeley Free Speech Movement // Encyclopedia of American Social Movements. NY: M.E. Sharpe, 2004. P. 1178–1182.
3. Stone S. Hippies From A to Z. Silver City, NM: Hip Inc, 2008. P. 66–68.
4. Friedland M.B. Lift Up Your Voice Like a Trumpet: White Clergy and the Civil Rights and Antiwar Movements, 1954–1973. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press: 1998. P. 189.
5. Levitate the Pentagon (1967). URL: <http://www.jofreeman.com/photos/Pentagon67.html> (data obrascheniya: 01.08.2015).
6. Thompson H.S. Strakh i otvraschenie v Las-Vegase: Dikoe puteshestvie v Serdtse Amerikanskoy Mechty [Fear and loathing in Las Vegas: A savage journey to the heart of the American dream] / per. s angl. A. Kervi. M.: AST, 2009. S. 126.
7. Yippi. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yippieflag.gif> (data obrascheniya: 01.08.2015).
8. Rubin G. Deystvuy! Stsenarii revolyutsii [Do it! Scenarios of the Revolution] / per. s angl. O. Ozerov. M.: Gileya, 2008. 240 s.
9. Antologiya sovremennogo anarkhizma i levogo radikalizma [Antology of the modern Anarchism and Left Radicalism]: v 2 t. T. 2. / per. s angl. S. Kormiltsev. M.: Ultra. Kultura, 2003. S. 179–183.
10. Warner Bros. Records. Billboard, page 9, 5 December 1970. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grateful_Dead_\(1970\).png](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grateful_Dead_(1970).png) (data obrascheniya: 01.08.2015).
11. Shvarts P. 1968: Vseobschaya zabastovka i vosstanie studentov vo Frantsii [The general strike and rebellion of students in France] / Sayt Mezhdunarodnogo komiteta Chetvertogo Internatsionala. URL: <http://www.wsws.org/ru/2009/jan2009/68p1-j13.shtml> (data obrascheniya: 01.08.2015).
12. Shvarts P. 1968: Vseobschaya zabastovka i vosstanie studentov vo Frantsii [The general strike and rebellion of students in France]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_F._Kennedy (data obrascheniya: 01.08.2015).
14. Nikolich M. 1968: studencheskiy protest v Yugoslavii [1968: The student protest in Yugoslavia] // Nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal "Skepsis", elektronnyaya versiya. URL: http://scepsis.net/library/id_1420.html (data obrascheniya: 01.08.2015).
15. Zabastovka. URL: <http://www.webpark.ru/comment/35345> (data obrascheniya: 01.08.2015).
16. Troitskiy A.K. Back in the USSR. SPb.: Amfora, 2007. S. 41.
17. Burlaka A.P. Intervyu avtoru [Interview with the author]. 31.07.2015.
18. Leбина N.B. Povsednevnyy zhiznnyy kosmos i kukuruzy: Destruktsiya bolshogo stilya: Leningrad, 1950–1960-e gody [The daily life of the epoch of cosmos and corn: Destruction of the big style: Leningrad, 1950–1960s]. SPb.: Kriga; Pobeda, 2015. 484 s.
19. Margolis M.M. Zatyazhnoy povorot: Istoriya gruppy "Mashina vremeni" [Lingering turn: History of the group "Time machine"]. M.: Amfora, 2009. 19 s.
20. Margolis M.M. Zatyazhnoy povorot: Istoriya gruppy "Mashina vremeni" [Lingering turn: History of the group "Time machine"]. S. 20.
21. Burlaka A.P. Intervyu avtoru [Interview with the author].
22. Yurchak A.V. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it has ended. The last Soviet generation]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 664 s.
23. Makarevich A.V. Sam ovtsa: Avtobiograficheskaya proza [The seep herself: Autobiographical prose]. M.: Zakharov, 2002. S. 39.
24. Borovik G.A. Khozhdenie v stranu Khippylandiyu [Walking to the country of Hippland] // Vokrug sveta. 1968. № 9. S. 25–31, 68.
25. Arkhiv avtora [Author's archive].
26. Schepanskaya T.B. Sistema: teksty i traditsii subkultury [The system: subcultural texts and traditions]. M.: OGI, 2004. S. 36.
27. Vo vsem proshu vinit "Bitlz". Dok. film [I ask to blame *Beatles* for all the things. Documentary]. Rezh. i avt. stsenariya: Kapitanovskiy M.V., Zavilgelskiy D.G. Rossiya, 2004.
28. Trachevskis Rokas M. Litva: Tayna Kaunasa [Lithuania: the mystery of Kaunas]. URL: <http://www.hippy.ru/romaskalanta.html> (data obrascheniya: 30.10.2015).
29. URL: <http://www.15min.lt/en/article/culture-society/remembering-romas-kalanta-the-flaming-herald-of-freedom-528-218427> (data obrascheniya: 30.10.2015).
30. Smirnov I.V. Vremya Kolokolchikov — zhizn i smert russkogo roka [Time of the bells: life and death of the Russian Rock Music]. URL: <http://www.hippy.ru/text/vrko/pg11.html> (data obrascheniya: 30.10.2015).
31. Balakirev E. Saga o Sisteme [Sage on the System]. URL: <http://www.hippy.ru/saga.html> (data obrascheniya: 30.10.2015).
32. Balakirev E. Saga o Sisteme [Sage on the System].

33. URL: <http://namedni-60e-90e.livejournal.com/503958.html> (data obrascheniya: 30.10.2015).
34. Balakirev E. Saga o Sisteme [Saga on the System].
35. Burlaka A.P. Rok-entsiklopediya: populyarnaya muzyka v Leningrade-Peterburge. 1965–2005. [The Rock Encyclopedia: Popular music in Leningrad–Petersburg. 1965–2005]. T. 1. SPb.: Amfora, 2007. S. 9.
36. Troitskiy A.K. Back in the USSR...
37. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 47.
38. URL: <http://namedni-60e-90e.livejournal.com/503958.html> (data obrascheniya: 30.10.2015).
39. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 59.
40. Burlaka A.P. Intervyu avtoru. [Interview with the author]. 27.08.2015.
41. Burlaka A.P. Intervyu avtoru. [Interview with the author]. 27.08.2015.
42. Pereverzev L.B. Fenomen BITLZ – vzglyad iz 1976-go [The phenomenon of *Beatles*: view from the 1976] // Klub i khudozhestvennaya samodeyatelnost. 1976. № 1. Yanvar, S. 34–36.
43. Smirnov I.V. Vremya kolokolchikov. Zhizn i smert russkogo roka [Time of the bells: life and death of the Russian Rock Music]. M.: INTO, 1994. 264 s.
44. Smirnov I.V. Prekrasnyy diletant. Boris Grebenshikov v noveyshey istorii Rossii [The beautiful diletant. Boris Grebenshikov in the contemporary history of Russia]. M.: LEAN, 1999. S. 101.
45. Mashina vremeni. Nash dom [Our home]. URL: Megalyrics <http://www.megalyrics.ru/lyric/mashina-vriemieni/nash-dom.htm> (data obrascheniya: 25.12.2015).
46. Mashina vremeni. Flag nad zamkom. [Time machine. The banner over the castle]. URL: Megalyrics <http://megalyrics.ru/lyric/mashina-vriemieni/flagh-nad-zamkom.htm> (data obrascheniya: 25.12.2015).
47. Lengortop – 1977 (sentyabr) [Lengortop – 1977 (September)] // Roksi. 1978. № 1. URL: Zolotoe podpol'e. <http://golden-under.narod.ru/roxy/roxy1.htm> (data obrascheniya: 25.12.2015).
48. Mify. My odinoki [Myths. We are alone]. URL: Lyricshare. Kolleksiya tekstov pesen. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/mifyi/myi-odinoki.html> (data obrascheniya: 25.12.2015).
49. Voskresenye. Kto vinovat [Sunday. Who is guilty]. URL: Lyricshare. Kolleksiya tekstov pesen. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/voskriesieniie/kto-vinovat.htm> (data dostupa: 25.12.2015).
50. Yurchak A.V. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie. [It was forever, until it has ended. The last Soviet generation]. S. 255–310.
51. Andrey “Villi” Usov. URL: <http://www.mike-zoo.kiev.ua/hist/foto/21.htm> (data dostupa: 25.12.2015)
52. Grebenshikov B.B. O vrube [On the kerf] // Roksi. 1978 № 1. URL: Zolotoe podpol'e. <http://golden-under.narod.ru/roxy/roxy1.htm> (data obrascheniya: 25.12.2015).
53. Grebenshikov B.B. Nichto nikuda ne dvizhetsya. Guru pryachutsya gde-to ryadom [Nothing moves nowhere. Guru is hiding somewhere nearby] // Ogonek. №35. 02.09.2001. S. 14.
54. Smirnov I.V. Prekrasnyy diletant. [The beautiful diletant]. S. 58.
55. Grebenshikov B.B. Nichto nikuda ne dvizhetsya. Guru pryachutsya gde-to ryadom [Nothing moves nowhere. Guru is hiding somewhere nearby].

UDC 78(470)

**Советская молодежная нонконформистская субкультура в контексте
международного молодежного движения протеста (конец 1960-х – 1970-е гг.)**

Александр Андреевич Венков

Независимый исследователь, Российская Федерация
344025, Ростов-на-Дону, улица 36-я линия, 36
Кандидат исторических наук
venkov_alex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины и формы молодежного протеста, прокатившегося по США и ряду стран Европы во второй половине 1960-х гг. Также выявляется степень его влияния на возникновение в СССР в конце 1960–1970-х гг. нонконформистской молодежной субкультуры, анализируются общие и различные черты молодежных субкультур Советского Союза и зарубежья.

Ключевые слова: 1968 год, автостоп, молодежный протест, нонконформизм, рок-музыка, Система, советская молодежь, хиппи.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 61–68, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.61
www.ejournal15.com

Reviews and Surveys

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)

The Significance of Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War

Evgeny F. Krinko

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract. The all-Russian scientific conference “The Significance of Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War” took place at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences on June 3–6, 2016. 120 specialists from different research centers took part in the conference. The participants debated the large circle of the problems relating to the military operations in the South of the country, which made it possible to eliminate some lacunae and “blank spots” in the historiography, contributing to the creation of the integral image of the wartime events.

Keywords: Great Patriotic War, historiography, military operations, South of Russia.

С 3 по 6 июня 2016 г. в Южном научном центре РАН в Ростове-на-Дону при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда прошла Всероссийская научная конференция «Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне». Проведение конференции определялось широким профессиональным и общественным интересом к истории Великой Отечественной войны в целом и боевым действиям на ее отдельных фронтах в частности. Тематика и географические рамки были обоснованы той важной ролью, которую сыграли сражения на юге России в 1941–1943 гг. в общем ходе войны. Именно под Ростовом-на-Дону в 1941 г. была одержана первая крупная победа Красной армии с начала войны. Однако за ней последовали тяжелые поражения весны-лета 1942 г., прорыв войск вермахта на южном фланге, который удалось остановить только на Волге и Кавказе. Победы Красной армии в конце 1942–1943 гг. под Орджоникидзе и Туапсе, Сталинградом и Курском, прорыв Миус-фронта и «Голубой линии», освобождение Дона, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Приазовья, Донбасса сыграли важнейшую роль в коренном переломе в ходе войны, заложив основы советской победы в целом. Судьба всей Великой Отечественной войны в значительной мере решалась именно в ходе кровопролитного советско-германского

противостояния на юге в 1941–1943 гг. Однако в историографии долгое время недооценивалась значимость данных сражений, не учитывалась их специфика. Малоизвестные и дискуссионные аспекты в их изучении сохраняются до сих пор.

Основные научные направления работы конференции лежали в русле современных исследовательских подходов, связанных с переосмыслением спорных вопросов истории Великой Отечественной войны на основе широкого комплекса источников официального и личного происхождения, возвращением «человеческого измерения» в изучении военных событий, междисциплинарностью. Дополнительное значение придавало то, что конференция прошла в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, отмеченный проведением целого ряда научных и общественно значимых мероприятий, заняв среди них свое место.

Всего в конференции приняли участие 120 научных сотрудников и преподавателей, сотрудников музеев и архивов, краеведов, аспирантов и студентов (в том числе 28 молодых ученых) из Москвы, Ростова-на-Дону, Волгограда, Краснодара, Ставрополя, Грозного, Нальчика, Элисты, Карачаевска, Севастополя, Феодосии, Сыктывкара, Магнитогорска, Твери, Челябинска, а также Донецка, Харькова, Луганска, Кривого Рога и других научных центров. В конференции также участвовали представители органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, ветераны Великой Отечественной войны и Вооруженных сил, журналисты.

Пленарное заседание конференции 4 июня открыл председатель оргкомитета академик Г.Г. Матишов (ЮНЦ РАН). Затем участников конференции приветствовали ветераны Великой Отечественной войны, непосредственные участники боевых действий на юге России в 1942–1943 гг. – генерал-майор юстиции в отставке А.М. Худоерко, прошедший боевой путь в рядах 5-го гвардейского Донского кавалерийского казачьего корпуса от Северного Кавказа до Австрии, участник боев на Миус-фронте и в Крыму, председатель Ростовского городского клуба ветеранов и молодежи «Патриот», подполковник в отставке Г.Г. Никаноров. С приветственным словом к участникам также обратился председатель Ростовской областной организации Российского союза ветеранов генерал-майор В.Н. Чернобылов. Он вручил академику Г.Г. Матишову, д.и.н. Е.Ф. Кринко (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН) и В.И. Афанасенко (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) памятные медали Российского союза ветеранов, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, за вклад в изучение ее истории.

Научная часть пленарного заседания началась докладом академика Г.Г. Матишова «Долгий путь к Победе: роль сражений 1941–1943 гг. на юге России в Великой Отечественной войне». Автор охарактеризовал особую роль южного фланга советско-германского противостояния в боевых операциях Великой Отечественной и Второй мировой войн, остановившись на специфике боев на Кавказе, под Сталинградом и на Миус-фронте. Г.Г. Матишов обосновал, что именно в сражениях 1942–1943 гг. на юге страны советские войска перешли от стратегической обороны к стратегическому наступлению. Кровопролитные бои, сопровождавшиеся «перемальванием» целых армий, шли в рассматриваемый период на всех направлениях советско-германского фронта. Однако коренной перелом в войне произошел именно на юге, где у советских войск появился опыт крупных победоносных сражений, в которых развивалось и совершенствовалось советское оперативно-тактическое и стратегическое искусство. Докладчик также связал события прошлого с современной политической ситуацией, подчеркнув, что линии фронтов современной гражданской войны на Украине фактически прошли по местам боев 1941–1943 гг. на Миус-фронте.

Следующий доклад представил генерал-майор авиации в отставке, заслуженный военный летчик СССР В.В. Гришин (Союз ветеранов войны и военной службы 4-й воздушной армии ВВС и ПВО). Он охарактеризовал действия авиации Южного фронта при обороне и первом освобождении Ростова-на-Дону в 1941 г., 4-й воздушной армии при обороне Ростова-на-Дону, в битве за Кавказ и в воздушном сражении на Кубани в 1942–1943 гг., 8-й воздушной армии в Сталинградской битве, освобождении Ростова-на-Дону и в операции на Миус-фронте в 1942–1943 гг. А несовершеннолетний узник фашизма Е.В. Моисеев рассказал участникам конференции о своей собственной нелегкой судьбе – будучи подростком, он участвовал в сопротивлении захватчикам во время оккупации

Ростова-на-Дону, а затем прошел через нацистские концентрационные лагеря, в том числе, через Штуттгоф и Маутхаузен.

Роли природного фактора в боевых операциях на юге страны в 1941–1943 гг. был посвящен доклад Е.Ф. Кринко. Он охарактеризовал влияние особенностей рельефа Дона, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа на ход военных кампаний, негативное воздействие разлива рек на состояние советских оборонительных рубежей, сложность действий военнослужащих Красной армии и вермахта в условиях зимних и летних погодных условий. Доклад о пропагандистском обеспечении Победы представила д.и.н. Н.К. Петрова (Институт российской истории РАН). Она охарактеризовала деятельность Совинформбюро и входящих в его состав Всеславянского комитета, Антифашистского комитета советских женщин, Антифашистского комитета советской молодежи, Антифашистского комитета советских ученых и Еврейского антифашистского комитета в 1941–1945 гг. Д.и.н. А.В. Броварь (Донецкий национальный университет) рассмотрел формы и методы диверсионной работы партизан Донбасса в годы Великой Отечественной войны. Он выделил два этапа в развитии партизанского движения на Донбассе. На первом этапе (ноябрь 1941 – июнь 1942 гг.) партизанские формирования проводили диверсионные операции в прифронтовой полосе, а тактика их проведения определялась во многом случайными сопутствующими факторами. На втором этапе (июль 1942 – август 1943 гг.) диверсионные операции проводились под общим централизованным руководством, в глубоком тылу противника, на железнодорожных и шоссе коммуникациях, отличались масштабностью и эффективностью. Большой интерес участников вызвал доклад д.и.н. И.Б. Орлова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), посвященный пропаганде на освобожденных территориях РСФСР. Автор подчеркнул, что органы пропаганды осознавали негативный эффект от немецкой оккупации, однако в условиях недостатка ресурсов пропагандистская работа принимала характер периодических кампаний. Совместный доклад «“Мандалада” 1943 г.: к вопросу об антисоветских движениях в национальных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны», затрагивающий одну из «болевых точек» историографии, представили д.и.н. И.Л. Жеребцов и к.и.н. М.В. Таскаев (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН). Доклад д.и.н. К.Н. Максимова (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН) был посвящен Зимовниковскому сражению, состоявшемуся зимой 1942–1943 гг. Повседневные практики и стратегии выживания беженцев Великой Отечественной войны проанализировала д.и.н. М.Н. Потемкина (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова). По ее мнению, различные типы стратегий могли сочетаться между собой: одни носили основной, другие – вспомогательный характер.

К.и.н. А.Ю. Безугольный (Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации) выступил с докладом «“Резервов фронт не имел...”: планирование и организация обороны советских войск на Нижнем Дону летом 1942 г.». Он показал в нем всю сложность военно-оперативной обстановки для советского командования вследствие прорыва войск противника к Дону, попытки задержать его продвижение на Северный Кавказ. А д.и.н. У.Б. Очиров (КИГИ РАН) обратился к боевым действиям на астраханском направлении, сравнительно недавно ставшим предметом специального изучения исследователей. Он рассмотрел бои на «позиции Калькутта»: три штурма Хулхуты советскими войсками осенью 1942 г. Совместный доклад о вкладе в оборону Кавказа в 1942–1943 гг. защитников Грозного, которому в 2015 г. было присвоено почетное звание Города воинской славы, представили д.и.н. Мовсур М. Ибрагимов и к.и.н. И.З. Хатуев (Чеченский государственный университет). Авторы отметили, что за участие в обороне столицы Чечено-Ингушской АССР в 1942 г. и ратные подвиги на подступах к ней более 80 тысяч грозненцев были награждены медалями «За оборону Кавказа». В докладе к.и.н. И.В. Киселева (Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (филиал г. Краснодар)) рассматривались наступательные операции советских войск на Кубани в январе–феврале 1943 г. Он пришел к выводу, что противнику удалось избежать в них полного поражения и отвести свои основные силы на Таманский полуостров. Советский замысел окружения и разгрома группировки немецко-румынских войск, воплотившийся в нескольких вариантах

наступательных операций, так и не был реализован, что не позволило достичь полного освобождения территории Краснодарского края. Завершило пленарное заседание выступление В.И. Афанасенко, который обосновал соотношение потерь РККА и вермахта в боях на юге России в 1942–1943 гг. Проанализировав данные по отдельным стратегическим операциям, он пришел к выводу, что советские потери в два раза превысили потери противника в этих боях.

Во второй день конференции состоялось шесть секционных заседаний. Первая секция была посвящена новым подходам и оценкам в изучении сражений на юге России в 1941–1943 гг. М.В. Медведев (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) остановился в своем выступлении на таком ранее малоизвестном эпизоде летней кампании 1942 г., как июльские бои на донских переправах. Эту тему конкретизировал Н.Н. Апанасенко (Аксайский военно-исторический музей) на примере судьбы аксайской переправы в 1941–1942 гг. А.Ю. Кудряков (поисковое объединение «Миус-Фронт» / ИСЭГИ ЮНЦ РАН) проанализировал бои за Ростов в июле 1942 г. на основе неизвестного прежде для российских исследователей источника – книги воспоминаний офицера вермахта В. Зандера. Еланскому плацдарму на правом берегу Дона, удерживавшемуся советскими войсками четыре месяца, с августа по ноябрь 1942 г., несмотря на атаки противника и затем сыгравшему важную роль в сталинградском контрнаступлении, был посвящен доклад В.К. Щербанова (Ростовское региональное отделение «Поискового движения России»). Бои за данный плацдарм и общую ситуацию в северных районах Ростовской области в 1942 г. охарактеризовал д.и.н. А.В. Венков (ЮНЦ РАН). В.Б. Ушаков (Ростовский областной музей краеведения) раскрыл особенности проведения операции «Зимняя гроза» и роль 4-го механизированного корпуса в отражении деблокирующего удара вермахта на сталинградском направлении 13–23 декабря 1942 г. Совместный доклад А.Н. Заблотского (Историко-культурный центр ПАО «Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева») и Р.И. Ларинцева (ПО Севмашпредприятие, г. Северодвинск) был посвящен минной войне на Азовском море в 1943 г. Д.и.н. В.П. Трут (Южный федеральный университет) рассказал об участии донских казачьих частей в боях на юге страны в 1942 г. А Д.Н. Санин (Егорлыкский историко-краеведческий музей) продолжил поднятую тему на материалах участия егорлыкских казаков в боевых действиях в составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса в 1941–1945 гг. Анализируя участие подразделений «Бранденбург-800» в боевых действиях на юге России в 1941–1943 гг., к.пол.н. В.С. Семенов (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) пришел к выводу о том, что их роль сильно преувеличена. Наиболее успешные операции «бранденбуржцы» осуществляли там, где удавалось использовать эффект неожиданности, где были ослаблены дисциплина и управление советскими войсками. Но после преодоления первоначального шока эффективность боевых мероприятий «бранденбуржцев» заметно снизилась.

На второй секции рассматривался широкий спектр вопросов о вкладе советского тыла и союзников по антигитлеровской коалиции в достижение Победы. Необычный взгляд на общеизвестные, казалось бы, явления, в своем докладе «“Невоюющая” сфера Второй мировой войны: ленд-лиз как становление логистики» обосновал С.А. Шпагин (гимназия «Ор Авнер» («Свет знаний»)/ Российский научно-просветительный центр «Холокост»). К.и.н. Т.В. Лохова (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) представила доклад «“Все для фронта! Все для Победы!”: всенародная помощь сельского населения Краснодарского края и Адыгейской автономной области». Д.и.н. Н.Д. Судавцов (Северо-Кавказский федеральный университет) раскрыл вклад медицинских работников Кавказских Минеральных Вод в победу над германским фашизмом. О.И. Столбовская (Матвеево-Курганская средняя общеобразовательная школа № 1) красноречиво назвала свой доклад, посвященный итогам освобождения от оккупации поселка Матвеево-Курган Ростовской области, «После освобождения осталось пепелище...». А д.и.н. С.И. Линец (Пятигорский государственный лингвистический университет) проанализировал процессы возрождения промышленности Кабардино-Балкарии и Ставрополья в 1943–1945 гг. Ю.В. Рудик (Ростовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское кадетское братство») остановился на деятельности ростовских специальных школ в годы Великой Отечественной войны.

На третьей секции рассматривались вопросы повседневности и массового сознания в условиях военного времени. Доклад Т.Ю. Власкиной (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) основывался на впервые вводимых в научный оборот дневниковых записях лейтенанта Ревина, одного из командиров 2-й ударной армии, судьба которой, вследствие перехода ее командующего генерал-лейтенанта А.А. Власова на сторону противника, на долгое время фактически была табуирована. К.и.н. А.В. Шадрин (ЮНЦ РАН) рассмотрела состав и деятельность священнослужителей Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. К.и.н. С.С. Белоусов (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) раскрыл негативное влияние Великой Отечественной войны на поселенческую сеть Калмыкии. Д.и.н. Муса М. Ибрагимов (Комплексный научно-исследовательский институт РАН / Академия наук Чеченской Республики) говорил о трагических процессах ликвидации Чечено-Ингушской АССР и трудностях освоения ее территории новыми поселенцами в период Великой Отечественной войны. К.и.н. В.А. Агеева (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)) проанализировала практики использования свободного времени учащейся молодежью в годы Великой Отечественной войны. С совместным докладом «Однажды небо стало алым...» (Великая Отечественная война в воспоминаниях семьи У) выступили к.и.н. М.И. Гуров и Т.С. Степанова (ТИ им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)). К.и.н. С.М. Сивков (Южный институт менеджмента) говорил о формировании представлений «детей» войны об авиации, используя в качестве главного источника воспоминания своей матери. М.П. Мерзляков (Раздорский этнографический музей-заповедник) представил доклад «Право личной собственности в период Великой Отечественной войны и защита домашнего хозяйства от произвола фашистских оккупантов». Аспирант С.В. Мартынова (ЮФУ / РОМК) охарактеризовала образ врага в контексте народных знаний казаков-некрасовцев на фольклорных материалах периода Великой Отечественной войны.

На четвертой секции обсуждались трагические вопросы оккупации и сопротивления захватчикам на юге России. Основную часть представленных докладов можно разделить на два блока. Первый охватывал различные направления оккупационной политики на юге страны. Авторы представленных докладов анализировали религиозную, финансовую, экономическую, налоговую политику нацистов, а также террор захватчиков на оккупированной территории Дона и Кубани. Так, к.и.н. Л.В. Табунщикова (ЮФУ) раскрыла особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации. Т.Г. Курбат (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) охарактеризовала экономическую, финансовую и налоговую политику оккупантов в Таганроге. В.Н. Ракша (Ростовская еврейская религиозная община) посвятил свой доклад гибели евреев Ростова-на-Дону в 1942–1943 гг. Тему репрессий оккупантов против мирных советских граждан продолжил д.и.н., д.филос.н. А.П. Скорик (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова). Его доклад был посвящен карательной политике оккупантов на территории Милютинского и Селивановского районов Ростовской области в 1942 г. Второй блок составили доклады о народном сопротивлении захватчикам. Среди них доклад А.П. Стасюка (Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов «Патриот»), в котором он обратился к вопросам истории, пожалуй, самой известной молодежной антифашистской группы «Молодая гвардия»: подвиг, трагедия и фарс». Д.и.н. С.В. Януш (Ставропольский государственный аграрный университет) выступил с докладом более общего характера «О вопросах сопротивления в период немецко-фашистской оккупации Северного Кавказа». А к.б.н. О.В. Степаньян (ЮНЦ РАН), напротив, с более локальным сюжетом, рассмотрел на примере членов собственной семьи участие армян Дона в партизанской борьбе в Ростове-на-Дону в 1942–1943 гг.

На пятой секции выступали докладчики, темы выступлений которых касались отражения событий Великой Отечественной войны в исторической памяти населения юга России и сопредельных стран. И.О. Омелянюк (Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области) раскрыла проблемы установления сведений о советских военнослужащих, захороненных в братских могилах и находившихся в плену в годы Великой Отечественной войны. Л.В. Левендорская (Центр документации новейшей истории Ростовской области) рассмотрела историю Великой Отечественной войны сквозь призму судьбы одной семьи, опираясь на документы личного происхождения И.В. Шамарова.

О.В. Валуйскова (ЦДНИРО) проанализировала опыт работы архива по сохранению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и ее участниках. Д.и.н. Н.В. Киселева (Ростовский филиал Российской таможенной академии) рассказала о подготовке совместно с ЦДНИРО научно-популярного издания «Школьные годы, войной опаленные». Совместный доклад представили к.х.н. Н.Г. Судоргин (Региональная общественная организация по сохранению историко-культурного наследия Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры) и к.пед.н. И.В. Кедрова (Донской государственный технический университет). Он касался отражения сражения за Ростов периода Великой Отечественной войны в кино- и фотодокументах. Г.Ф. Вершинин (Совет ветеранов первичной организации ОАО «Таганрогский НИИ связи» Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов) рассказал об опыте работы своего совета по сбережению памяти о войне. Яркий доклад с видео- и аудиомузыкальным сопровождением представил В.И. Чуцков (Росвоенцентр при Правительстве Российской Федерации по патриотическому воспитанию граждан в Ростовской области, Ростовский духовно-патриотический центр). На основе собственного опыта он говорил о сохранении памяти о ратном подвиге народа в годы Великой Отечественной войны и методике практической работы по военно-патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации. И.В. Гаркуша (Таганрогский военно-исторический музей) остановился на роли музея в сохранении памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Значительная часть докладов на секции молодых ученых была основана на собственном, пусть и небольшом опыте сбора и анализа устных источников авторами. Это доклады К.В. Михайлец («Выжить значило победить...»: таганрогские дети войны», К.П. Минаевой «Судьба женщины в военном лихолетье 1941–1945 гг.: практика устной истории», С.В. Агарковой «Семейная традиция устного рассказа о Великой Отечественной войне», А.Н. Самойленко «Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в моей семье», В.М. Коптева «Рядовые судьбы в нерядовое время: практика устной истории о Великой Отечественной войне», Н.Н. Спасивцевой «Моя семья помнит о традициях празднования Дня Великой Победы», совместный доклад Ю.И. Шеверевой и М.С. Якимца «“Мне дороги эти позабыть нельзя...” (воспоминания очевидцев Великой Отечественной войны)» (все – ТИ им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)). На секции также выступили Е.М. Гриценко – об отражении событий Великой Отечественной войны в плакатах, К.А. Зеленский (оба – ТИ им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)) – об истории таганрогского подполья и др.

Завершающим мероприятием конференции стал круглый стол, участники которого высказались о проблемах изучения сражений 1941–1943 гг. на юге России, их роли в Победе в Великой Отечественной войне, других вопросов, поднятых в докладах и научных дискуссиях. После круглого стола состоялось официально закрытие конференции.

Культурная программа конференции включала посещение музейных залов и экспозиций, посвященных Великой Отечественной войне, в Ростовском областном музее краеведения, Музее казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН (село Кагальник Азовского района Ростовской области). Непосредственно в ЮНЦ РАН во время конференции также проходила выставка работ молодых ростовских художников, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Проведенная конференция имела высокую научную и общественную значимость, позволив не только достичь новых научных знаний о Великой Отечественной войне, но и привлечь к ним внимание органов власти, общественных организаций и образовательных учреждений в год 70-летия Победы. Став продолжением серии международных и всероссийских конференций, проводимых ЮНЦ РАН по военной истории в целом и истории Великой Отечественной войны на юге России [1–5], она оказалась новым важным шагом вперед в осмыслении данной темы. Высказанные в пленарных и секционных докладах и выступлениях участников конференции положения, приведенные новые факты, источники и новые оценки уже известных явлений, а также сам диалог представителей различных научных школ и направлений дал, несомненно, новый импульс научным исследованиям истории Великой Отечественной войны. К началу конференции был издан сборник ее материалов [6].

Примечания:

1. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. 448 с.
2. Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции, 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 384 с.
3. Народы юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 480 с.
4. Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 456 с.
5. Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. 338 с.
6. Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. 548 с.

References:

1. Velikaya Otechestvennaya voyna v prostranstve istoricheskoy pamyati rossiyskogo obschestva: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (28–29 aprelya 2010 g., Rostov-na-Donu – Taganrog) [The Great Patriotic War in the space of historical memory of the Russian society. Proceedings of the International Scientific Conference (28–29 April 2010, Rostov-on-Don – Taganrog)]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2010. 448 s.
2. Voyna v istorii i sudbakh narodov yuga Rossii (k 70-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy voyny): materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 1–2 iyunya 2011 g., Rostov-na-Donu [The war in the history and destiny of the people of Southern Russia (the 70th Anniversary of the Great Patriotic War. Proceedings of the International Scientific Conference (1–2 June 2011, Rostov-on-Don)]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2011. 384 s.
3. Narody yuga Rossii v otechestvennykh voynakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (6–7 sentyabrya 2012 g., Rostov-na-Donu) [Peoples of the South of Russia in Patriotic Wars. Proceedings of the International Scientific Conference (6–7 September 2012, Rostov-on-Don)]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2012. 480 s.
4. Korennoy perelom v Velikoy Otechestvennoy voyne. K 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 6–7 iyunya 2013 g.) [The turning-point in the Great Patriotic War: to the 70-year anniversary of Liberation of the Don Region and the Northern Caucasus. Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, 6–7 June 2013)]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2013. 456 s.
5. Kazaki i gortsy v gody Pervoy mirovoy voyny: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Rostov-na-Donu, 18–19 sentyabrya 2014 g.). [The Cossacks and Highlanders during the First World War: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Attendees (Rostov-on-Don, 18–19 September 2014)]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2014. 338 s.
6. Znachenie srazheniy 1941–1943 gg. na yuge Rossii v Pobede v Velikoy Otechestvennoy voyne: materialy Vseros. nauch. konf. (Rostov-na-Donu, 3–6 iyunya 2015 g.) [The Significance of Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 3–6 June 2015)]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2015. 548 s.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

**Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе
в Великой Отечественной войне**

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Всероссийская научно-практическая конференция «Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне» прошла в Южном научном центре РАН с 3 по 6 июня 2015 г. В конференции приняли участие 120 специалистов из разных научно-исследовательских центров. Участники конференции обсудили широкий круг проблем, связанных с военными операциями на юге страны, что позволило устранить некоторые пробелы и «белые пятна» в историографии, внося свой вклад в создание целостного образа событий военного времени.

Ключевые слова: боевые операции, Великая Отечественная война, историография, юг России.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 69–76, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.69
www.ejournal15.com

UDC 94(470.620)(04)

Kravtsov, A.E. etc. (eds.). *The Town of Hadyzhensk: 150 Years of History*. Hadyzhensk: Platonov, 2014

Igor O. Tyumentsev

Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russian Federation
8, Gagarin Street, Volgograd, 400131
Dr (History), Professor
e-mail: tijumencev@mail.ru

Abstract

The review is devoted to the anniversary edition of the book describing the 150-year history of Hadyzhensk, Krasnodar region. The review criticizes the most problematic issues of the publication from the author's point of view of the author.

Keywords: South of Russia, regional studies, history of settlements, Hadyzhensk town, information sources.

Изучение истории, экономической, социальной, политической и культурной жизни населенных мест Российской Федерации является одной из актуальных тем регионоведения сегодня, т.к. эти разработки позволяют полнее учитывать потенциал территории и опыт его использования в современной практике.

Накануне празднования 150-летия города Хадыженска вышла в свет книга «Хадыженск: 150 лет истории» (Хадыженск, 2014), текст которой принадлежит И. Харитонову и Г. Симкиной. Текст скомпилирован из обширных цитат и пересказов: мемуаров офицеров-кавказцев К. Гейнца [1], Р.А. Фадеева [2], С. Духовского [3], И. Дроздова [4], А. Бесчастного [5], Н.К. Байбакова [6], историко-экономических и этногеографических описаний И. Браламберга [7], А.П. Берже [8], Т.Н. Михайлова [9], Ф.А. Щербины [10], полковых историй А. Зиссермана [11] и Л.А. Богуславского [12], краеведческих сочинений Г.С. Сироты [13], Ф.Н. Никитенко [14], И.Ф. Филиппенко и И.Н. Голубничего [15], перевода труда немецкого историка В. Тике [16], романа А.С. Серафимовича [17] и др. Большинство этих источников в краеведческом исследовании, посвященном истории Хадыженска, используются впервые, что, несомненно, имеет положительное значение, так они попадают в поле зрения местных краеведов. Смущает характер их использования: обильное цитирование или пересказ близко к тексту без какого-либо критического анализа и точных ссылок на оригинал.

Отдельные памятники российского законодательства, делопроизводственные материалы Государственных архивов Краснодарского (ГАКК) и Ставропольского (ГАСК)

краев, Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)¹, Архивного отдела Администрации муниципального образования Апшеронский район, краеведческие материалы МКУАГП «Апшеронский краеведческий музей», музеев домов культуры, школ и предприятий также впервые вводятся в научный оборот, но используются в основном в качестве иллюстраций к компилятивному тексту. Вновь отсутствуют точные ссылки на их местонахождение, что значительно затрудняет их дальнейшее использование в краеведческих исследованиях.

В списке используемой литературы сочинения Ф.Т. Никитенко, Р.А. Фадеева, Полное собрание законов Российской империи, мемуары А. Бесчастного [19], Н.К. Байбакова [20] и др. не упоминаются, зато в нем есть труды А.Л. Гизетти [21], В.А. Потто [22], следов использования которых в тексте нет. Совершенно непонятно, зачем понадобились воспоминания апшеронцев А.Ф. Орлова [23] и Н.П. Осадчей [24] для описания событий немецкой оккупации в Хадыженске, когда в обилии имеются воспоминания хадыженцев в упомянутой составителями книге Ф.С. Готьвана «Шумит Гунай» [25].

Цитируемые тексты используются без какой-либо критики и «сшиваются» пояснениями, оценками и заключениями авторов текста. В результате такого метода работы в книге в обилии воспроизводятся давно устаревшие схемы и догмы дореволюционной и советской историографий и краеведения [26], которые в обилии сдобрены собственными ничем не аргументированными домыслами и рассуждениями. К примеру, большевики названы «агрессивными пришельцами с петроградских “майданов”» [27]. Утверждается, что донские казаки служили на Кавказской линии «вахтовым методом» [28] или что костяк создаваемых в Закубанье казачьих полков составляли отставные солдаты [29]. Достаточно посмотреть современные работы о линейцах на Кавказе [30, 31] или на худой конец списки первопоселенцев в сочинениях Г.С. Сироты и Ф.Т. Никитенкова, чтобы понять, что эти утверждения не соответствуют действительности. Причем, составители текста, сами себе противореча, прямо об этом говорят на с. 42.

В сложившейся сложной этнополитической ситуации на Кавказе некоторые утверждения составителей не просто вредны, а чрезвычайно опасны и могут использоваться в качестве горючего материала для разжигания межнациональных конфликтов. Чего только стоит утверждение: «Следует, однако, отметить, что казаки приходили в горы не за добычей. Такого не было никогда. Да, они приходили мстить, наказывать за только что состоявшийся набег. А что было делать?» [32]. Или утверждение, что на Западном Кавказе у адыгов не было своей государственности и вождей, поэтому якобы «Договариваться, по существу, было не с кем» [33]. В новейшей литературе является установленным фактом, что среди адыгов выделялись «демократические» и «аристократические» народности [34]. Да и эмиры у них были: Мухаммед Эмин и Зан (Занокко) Сефир-бей.

Текст книги содержит откровенные ошибки и неточности. Например, вопреки далее цитируемому тексту сочинения Г.С. Сироты, утверждается, что укрепление Хадежи получило статус станицы Хадыженской² [36], что одним из ее основателей будто бы являлся полковник В.А. Гейман [37]. В действительности укрепление Хадежи было заложено в мае 1863 г. по приказу командира Пшехского отряда генерал-майора П.Д. Зотова, а В.А. Гейман добился снятия П.Д. Зотова с должности за поход на Хадежи и отзыва гарнизона из недостроенного укрепления в станицу Пшехскую [38].

Из поля зрения сочинителей абсолютно выпали сюжеты о месте и времени закладки станицы Хадыженской (они ограничили цитатой из Г.С. Сироты, что явно противоречит утверждению о присвоении статуса станицы укреплению Хадежи). Умолчали составители текста книги об участии хадыженцев в Русско-турецкой 1877–1878 гг. Русско-японской, Первой мировой войнах, в восстании Урупского полка в 1905 г.³ [39]. Ничего не говорится в книге о боях в районе Хадыженской в 1918, 1920 гг. во время Гражданской войны, о гибели хадыженских большевиков, о местных руководителях белого движения, о расправе над

¹ В том числе: [18].

² В действительности генерал-майор П.Д. Зотов получил приказ строить ее недалеко от укрепления Хадежи. См. [35], а также приводимую К. Гейнсом схему боевых действий Пшехского отряда.

³ В тексте дословно приведен рассказ казака Майкопского отдела А.И. Романюкова, который, увы, хадыженцем не был.

членами первой Хадыженской трудовой коммуны, репрессиях против станичников в период коллективизации.

Имея в своем распоряжении машинописную копию сборника воспоминаний ветеранов-хадыженцев «Поколение Октября» [40], в котором много данных о дореволюционной жизни, Гражданской войне, начале нефтяных разработок, коллективизации и культурной революции, сочинители книги о Хадыженске почти ничего этого не использовали. Рассказы очевидцев о трагических событиях Гражданской войны в Хадыженске составители текста заменили обширной цитатой из литературного сочинения А.С. Серафимовича [41].

В основу рассказа о событиях Великой Отечественной войне в Хадыженске вообще положены обширные цитаты из сочинения немецкого историка Вильгельма Тике [42], воспевшего мужество солдат и полководческие таланты офицеров вермахта! Цитаты из воспоминаний А. Бесчастного [43], Н.К. Байбакова [44] об уничтожении нефтяных промыслов и биографии советских военачальников общей картины не меняют. Труды и обширные материалы известного исследователя Туапсинской операции Э.И. Пятигорского остались вне поля зрения авторов [45–47]. По словам компиляторов, «...еще в середине июля (1942 г.) Хадыженск был обречен на оккупацию или близкие бои – “предгорье”...» [48]. Бой 14 августа 1942 г., в ходе которого Хадыженский истребительный батальон под командованием начальника милиции Ф.В. Филиппова и 227-й полк НКВД остановили на Хадыженском перевале регулярные части дивизии СС «Викинг» и не позволили прорваться к Туапсе до подхода 32-й дивизии, даже не упоминается [49]. В рассказе о партизанском движении вновь сообщается о мифических подвигах группы Б.С. Чайки, которые в свое время едва не стоили жизни разведчику М.Д. Рыжих, были им разоблачены и стали предметом партийного разбирательства [50–51]. Авторы не нашли свидетелей, которые могли бы рассказать о голоде 1946–1947 гг. в поселке Хадыженском, а почему-то воспроизвели рассказы о пережитом жителях Приморско-Ахтарска и Кропоткина [52].

Вплоть до описания жизни города и горожан в 50–80-е гг. XX в. анализируемая книга напоминает краткий конспект общего курса кубановедения, а о поселении и его жителях создатели текста вспоминают в общем контексте от случая к случаю. В результате почти 100 лет истории Хадыженска и его жителей представлены фрагментарно с большими искажениями. Наибольший интерес представляют сведения, зафиксированные в рассказах хадыженцев о жизни города в 50–80-е гг. XX в., но и они почти дословно воспроизводят используемые материалы, которые нуждаются в дополнении и критическом осмыслении.

Текст книги украшают 23 биографических очерка видных деятелей России и региона. Понятно, когда составители рассказывают о людях, внесших значительный вклад в защиту и развитие города: Н.И. Евдокимове, Ф.Н. Сумарокове-Эльстоне, В.А. Геймане, И.М. Губкине, Н.К. Байбакове, М.Ф. Белогорцевой, А.Д. Знаменском, Г.М. Гейхмане, В.Н. Дедюрине, М.В. Ярове, Л.М. Сонине, Б.А. Сагарьяне, Н.А. Рыбалко. Но зачем понадобились биографические очерки И.Ф. Бламберга, который описывал Западный Кавказ задолго до строительства станицы Хадыженской, М.И. Калинина, который всего лишь посетил Нефтегорск, А.А. Гречко и Ф.В. Камкова, которые в описании событий Великой Отечественной войны в книге не упоминаются, А.Е. Бовина, который в своих мемуарах не сказал ни одного доброго слова о Хадыженске [53]? Вне поля зрения создателей книги оказался основатель укрепления Хадежи генерал-майор Д.П. Зотов, директор Хадыженского училища Г.С. Сирота, авторитетные руководители поселения, его предприятий и учреждений, командиры партизанских соединений, почетные граждане, орденосцы и др.

Видовой ряд книги по большей части к Хадыженску не относится. Например, на с. 57 «Ученики станичной школы» сфотографированы не в Хадыжах, а в Кабардинской. Большинство фотографий казаков и их семей из того же Кабардинского школьного музея. На фотографиях «После полевых сборов» [54] и «Казаки на привале» [55] из семейного архива казака Щербухи из станицы Новолеушковской он и его товарищи сфотографировались в перерывах между боями на фронте Первой мировой войны, а не на сборах.

Многие подписи к фотографиям вызывают удивление. На с. 52 фотография «Товарищи по оружию» относится к Гражданской войне, а не к дореволюционному времени. На с. 58 помещена фотография смотра хадыженских казаков и казачат в Майкопе,

подписанная «Доклад станичному атаману». В действительности станичный атаман докладывает одностаничнику Атаману Майкопского отдела ККВ генерал-майору П.И. Косякину, которого хадыженцы с гордостью называли «сокол». На с. 71 находится фотография, подписанная «Казачи станицы Хадыженской. 1916 г.». В действительности это ежегодный сбор станичных атаманов Майкопского отдела ККВ в Майкопе в 1914 г., и М.И. Василенко отнюдь не в центре, а в третьем ряду снизу шестой слева направо. Об этом могла бы сказать сочинителям его внучка, многие годы добывающаяся переноса могилы атамана с заваленной мусором обочины дороги на улице Комсомольской в Хадыженске.

К сожалению, редакционная коллегия под руководством главы муниципального образования Апшеронский район Андрея Евгеньевича Кравченко не смогла обеспечить квалифицированного редактирования текста книги. В результате в ней имеются такие пассажи: «Часть меотов родственна современным адыгам, а другая – осетинам» [56], «Обеспечив России выход на Балтику, он (Петр Великий) в 1722 г. отправился в Персидский поход. На самом деле на Кавказ...» [57]. На с. 122 М.Ф. Белогорцева названа партизанкой, а в соседней колонке на с. 123 прямо говорится, что она была в эвакуации. На с. 108 ошибочно утверждается, что осенью 1942 г. Хадыженская была занята нашими войсками и была захвачена противником «позже». О преобразовании Нефтегорского плодоовощного совхоза [58], создании Хадыженской детской художественной школы [59] говорится дважды и т.д.

При оформлении книги издательством «Платонов» допущены нарушения ГОСТ Р 7.0.4-2006 (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления), который введен в действие 01.01.2007.

Именно поэтому, несмотря на неплохое полиграфическое исполнение, вопреки утверждению анонсировавших издание главы муниципального образования Апшеронский район А.Е. Кравченко, главы города Хадыженска Ф.В. Кравцова и председателя Краснодарского регионального отделения Русского географического общества депутата И.Г. Чайка, книгу отнюдь нельзя признать «уникальным изданием». Это очень сырой, малоинформативный, изобилующий ошибками и неточностями текст, который зачастую не просто вводит читателя в заблуждение, но и излагает взгляды, чреватые тяжелыми социально-политическими последствиями. Книгу, вопреки циркулярам местных властей, нельзя использовать в школах города и района, т.к. она наносит вред обучению и воспитанию молодого поколения.

Примечания:

1. Гейнц К. Пшехский отряд: с октября 1862 по ноябрь 1864 года. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1866. 251 с. URL: https://books.google.ru/books/about/Пшехский_отряд.html?id=biNfAAAAcAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 30.03.2016).
2. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о Кавказских делах. М.: ГПИБ, 2007. 680 с. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Fadeev_R_A/text1.htm (дата обращения: 30.03.2016).
3. Духовский С. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 г. // Военный сборник. 1864. № 11–12.
4. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/kavkaz.html> (дата обращения: 30.03.2016).
5. Бесчастный А. Чекисты против «Эдельвейса» // Чекисты рассказывают / сост. В. Листов. М.: Советская Россия, 1983. Кн. 5. С. 145–172.
6. Байбаков Н.К. Нефтяной фронт. М.: ГазОйл Пресс, 2006. 110 с.
7. Браламберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Надыршин А.Г., 2005. 432 с.
8. Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. Январь. С. 161–176. Февраль. С. 337–363. Т. XXXVI. Октябрь. С. 1–32.
9. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. Ставропольская губерния и Кубанская область (обзор городов, сел, хуторов). Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1910. 501 с.
10. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1910–1913.
11. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880): в 3 т. СПб.: Тип. В. Грацианского, 1881.

12. Богуславский Л.А. Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка 1700–1894. Краткая история Апшеронского полка для солдат. СПб.: Типография А. Бенке, 1894. 540 с.
13. Город Хадыженск и станица Кабардинская. Юбилейные историко-краеведческие очерки / сост. И.О. Тюменцев. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 43–86.
14. Город Хадыженск и станица Кабардинская... С. 11–43.
15. Голубничий И.Н., Филиппенко И.Ф. Хадыженские источники. Краснодар, 1965.
16. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943. М.: ЭКСМО, 2005. 448 с.
17. Серафимович А.С. Железный поток. М.: Советская Россия, 1979. 175 с.
18. Кубань в годы Великой Отечественной войны: хроника событий. Кн. 1: 1941–1942 гг. Краснодар: Советская Кубань, 2000. 816 с.
19. Бесчастный А. Чекисты против «Эдельвейса»... С. 145–172.
20. Байбаков Н.К. Нефтяной фронт...
21. Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск: в 2 ч. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. гражд. частью на Кавказе, 1896.
22. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1.
23. Орлов А.Ф. Военное детство (Это было в станице Апшеронской): художественно-документальная повесть. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2010. 220 с.
24. Осадчая Н.П. Сквозь годы и расстояния. Семейная хроника. Калуга: Эйдос, 2008. 344 с.
25. Готьван Ф.С. Шумит Гунай: историко-литературная повесть о бойцах Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани в 1942–1943 годах. Волгоград: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 381 с.
26. Хадыженск: 150 лет истории... С. 25–31.
27. Хадыженск: 150 лет истории... С. 72.
28. Хадыженск: 150 лет истории... С. 14.
29. Хадыженск: 150 лет истории... С. 43–47.
30. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д: [Б.и.], 2001. 278 с.
31. Курышев А. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.
32. Хадыженск: 150 лет истории... С. 25.
33. Хадыженск: 150 лет истории... С. 29.
34. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 318 с.
35. Гейнс К. Пешехский отряд. Ч. 4 // Военный сборник. 1866. С. 246.
36. Хадыженск: 150 лет истории... С. 29.
37. Хадыженск: 150 лет истории... С. 73.
38. Гейнс К. Пешехский отряд. Ч. 3 // Кавказский сборник. 1884. Т. 8.
39. Хадыженск: 150 лет истории... С. 67–68.
40. Поколение Октября. Хадыженск: [Б.и.], 1967.
41. Хадыженск: 150 лет истории... С. 68–71.
42. Хадыженск: 150 лет истории... С. 102–105, 110–112.
43. Бесчастный А. Чекисты против «Эдельвейса»... С. 145–172.
44. Байбаков Н.К. Нефтяной фронт...
45. Пятигорский Э.И. История – это то, что было... 1942. Туапсинская оборонительная операция. Хроника, факты, размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе: [Б.и.], 1992. 422 с.
46. Атлас Туапсинской оборонительной операции: август-декабрь 1942. Краснодар; Туапсе: [Б.и.], 1993. 75 с.
47. Пятигорский Э.И. На остриях войны. Кубань, август 1942 г. Туапсе, 2005.
48. Хадыженск: 150 лет истории... С. 101.
49. Готьван Ф.С. Шумит Гунай...
50. Хадыженск: 150 лет истории... С. 115.
51. Готьван Ф.С. Шумит Гунай... С. 219–236.
52. Хадыженск: 150 лет истории... С. 115.
53. Бовин А.Е. XX век как жизнь: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 773 с.
54. Хадыженск: 150 лет истории... С. 45.
55. Хадыженск: 150 лет истории... С. 46.
56. Хадыженск: 150 лет истории... С. 12.
57. Хадыженск: 150 лет истории... С. 14.
58. Хадыженск: 150 лет истории... С. 128, 138.
59. Хадыженск: 150 лет истории... С. 145, 165.

References:

1. Geynts K. Pshekhskiy otryad: s oktyabrya 1862 po noyabr 1864 goda [The Pshekh squad: from the October of 1862 to the November of 1864]. SPb.: Tipografiya Departamenta Udelov, 1866. 251 s. URL: https://books.google.ru/books/about/Pshekhskiy_otryad.html?id=biNfAAAAcAAJ&redir_esc=y (data obrascheniya: 30.03.2016).
2. Fadeev R.A. 60 let Kavkazskoy voyny. Pisma s Kavkaza. Zapiski o Kavkazskikh delakh [60 years of the Caucasian War. The Letters from the Caucasus. Notes on the Caucasian affairs]. M.: GPIB, 2007. 680 s. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Fadeev_R_A/text1.htm (data obrascheniya: 30.03.2016).
3. Dukhovskiy S. Materialy dlya opisaniya voyny na Zapadnom Kavkaze. Dakhovskiy otryad na yuzhnom sklone gor v 1864 g. [Materials for the description of war in the Western Caucasus] // Voennyi sbornik. 1864. № 11–12.
4. Drozdov I. Poslednyaya borba s gortsami na Zapadnom Kavkaze [The last battle with the highlanders in the Western Caucasus] // Kavkazskiy sbornik. 1877. T. 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/kavkaz.html> (data obrascheniya: 30.03.2016).
5. Beschastnyy A. Chekisty protiv “Edelveysa” [The members of the Emergency committee vs “Edelweiss”] // Chekisty rasskazyvayut. M.: Sovetskaya Rossiya, 1983. Kn. 5. S. 145–172.
6. Baybakov N.K. Neftyanoy front [The oil front]. M.: GazOil Press, 2006. 110 s.
7. Bralamberg I. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, Topographic, statistic, ethnographic, and military description of the Caucasus]. M.: Nadyrshin A.G., 2005. 432 s.
8. Berzhe A. P. Vyselenie gortsev s Kavkaza [The Highlanders’ deportation from the Caucasus] // Russkaya starina. 1882. T. 33. Yanvar. S. 161–176. Fevral. S. 337–363. T. 36. Oktyabr. S. 1–32.
9. Mikhaylov N.T. Spravochnik po Stavropolskoy eparkhii. Stavropolskaya guberniya i Kubanskaya oblast (obzor gorodov, sel, khutorov) [Reference book on the Stavropol Diocese. Stavropol Province and Kuban Region (the review of the towns, villages, and hamlets)]. Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1910. 501 s.
10. Scherbina F.A. Istoriya Kubanskogo kazachyego voyska [The history of the Kuban Cossack Host]: v 2 t. Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1910–1913.
11. Zisserman A. Istoriya 80-go pekhotnogo Kabardinskogo general-feldmarshala knyazya Baryatinskogo polka (1726–1880) [The history of the 80th infantry Kabardian regiment named after general field marshal Prince Baryatinsky]: v 3 t. SPb.: Tip. V. Gratsianskogo, 1881.
12. Boguslavskiy L.A. Velikiy knyaz Georgiy Mikhaylovich. Apsheronskaya pamyatka 1700–1894. Kratkaya istoriya Apsheronnskogo polka dlya soldat [The Great Prince Georgiy Mikhaylovich. The reminder of Apsheronsk 1700–1894. The short history of the Apsheronsk regiment for the soldiers]. SPb.: Tipografiya A. Benke, 1894. 540 s.
13. Gorod Khadyzhensk i stanitsa Kabardinskaya. Yubileynye istoriko-kraevedcheskie ocherki [The town of Khadyzhensk and stanitsa Kabardinskaya. Anniversary local historical essays] / sost. I.O. Tyumentsev. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2004. S. 43–86.
14. Gorod Khadyzhensk i stanitsa Kabardinskaya [The town of Khadyzhensk and stanitsa Kabardinskaya]. S. 11–43.
15. Golubnichiy I.N., Filippenko I.F. Khadyzhenskije istochniki [Khadyzhensk sources]. Krasnodar, 1965.
16. Tieke W. Marsh na Kavkaz. Bitva za neft 1942–1943 [The Caucasus and the oil]. M.: EKSMO, 2005. 448 s.
17. Serafimovich A.S. Zheleznyy potok [Flow of iron]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1979. 175 s.
18. Kuban v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: khronika sobytii [Kuban in the period of the Great Patriotic War]. Kn. 1: 1941–1942 gg. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2000. 816 s.
19. Beschastnyy A. Chekisty protiv “Edelveysa” [The members of the Emergency committee vs “Edelweiss”]. Kn. 5. S. 145–172.
20. Baybakov N.K. Neftyanoy front [The oil front].
21. Gizetti A.L. Khronika Kavkazskikh voysk [The chronicle of the Caucasian troops]: v 2 ch. Tiflis: Tip. Kants. Glavnonach. grazhd. chastyu na Kavkaze, 1896.
22. Potto V.A. Kavkazskaya vojna [The Caucasian war]: v 5 t. Stavropol: Kavkazskiy kray, 1994. T. 1.
23. Orlov A.F. Voенное детство (Ето было в станице Апшеронской): khudozhestvenno-dokumentalnaya povest [The war childhood (It was in the stanitsa of Apsheronsk)]. Maykop: OAO “Poligraf-Yug”, 2010. 220 s.
24. Osadchaya N.P. Skvoz gody i rasstoyaniya. Semeynaya khronika [Through the years and space. The family chronicle]. Kaluga: Eydos, 2008. 344 s.
25. Gotvan F.S. Shumit Gunay: istoriko-literaturnaya povest o boytsakh Neftegorskogo soedineniya partizanskikh otryadov Kubani v 1942–1943 godakh [Babbling Gunay: Historical and literary novel about the

- soldiers of the guerrilla units from the Neftegorsk squadron in the Kuban region in 1942–1943]. Volgograd: Volgogradskiy filial FGBOU VPO RANKhiGS, 2012. 381 s.
26. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 25–31.
 27. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 72.
 28. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 14.
 29. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 43–47.
 30. Velikaya N.N. Kazaki Vostochnogo Predkavkazya v 18–19 vv. [The Cossacks of the Eastern Caucasia]. Rostov n/D: [B.i.], 2001. 278 s.
 31. Kuryshchev A. Volzhskoe kazachye voysko (1730–1804): sozhdanie, razvitiye i preobrazovanie v lineynye kazachyi polki [Volga Cossack Host (1730–1804): the formation, development, and converting to the Line Cossack regiments]. Volgograd: Izdatel, 2011. 352 s.
 32. Khadyzhensk: 150 let istorii. [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 25.
 33. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 29.
 34. Pokrovskiy M.V. Iz istorii adygov v kontse 18 – pervoy poloviny 19 veka: sotsialno-ekonomicheskie ocherki [From the Adyghe history of the late 18th century – the first half of the 19th century: social and economic essays]. Krasnodar: Kn. izd-vo, 1989. 318 s.
 35. Geyns K. Pshekhskiy otryad [The Pshekh squad]. Ch. 4 // Voennyi sbornik. 1866. S. 246.
 36. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 29.
 37. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 73.
 38. Geyns K. Pshekhskiy otryad [The Pshekh squad]. Ch. 3 // Kavkazskiy sbornik. 1884. T. 8.
 39. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 67–68.
 40. Pokolenie Oktyabrya [The October generation]. Khadyzhensk: [B.i.], 1967.
 41. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 68–71.
 42. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 102–105, 110–112.
 43. Beschastnyy A. Chekisty protiv “Edelveysa” [The members of the Emergency committee vs “Edelweiss”]. S. 145–172.
 44. Baybakov N.K. Neftyanoy front [The oil front].
 45. Pyatigorskii E.I. Istoriya – eto to, chto bylo... 1942. Tuapsinskaya oboronitel'naya operatsiya. Khronika, fakty, razmyshleniya, kommentarii i versii kraevedy [History is what really was... The defence operation in Tuapse: Chronicle, facts, thoughts, commentaries and versions of a local historian]. Tuapse: [B.i.], 1992. 422 s.
 46. Atlas Tuapsinskoy oboronitel'noy operatsii avgust-dekabr 1942 [Atlas of the Tuapse defence operation. August–September of 1942]. Krasnodar; Tuapse: [B.i.], 1993. 75 s.
 47. Pyatigorskii E.I. Na ostriyakh voyny. Kuban, avgust 1942 g. [At the edges of war. Kuban, August 1942]. Tuapse, 2005.
 48. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 101.
 49. Gotvan F.S. Shumit Gunay [Babbling Gunay].
 50. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 115.
 51. Gotvan F.S. Shumit Gunay. [Babbling Gunay]. S. 219–236.
 52. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 115.
 53. Bovin A.E. 20 vek kak zhizn: vospominaniya [The 20th century as the life: memoirs]. M.: Zakharov, 2003. 773 s.
 54. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 45.
 55. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 46.
 56. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 12.
 57. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 14.
 58. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 128, 138.
 59. Khadyzhensk: 150 let istorii [Khadyzhensk: 150 years of history]. S. 145, 165.

УДК 94(470.620)(04)

**Город Хадыженск 150 лет истории / ред. А.Е. Кравцов и др. Хадыженск:
Платонов, 2014. 176 с. ил.**

Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация
400131, Волгоград, улица Гагарина, 8
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tijumencev@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена юбилейному изданию – книге, в которой описывается 150-летняя история города Хадыженска Краснодарского края. В рецензии дается критика наиболее проблемных, с точки зрения автора рецензии, положений этого краеведческого сочинения.

Ключевые слова: исторические сюжеты, история населенных мест, источники информации, краеведение, регионоведение Юга России, Хадыженск.